

А.М. ОРЕХОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
СССР и ПНР

1944 | 1957

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

А.М. ОРЕХОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
СССР и ПНР

1944–1957 гг.

«ИНДРИК»
МОСКВА 2017

УДК 94(438)
О 65

Издание осуществлено при финансовом содействии Фонда
«Российско-польский центр диалога и согласия»

Ответственный редактор доктор исторических наук *Б.В. Носов*
Научный редактор кандидат исторических наук *О.С. Каштанова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г.Ф. Матвеев*
доктор исторических наук *А.Ф. Носкова*

Орехов А.М.

Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР
(1944–1957 гг.). – М.: Индрик, 2017. – 272 с.

ISBN 978-5-91674-428-6

Монография посвящена рассмотрению малоизученных вопросов экономических отношений СССР и Народной Польши со времени окончания Второй мировой войны и до преодоления кризиса 1956 г. в ПНР. В книге проанализированы характер и значение экономического сотрудничества двух стран для решения задач социалистического строительства в Польше и в целом народнохозяйственных проблем СССР и стран социалистического содружества. В центре внимания автора – взаимоотношения правящих элит СССР и Польши, стратегия и тактика обеих стран по осуществлению курса двустороннего и многостороннего народнохозяйственного сотрудничества, способы преодоления возникавших противоречий. В источниковой базе исследования значительное место занимают недостаточно изученные, а также впервые вводимые в научный оборот документальные материалы из московских и варшавских архивохранилищ.

Исследование рассчитано на преподавателей и учащихся высшей школы гуманитарного профиля, интересующихся новейшей политической и экономической историей Польши и стран Центральной и Восточной Европы.

© Институт славяноведения РАН, 2017

© Издательство «Индрик»,

оформление, 2017

ISBN 978-5-91674-428-6

Оглавление

Предисловие 7

Введение 11

Глава первая

Народнохозяйственные связи и экономические отношения
Польши и СССР в годы послевоенного восстановления
народного хозяйства: стратегия взаимодействия
и истоки конфликтов (1944–1955 гг.) 19

1. Все решалось по воле Сталина 21

2. По пути, указанному вождем 32

3. Совет экономической взаимопомощи и Польша 50

4. Советско-польские отношения
по вопросам компенсации военных потерь
и по проблеме германских репараций 58

5. Экономические отношения ПНР и СССР
в первой половине 1950-х гг. 67

Глава вторая

Советская «оттепель» и политический кризис в ПНР 1956 г.:
поиски путей совершенствования польско-советского
экономического сотрудничества 91

1. Новые задачи и новый опыт
экономического сотрудничества 94

2. Июньские события 1956 г. в Познани.
Программа советской экстренной
экономической помощи ПНР 119

3. Межправительственные польско-советские дискуссии
по хозяйственным вопросам в сентябре 1956 г. 127

4. Новый этап социально-политического кризиса.
Октябрь 1956 г. 131

5. Возвращение Владыслава Гомулки к власти. Новый курс руководства ПОРП в вопросах экономического сотрудничества с СССР	138
6. Экономические отношения ПНР и СССР и кризис 1956 г. в Польше	147
Глава третья	
Экономические отношения ПНР и СССР в период посткризисной стабилизации (конец 1956 – 1957 г.)	155
1. На пути к политической стабильности	155
2. Первоочередные меры в области польско-советских хозяйственных связей (ноябрь – декабрь 1956 г.)	159
3. Дискуссии по «угольной проблеме» в январе 1957 г.	163
4. Выборы в Сейм и продолжение политики стабилизации	171
5. Подготовка к московским переговорам на высшем уровне	176
6. Советско-польские переговоры в Москве	184
7. Урегулирование разногласий по германским репарациям. Новые принципы экономического сотрудничества	187
8. VIII сессия СЭВ в Варшаве	199
Итоги	203
Приложения	213
Источники и литература	236
Указатель имен (с краткими биограммами)	245

Предисловие

Работу над предлагаемой вниманию читателя книгой ее автор – Александр Михайлович Орехов (3 июня 1933 г. – 26 ноября 2013 г.) – завершил незадолго до своей кончины. Нам, его коллегам по Институту славяноведения РАН, в котором Александр Михайлович работал с 1958 г., довелось вместе с ним обсуждать этот труд. Развернувшаяся тогда яркая и плодотворная дискуссия убедительно продемонстрировала значение этой работы и важность ее публикации.

А.М. Орехов заслуженно считается одним из крупнейших российских специалистов по истории польского общественного и революционного движения XIX века, по истории Польской Народной Республики и взаимоотношений СССР и ПНР, а также по новейшей истории Польши рубежа XX–XXI вв. Публикуемая сегодня книга представляет только одну из многочисленных граней его научного творчества. А.М. Орехов – выпускник Московского историко-архивного института, ученик Н.В. Устюгова – специализировался в студенческие годы по истории России XVII века, однако судьба распорядилась так, что свой более чем полувековой путь в науке он посвятил изучению истории Польши и российско-польских отношений. В Институте славяноведения основным направлением его исследований на долгие годы стало изучение польского национально-освободительного движения XIX в., польского рабочего движения и русско-польских революционных связей второй половины XIX – начала XX в. во взаимосвязи с российским рабочим движением. Результаты этой работы воплотились в кандидатской диссертации «Русско-польские революционные связи в период возникновения марксистских рабочих организаций в России. 1887–1893 гг.» (1971) и в монографиях: «Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. 1887–1893 гг.» (М., 1973), «Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874–1893)» (М., 1979), «Первые марксисты в России. Петербургский «Рабочий союз» 1887–1893» (М., 1979).

А.М. Орехов принимал участие в работе над совместной советско-польской публикацией «Восстание 1863 года. Материалы

и документы», в написании коллективных трудов: «Исследования по истории польского общественного движения XIX–XX вв.», «Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в.», «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917», «Комплексные проблемы истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований», «Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.», «СССР и Польша. Интернациональные связи: история и современность», «Рабочее движение в Центральной Европе и пролетарский интернационализм (1871–1904)». Он являлся очень добросовестным и скрупулезным редактором, всегда тщательно перечитывал текст, проверяя каждую сноску и цитату.

В 1987 г., в составе исследовательской группы Института славяноведения по изучению современной культуры, Александр Михайлович положил начало разработке в то время малоизученной в культуроведении, истории и политологии проблематики, связанной с динамикой идеологических структур польского общества после Второй мировой войны. В особенности его внимание привлекали развивавшиеся в польском обществе идеологические процессы в контексте общественно-политических кризисов в ПНР 1956, 1968, 1980–1981 гг. Данной теме была посвящена его фундаментальная монография «Советский Союз и Польша в годы “оттепели”. Из истории советско-польских отношений» (М., 2005).

Однако существенные перемены в направлении научных изысканий не помешали Александру Михайловичу продолжать разработку традиционной проблематики, о чем свидетельствует его непосредственное участие в коллективных трудах: «Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1982); «Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг.» (М., 1988).

В 1980–1990-е гг., многократно посещая Польшу, Александр Михайлович проделал незаурядную работу по собиранию материалов и формированию корпуса исторических источников по новейшей польской истории. Он стал признанным знатоком польских архивов новейшего времени. Им были собраны ценнейшие коллекции материалов польской прессы самых различных общественно-политических направлений, в том числе уникальные неофициальные и подпольные издания. Большое значение А.М. Орехов придавал

личным беседам со свидетелями и участниками исторических событий, как с видными политическими и общественными деятелями, так и с представителями самых широких общественных кругов.

Другим важнейшим направлением работы Александра Михайловича в эти годы стало изучение российских архивных фондов новейшего времени, относящихся к польской проблематике. В этой области им были достигнуты выдающиеся успехи, что получило признание в профессиональном научном сообществе историков и архивистов, когда на исходе 1990-х годов А.М. Орехов был приглашен в качестве составителя и комментатора при подготовке фундаментальной трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС 1954–1964 гг. (М., 2003–2008).

Плодами трудов А.М. Орехова в области новейшей истории Польши и российско-польских отношений стали мастерски написанные главы «Краткой истории Польши» (М., 1995); монография «Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений» (М., 2005); разделы в опубликованной в 2012 г. в соавторстве с ведущими российскими историками-полонистами коллективной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (ответственный редактор А.Ф. Носкова). Благодаря подготовленным А.М. Ореховым публикациям архивных документов и публикациям, выполненным с его участием, в научный оборот были введены и широко используются исследователями многочисленные ценнейшие исторические источники по новейшей истории Польши, а также стран и народов Центральной и Восточной Европы второй половины XX века. Только за последнее десятилетие А.М. Ореховым был опубликован ряд статей, изданных в России, в Польше и в Германии, что убедительно свидетельствует о международном признании научных достижений и заслуг их автора. В последние годы жизни А.М. Орехов работал над публикуемой ныне монографией «Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР (1944–1957 гг.)».

В целом научные труды А.М. Орехова отличает широкая эрудиция и детальное знание автором предмета исследования, оригинальность подхода, новизна идей, строгость методологии и точность анализа, безупречная логика изложения материала, скрупулезная работа исследователя по выявлению новых источников в архивохранилищах России и Польши.

Александр Михайлович Орехов вел большую научно-организационную работу: с 1962 по 1965 г. – в качестве ученого секретаря

комиссии по международным научным связям Института славяноведения; с 1974 г. – исполнял обязанности ученого секретаря Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. В 1991–2000 гг. А.М. Орехов заведовал лабораторией информации и документации Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации. В 2006 г. он вошел в состав Комиссии историков России и Польши, был одним из организаторов международной конференции «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос. Новые источники, новые взгляды», которая прошла в Москве в ноябре 2007 г.

Многолетняя плодотворная научная работа А.М. Орехова дала убедительные свидетельства его высокого творческого потенциала и научных достижений. В ученом сообществе, среди российских и польских коллег, друзей и учеников А.М. Орехов пользовался заслуженным авторитетом и уважением как крупный специалист, талантливый исследователь, уникальный знаток российских и польских архивов. Александр Михайлович отличался искренностью, душевной прямоотой, научной принципиальностью, был готов оказать всестороннюю и бескорыстную помощь.

В заключение полагаем своим долгом отметить, что значительный вклад в подготовку настоящего издания был внесен рецензентами: заслуженным профессором Московского государственного университета, доктором исторических наук Геннадием Филипповичем Матвеевым и ведущим научным сотрудником Института славяноведения РАН, доктором исторических наук Альбиной Федоровной Носковой.

О.С. Каштанова, Б.В. Носов

В новейшей историографии, посвященной странам Центральной и Восточной Европы, которые со времени окончания Второй мировой войны и до рубежа 1980–1990-х гг. были объединены в социалистический лагерь во главе с СССР, рубежом ее становления принято считать середину 1980-х гг. С этого времени главное внимание исследователей уделяется политическим вопросам взаимоотношений социалистических стран. В полной мере это относится и к истории советско-польских отношений, о чем свидетельствуют хотя бы две международные конференции, проведенные в Варшаве в октябре 2006 г. Польским институтом международных дел Министерства иностранных дел Польши и Институтом политических исследований Польской академии наук. Они были посвящены: первая – историческому значению «Польского октября 1956 г.» и кризису в странах социалистического лагеря 1950-х гг.¹, вторая – в целом кризисам в социалистических странах на протяжении тридцатилетия 1953–1981 гг.²

Говоря о российской историографии, следует указать на вышедшую в свет в 2012 г. «Историю Польши XX века»³, имеющую подзаголовок «Очерки политической истории». Появление этого труда стало возможным только после того, как получили свое завершение глубинные социально-политические процессы, определявшие историю Польши и России, славянского мира, да и всего европейского континента XX века.

Проблемы экономической истории в новейшей историографии привлекают внимание исследователей заметно меньше, чем это было несколькими десятилетиями ранее, например, до начала 1980-х гг. Это утверждение в полной мере касается и истории экономических отношений Советского Союза и Польши в 1940–1950-е гг., которая

¹ См.: *Polski Październik 1956 w polityce światowej / Pod red. naukową J. Rowińskiego przy współpracy T. Jaskułowskiego*. Warszawa, 2006.

² *Kryzysy systemu komunistycznego 1953–1981. Międzynarodowa konferencja naukowa*. Warszawa, 20–21 października 2006 r. Program. Warszawa, 2006.

³ *Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова*. М., 2012.

изучается в современной историографии явно недостаточно, а следовательно, указанная проблематика остается актуальной по сию пору. Одной из наименее изученных тем является политика партийно-государственного руководства СССР и ПНР по вопросам развития и взаимодействия народнохозяйственных комплексов обеих стран.

В 1960–1970-е гг. в СССР и в ПНР было написано и издано немало трудов, посвященных экономическим проблемам социалистического строительства и сотрудничества социалистических стран в народнохозяйственной области⁴. Начало было положено опубликованной в 1959 г. в журнале «Коммунист» к десятилетию Совета экономической взаимопомощи небольшой статьей И.Т. Виноградова⁵ – в то время заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными коммунистическими и рабочими партиями. Она послужила своего рода директивным сигналом к научной разработке проблем экономического сотрудничества социалистических стран. В работу эту включились экономисты, историки, юристы и другие специалисты гуманитарного и технического профилей.

Однако авторы трудов главное внимание уделяли выработке и реализации планов социалистического строительства, оставляя на втором плане проблемы конкретного хозяйственного взаимодействия народнохозяйственных комплексов стран Центральной и Восточной Европы, в то время как именно здесь наиболее рельефно проявлялись трудности и противоречия экономического развития. Руководствуясь идеологическими установками правящих комму-

⁴ См., напр.: Сближение уровней развития социалистических государств / Под ред. Ю.С. Ширяева. М., 1961; Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств (Сборник документов). М., 1972; Внешнеэкономические связи социалистических стран. М., 1974; Экономическая интеграция и совершенствование механизма сотрудничества стран – членов СЭВ. М., 1975; Социалистическая экономическая интеграция и международные экономические связи. М., 1980. См. также: Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории / Под ред. Г.П. Мурашко. М., 1989.

⁵ Виноградов И.Т. Экономическое сотрудничество социалистических стран крепнет и расширяется (К десятилетию Совета Экономической Взаимопомощи) // Коммунист. 1959. № 6. С. 80–91.

нистических партий, ученые обходили молчанием политические вопросы экономических взаимоотношений, ограничиваясь официальным тезисом о так наз. «единстве марксистско-ленинского курса» социалистических стран.

В полной мере это касалось и истории взаимоотношений СССР и ПНР по народнохозяйственным вопросам, в основе исследования которых лежали исторические источники, опубликованные в фундаментальном и сохраняющем и по сей день свое научное значение издании «Документов и материалов по истории советско-польских отношений»⁶. В целом литература по теме как на русском, так и на польском языках, количественно богата, но весьма неравноценна по содержанию. Прежде всего она уязвима для критики в части вводимого в научный оборот фактического материала, поскольку государственная цензура как в СССР, так и в ПНР препятствовала публикации в 1940–1980-е гг. засекреченных материалов из государственных архивов, даже в случае допуска к ним исследователей. Тем самым лимитировалась возможность полноценного научного анализа объекта изучения, обеднялась научная литература предмета, а историческая картина представлена была в искаженном виде.

Говоря об изучении экономических взаимоотношений СССР и ПНР в первое послевоенное десятилетие (до конца 1950-х гг.) в новейшей российской историографии, отметим, что начиная с 2003 г. положение здесь стало ощутимо меняться в лучшую сторону. Это явилось прямым следствием введения в научный оборот значительного пласта рассекреченных и затем опубликованных источников из Российского государственного архива новейшей истории и Архива Президента Российской Федерации⁷. В историографии современной Польши публикации некоторых новых ценных источников появлялись уже в 1990-е гг., много раньше, чем в нашей стране. Благодаря усилиям коллектива Польского института международных дел осуществляется публикация серии «Польские дипломатические документы», в которой также заметное место принадлежит материалам, отражающим внешнеэкономические связи

⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974–1983. Т. 8–11 (Январь 1946 – декабрь 1960 гг.).

⁷ Имеются в виду два тома серии «Архивы Кремля», подготовленные публикаторами московского архива документов новейшей истории: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1 (М., 2003) и Т. 2 (М., 2006).

Народной Польши⁸. Именно на расширение источниковой базы, необходимой для фундаментальных исследований, в том числе по проблемам экономической истории, ориентирована в целом новейшая, как российская, так и польская, историография.

Еще в 1987 г. в Польше увидела свет книга Г. Ружаньского о начальном этапе формирования советско-польских экономических связей⁹. Ее своеобразие заключается в том, что она соединяет в себе достоинства мемуаров и одновременно научного исследования. Автор принимал активное непосредственное участие в описываемых событиях, а в процессе создания книги он опирался на подлинные документы той эпохи. В 1990 г. была опубликована его следующая книга¹⁰, посвященная работе СЭВа, также содержащая как вводимые в научный оборот ценные источники, так и авторский научный анализ явлений и исторических процессов, участником и свидетелем которых был сам Ружаньский. Свидетельства польских современников – сотрудников СЭВа 1949–1956 гг. о работе этого межгосударственного учреждения нашли отражение в уникальном источнике, озаглавленном «Информация о деятельности Совета экономической взаимопомощи» (датирован январем 1957 г.), который опубликовали польские исследователи А. Коханьский и А. Купих¹¹.

Личные впечатления участника событий в сочетании с их научным и политическим осмыслением в наши дни составили содержание опубликованных в России воспоминаний К.И. Ковалья, который во второй половине 1940-х гг. работал в Советской военной администрации Германии и занимался по роду своей деятельности экономическими вопросами¹². В воспоминаниях нашли отражение процессы и события, связанные с экономическими взаимоотношениями СССР и ПНР второй половины 1940–1950-х гг., в частности

⁸ См.: *Polskie dokumenty dyplomatyczne 1918–1989 / Polski Instytut spraw międzynarodowych. Warszawa, 2005 etc.* Том документов за 1956 г. составителями пока не подготовлен. В рамках исследуемого периода 1944–1957 гг. опубликованы тома за 1957, 1958, 1959 гг.

⁹ *Różański H. Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). Warszawa, 1987.*

¹⁰ *Idem. Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia, dokumenty, refleksje. 1949–1988. Warszawa, 1990.*

¹¹ *Działalność RWPG w latach 1949–1956 / Oprac. A. Kochański, A. Kupich // Sprawy Międzynarodowe. Kwartalnik. 1994. № 3. S. 127–141.*

¹² *Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997.*

по вопросам взимания репараций с Германии, сыгравших в то время существенную роль как в восстановлении, так и в технологической модернизации народного хозяйства обеих стран.

До сих пор в основном сохраняет свою научную значимость изданная в 1990 г. монография российской исследовательницы В.С. Парсадановой, многие годы проработавшей в Институте славяноведения РАН, которая посвятила советско-польским экономическим отношениям один из разделов своей книги. Она первой в советской историографии обратила внимание на эту проблему применительно к периоду 1944–1945 гг. и использовала многие доступные тогда источники из архивов и имевшуюся в СССР научную литературу¹³.

В 2007 г. увидела свет работа польского историка Р. Скобельского (Зелёногурский университет) о деятельности поляков в СЭВе, базирующаяся главным образом на новых архивных материалах¹⁴. Несомненно, в целом заслуживают внимания работы по истории народного хозяйства и экономической политике ПНР таких польских исследователей, как А. Корзон (Институт истории ПАН), Р. Лось (Университет в Лодзи), А. Скшипек (Варшавский университет), хотя отдельные защищаемые ими положения представляются дискуссионными. Книги Г. Ружаньского и А. Скшипека удачно дополняют описание деятельности поляков в СЭВе.

В современной как российской, так и польской историографии крайне мало работ, посвященных истории народного хозяйства и истории экономических связей между социалистическими странами, тем более применительно к отдельным периодам и отдельным научным проблемам. Вместе с тем в обобщающих трудах, разного рода политологических сочинениях и в публицистике представлен широчайший спектр оценок, суждений и мнений, зачастую надуманных или необоснованных, а главное – бездоказательных. Такого рода литература подвержена влияниям разных политических течений и направлений. В ней до настоящего времени отсутствуют выработанные концепции по названной теме. В такой весьма непростой ситуации уместно задаться вопросом – как автор предполагает изучать предложенную в заглавии книги тему?

Экономика, или народное хозяйство, представляет собой сложно организованную структуру производственных отношений и взаимо-

¹³ Парсаданова В.С. Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990.

¹⁴ Skobelski R. PRL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956–1970 // Kwartalnik Historyczny. R. CXIV. Warszawa, 2007. Z. 3.

зависимости факторов, сфер, областей общественного производства, подразделений и отраслей народного хозяйства и т. д. вплоть до отдельных субъектов хозяйственной деятельности. И, разумеется, всестороннее их изучение невозможно без ограничения исследовательской задачи рамками отдельной, частной проблемы или только ряда вопросов. Исходя из этого, для монографии избраны вполне конкретные проблемы, бывшие в исследуемый период наиболее актуальными в области межгосударственных экономических отношений СССР и ПНР, а именно: 1) внешняя торговля; 2) финансы; 3) железнодорожный транспорт; 4) промышленное строительство; 5) научно-технические кадры. В общих чертах их анализ позволяет, на мой взгляд, довольно полно осветить существенные вопросы экономических отношений СССР и Польши второй половины 1940 – 1950-х гг.

В первой главе монографии рассматривается установление хозяйственных отношений СССР и Польши тогда, когда советская армия освобождала в 1944–1945 гг. этнически польские земли и восточные области Германии. Последние решением глав Антигитлеровской коалиции были включены в советскую зону оккупации, а часть их по постановлению Ялтинской конференции была включена в состав польской государственной территории. В дальнейшем СССР и Польша решали задачи послевоенного восстановления народного хозяйства и перехода к развитию на основе действовавшей в СССР социалистической советской хозяйственной модели, в рамках которой развивались двусторонние политические и экономические связи. Во второй главе освещается трансформация экономических связей СССР и ПНР в новой общественно-политической ситуации – в условиях «оттепели» после XX съезда КПСС, кризиса 1956 г. в Польше и времени его преодоления. Третья глава посвящена, казалось бы, достаточно частным и вместе с тем весьма чувствительным и активно обсуждаемым в польской историографии вопросам – так называемой «угольной проблеме» и польскому участию в получении германских репараций. Эти два, на первый взгляд, экономических «сюжета» получили в отношениях между двумя странами в 1940–1950-е гг. негативное общественно-политическое звучание, что нашло свое отражение и в польской историографии более позднего времени. Что же касается их политического контекста, с точки зрения российских специалистов, то он подробно рассмотрен в опубликованной мною монографии

2005 г.¹⁵, посвященной советско-польским отношениям в период политического кризиса 1956 г. Думается, что она приблизила отечественных историков к объективному рассмотрению столь непростых вопросов.

Основополагающие, фундаментального значения источники для изучения советско-польских экономических отношений 1940–1950-х гг. хранятся прежде всего в архивах Москвы и Варшавы. Частично эти источники опубликованы. Наиболее информативные документы находятся в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ), в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Важные для темы настоящей монографии документы хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Главным образом это материалы фонда Министерства внешней торговли СССР. В последние годы документальные материалы названных архивов постепенно вводятся исследователями в научный оборот. Этому способствует достаточно далеко продвинувшееся рассекречивание ранее полностью закрытых документов и целых фондов, что сыграло решающую роль в написании монографии.

Новые архивные материалы, использованные автором, разнообразны и содержат ценные сведения по экономическим отношениям СССР и ПНР. Это, в частности, аналитические записки, подготовленные в управленческом аппарате для советского и польского высшего партийно-государственного руководства (материалы советской и польской сторон отражают суть обсуждавшихся вопросов, их генезис и развитие, аргументацию в защиту той или иной точки зрения сторон, ход выработки общего решения и т. п.). Особо важны для исследователя справочные материалы, протокольные (официальные и неофициальные, так называемые «рабочие») записки заседаний Президиума ЦК КПСС. В монографии впервые вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся документы. Речь идет, например, о протоколе по вопросам, которые обсуждались в ходе советско-польских партийно-государственных переговоров в Москве 15–18 ноября 1956 г.¹⁶ (см. приложение, документ № 2).

¹⁵ См.: *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений / Отв. ред. Б. В. Носов. М., 2005.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 142. Л. 11–15; РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 29. Л. 100–104.

В Польше автор вел поиски по теме исследования в трех варшавских хранилищах: в Архиве новых актов (AAN), Архиве исторической документации ПНР (ADH PRL) и Архиве Министерства иностранных дел (AMSZ). Как и в московских архивах, в них отложились комплексы документальных материалов, относящихся к компетенции высшего партийного и государственного руководства, а также к ведомству органов планирования и управления народным хозяйством. В российских и польских архивах сравнительно недавно обнаружены также неизвестные ранее исследователям протоколы некоторых ранних сессий СЭВ, которые теперь служат важным источником при анализе функционирования этой международной организации в целом, взаимоотношений стран – участниц организации в реализации согласованных планов и конкретных проектов.

Все это позволило, опираясь на аутентичные документы, с современных позиций проанализировать и оценить задачи и содержание советско-польских экономических отношений в минувшем столетии, углубить их понимание, выявить существенные тенденции и составные элементы этих отношений, расширить круг действовавших тогда персонажей и оценить их конкретную деятельность на пути решения взаимосвязанных хозяйственных, социальных и политических задач.

Разработка темы, обозначенной в заглавии данного исследования, является естественным продолжением темы моей монографии «Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений», в которой речь шла главным образом о политических межгосударственных отношениях двух стран. Что касается взаимоотношений СССР и ПНР в области экономики, то эта тема в упомянутой монографии практически развития не получила, так как имевшаяся тогда источниковая база не позволяла продвинуть ее дальше тех немногочисленных работ, которые сохраняли научную актуальность.

Выражаю глубокую благодарность коллективам российских и польских архивов за предоставленную мне возможность ознакомиться с сохраненными ценными документами, а также коллегам-историкам в России и в Польши за всестороннюю помощь в работе. Благодарю моих коллег по работе в Институте славяноведения РАН, высказывавших ценные критические замечания по рукописи исследования в ходе его написания и обсуждений.

**НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬШИ
И СССР В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО
ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА:
СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ИСТОКИ КОНФЛИКТОВ (1944–1955 гг.)**

В конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы общая геополитическая и геоэкономическая конфигурация европейского континента определялась итогами войны и принципами послевоенного мироустройства, которые, начиная с ноября 1943 и до конца лета 1945 г., вырабатывались и согласовывались лидерами Антигитлеровской коалиции: председателем Совета министров СССР И.В. Сталиным, премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф.Д. Рузвельтом. Они трижды встречались для обсуждения распределения сфер влияния в Европе, определения будущего Германии, новых государственных границ, главным образом в восточноевропейском регионе континента. Речь шла и о согласовании новых принципов организации политической власти для ряда европейских государств, в том числе Польши. Вплоть до победы над Германией возникавшие существенные противоречия в интересах СССР и западных союзников находились в «спящем» состоянии как под военно-политическим воздействием побед Красной Армии, так и под влиянием стремления Запада уменьшить для своих стран человеческую цену участия в войне. Поражение вермахта на европейском театре войны весной 1945 г. обнажило и ускорило проявление принципиальных расхождений в политических целях СССР и западных держав в послевоенном мире, последовал демонтаж механизма взаимодействия лидеров «Большой тройки», самой Антигитлеровской коалиции. В лагере победителей появились признаки роста противоречий, вплоть до политического противостояния недавних союзников на международной арене. Наступал новый этап развития международных отношений, получивший название «холодной войны».

Указанные факторы в решающей степени определили международно-политический статус Польши, ставшей ключевым союзником СССР в Европе. Они оказали прямое воздействие и на внутреннее социально-экономическое и социально-политическое устройство Польской Народной Республики (ПНР). Важнейшую роль в этом

сыграли решения по польскому вопросу, принятые руководителями великих держав на Потсдамской конференции, открывшейся во второй декаде июля 1945 г. в г. Потсдам под Берлином. Советский Союз на конференции представлял И.В. Сталин, Соединенные Штаты Америки – Г. Трумэн, Великобританию – сначала У. Черчилль, а с 28 июля К. Эттли. На конференции были приняты постановления о демилитаризации и денацификации поверженной гитлеровской Германии, о демонополизации германских концернов, а также решен ряд вопросов, касавшихся стран восточноевропейского региона, в основном граничивших с СССР. Применительно к Польше тогда были зафиксированы территория и границы страны, признаны легитимными коалиционные правительства, где решающие властные структуры контролировались польскими коммунистами.

Потсдамская конференция, таким образом, во многом определила будущее восстановленного польского государства. Указанные решения породили политическую дискуссию о так называемой «ограниченности» польского суверенитета после Второй мировой войны, дискуссию, которая играла существенную роль в польско-советских отношениях и по сей день присутствует в польской публицистике и в историографии. Надо сказать, что Польша по окончании войны формально обладала всеми признаками государственного суверенитета, предусмотренными уставом ООН, будучи полноправным членом этой всемирной организации. Разумеется, в рамках Ялтинско-Потсдамской системы страна находилась в сфере влияния СССР, и в этом отношении ее статус мало чем отличался от статуса других европейских стран, находившихся в сфере влияния США. Не говоря уж о странах – в прошлом союзниках гитлеровской Германии – определенные ограничения суверенности были наложены даже на Францию, на территории которой с правом экстерриториальности располагались американские войска и чьи вооруженные силы фактически находились под американским командованием.

Взаимоотношения СССР и Польши как «старшего» и «младшего» партнеров-союзников породили ряд существенных и непростых проблем (в том числе экономических), одной из них был вопрос о репарациях для возмещения ущерба, понесенного странами-союзниками в войне с нацистской Германией. Право на получение репараций было признано за Польшей, страной, наиболее пострадавшей от боевых действий и от чудовищного ограбления гитлеровскими оккупантами. Однако модель реализации этого права не предполагала его прямого использования польским пра-

вительством: Советский Союз обязался возмещать Польше экономические потери военного времени из советской доли репараций с Германии, что закладывало трудности в развитие экономических отношений двух стран.

1. Все решалось по воле Сталина

Начало экономических отношений СССР и возрожденной Польши было положено еще до завершения военных действий на советско-германском фронте. Освобожденная в июле–августе 1944 г. советскими войсками от гитлеровцев юго-восточная часть этнически польской территории лежала в руинах. В обстановке всеобщей разрухи, огромных людских потерь и страданий теплились надежды поляков на близкое полное освобождение родины и наступление мира. И это время пришло: новую власть представлял Польский комитет национального освобождения (ПКНО), первоначально обосновавшийся в Люблине. Объективно он был противопоставлен лондонскому эмигрантскому правительству и тем силам внутри Польши, которые рассчитывали на установление своей власти при поддержке западных держав.

Собственными силами без материальной, технической и финансовой помощи Советского Союза ПКНО не мог приступить к реализации функций исполнительной власти, и, как нередко утверждается, едва ли сохранил бы ее без опоры на СССР¹. Уже 26 июля 1944 г. в Москве народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов и председатель ПКНО и одновременно министр иностранных дел Э. Осубка-Моравский подписали договор, регулировавший отношения в области народного хозяйства между ПКНО и частями наступавшей Красной армии. В дополнение к договору приказом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала К.К. Рокоссовского от 12 августа 1945 г. был установлен порядок передачи новым польским властям военных трофеев и находившегося на польской территории иного разнообразного немецкого имущества².

¹ Подробнее см.: *Jędrychowski S. Przedstawicielstwo PKWN w Moskwie // MSZ. Departament Informatyki i Dokumentacji: Materiały i studia historyczne. T. I. Warszawa, 1987. S. 103–109.*

² *Wilk M. Pomoc i współpraca. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1944–1945. Warszawa, 1976. S. 29–30.*

10 октября 1944 г. в Люблине начались «первые в истории Народной Польши межгосударственные торговые переговоры с Советским Союзом», – свидетельствует участник событий тех лет Г. Ружаньский³. 20 октября стороны подписали Соглашение о поставках товаров и условиях взаимных расчетов. В двух первых статьях соглашения указывалось, что советское правительство и ПКНО договорились о поставке из СССР на освобожденную польскую территорию в течение октября – декабря 1944 г. на началах краткосрочного беспроцентного кредита кузнечно-прессового оборудования, стали и других товаров на общую сумму 105 045 тыс. злотых. Поставки товаров должны были формироваться в СССР с учетом их стоимости и соответствующих видов оборудования и номенклатуры изделий металлургии, за вычетом транспортных и прочих накладных расходов. Для наблюдения и контроля за исполнением Соглашения назначались уполномоченные – генерал-полковник Н.А. Булганин (советский представитель при ПКНО, член военного совета 1-го Белорусского фронта) и Э. Осубка-Моравский. Они же поставили подписи под текстом Соглашения⁴. «Это соглашение, – вспоминал в 1955 г. министр внешней торговли ПНР К. Домбровский, – обеспечивало нам, частью безвозмездно, а частью на льготных условиях кредита, поставку товаров первой необходимости для населения, сырья для пуска в ход промышленных предприятий и топлива для транспорта»⁵.

5 ноября Н.А. Булганин и Э. Осубка-Моравский подписали еще одно межправительственное Соглашение – о порядке эксплуатации и управления железными дорогами на польской территории во время войны⁶. Согласно этому документу, все железные дороги Польши передавались в ведение новой польской власти и переводились на военное положение. Налаживался механизм взаимодействия польских гражданских и военных учреждений с наступавшими частями Красной армии. Тем самым был сделан первый совместный шаг по пути возрождения польской экономики, поскольку без

³ *Różański H. Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). Warszawa, 1987. S. 159.*

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII: январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М., 1974. С. 278–280.

⁵ Там же. Т. X: январь 1950 г. – декабрь 1955 г. М., 1980. С. 416. (Интервью министра внешней торговли ПНР К. Домбровского газете «Грыбуна люду» 17 апреля 1955 г.)

⁶ Там же. Т. VIII. С. 287–290.

восстановления железнодорожной отрасли было совершенно немыслимо налаживание хозяйственных связей, движения товаров, в том числе экспорта и импорта, строительства, а также решения многих существенных социальных проблем.

По сообщению ТАСС, 22–24 января 1945 г. Москву с неофициальным визитом посетили президент Крайовой рады народной (КРН) Б. Берут и его заместитель Э. Осубка-Моравский. Некоторая неопределенность в формулировках международно-правового статуса визита и его участников возникла вследствие еще не решенного «Большой тройкой» окончательно «польского вопроса». Хотя Советский Союз официально и признавал сформированное на основе ПКНО Временное правительство, которое возглавил Э. Осубка-Моравский, визит польской делегации в Москву состоялся за 10 дней до открытия Ялтинской конференции, где и была определена судьба Польши. Поэтому советское руководство, с одной стороны, стремилось особо подчеркнуть значение пребывания в Москве польских руководителей, а с другой – не хотело чрезмерно опережать события накануне встречи в освобожденном Крыму Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. В Кремле польских руководителей принял И.В. Сталин. В беседах с ними участвовали В.М. Молотов и посол СССР в Польше В.З. Лебедев. В течение трех дней в этом кругу обсуждались советско-польские отношения, перспективы их дальнейшего развития, восстановления лежавшей в развалинах Варшавы, конкретная помощь для польской столицы. В частности – вопрос о предоставлении польскому населению 50 000 т муки⁷. Эта помощь зимой 1945 г. была в прямом смысле неотложной, поскольку спасала поляков, проживавших в городах, от голода.

Таким образом, еще в ходе продолжавшихся на советско-германском фронте военных действий и в чрезвычайно сложной общественно-политической обстановке на освобожденных от гитлеровцев польских землях Советским Союзом была оказана весьма существенная помощь Польше по трем направлениям. Во-первых, это была продовольственная помощь и помощь товарами первой необходимости для населения. Ее осуществление было связано с большими трудностями, так как народное хозяйство СССР было также разорено войной, поставки в Польшу осуществлялись через территорию, где фашистами применялась тактика выжженной зем-

⁷ *Wilk M. Op. cit. S. 160.*

ли, поставки из СССР легли дополнительным бременем на транспортную систему, обеспечивавшую снабжение фронта. Однако эта помощь имела и исключительное гуманитарное, политическое и стратегическое значение. Облегчение, хотя бы и минимальное, тягот для населения в районах, прилегающих к фронту, способствовало улучшению обстановки в тылу наступавшей Красной Армии, позволяло более эффективно использовать местные ресурсы, в том числе и трудовые ресурсы населения для укрепления тыла и решения боевых задач. Наконец, в политическом отношении продовольственная помощь населению содействовала укреплению авторитета народной власти среди поляков, формированию у них представлений об СССР и о его армии как о союзниках и освободителях Польши от гитлеровских оккупантов. Все отмеченные факторы присутствовали и в других направлениях оказанной помощи.

Во-вторых, передача в управление ПКНО польской транспортной системы дополнительно к отмеченным факторам должна была послужить смягчению безработицы, определенному облегчению положения рабочего класса как главной социальной силы, призванной поддержать народную власть и одновременно послужить стимулом к первым шагам в деле восстановления польской промышленности. В-третьих, первые экономические планы и межправительственные соглашения, предусматривавшие поставки сырья и оборудования для промышленных предприятий, свидетельствовали о том, что уже в самом начале двустороннее экономическое сотрудничество было ориентировано на длительную перспективу, по крайней мере в пределах программы послевоенного восстановления народного хозяйства, и на тесные союзнические отношения между двумя странами.

Весной 1945 г., когда уже была очищена от вермахта вся территория в границах послевоенной Польши и были определены важнейшие контуры послевоенного устройства Европы и мирового порядка в целом, обсуждение всего комплекса советско-польских отношений вступило в решающую стадию. На самом высоком государственном уровне начало этому было положено во время пребывания в Москве 14–20 февраля польской правительственной делегации (Б. Берут, Э. Осубка-Моравский и командующий Войском Польским генерал М. Роля-Жимерский). С советской стороны во встрече 18 февраля в Кремле участвовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, советский посол в Польше В.З. Лебедев и начальник советской военной миссии в Польше генерал-лей-

тенант С.С. Шатилов⁸. Польская делегация была ознакомлена с весьма успешными для Польши итогами работы Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.): Черчилль и Рузвельт заверили Сталина в признании восточной польской границы по «линии Керзона», согласились с советской принадлежностью Львова и Вильнюса (Вильно), а также с установлением новой западной границы Польши. Они признали возможность формирования нового польского правительства на базе уже существовавшего в Варшаве⁹. Советские руководители заверили польских коллег, что будет продолжена помощь в восстановлении разрушенной нацистами польской столицы¹⁰.

С завершением военных действий на польских землях власть полностью перешла в руки Временного правительства. Постепенно, с неимоверными трудностями восстанавливалась хозяйственная жизнь. Тогда же, весной 1945 г., еще до капитуляции нацистской Германии и вопреки настроениям западных союзников, 21 апреля в Москве И.В. Сталин и Э. Осубка-Моравский подписали Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой, который закрепил основные принципы взаимоотношений между ними. В 7-й статье Договора утверждалось, что после окончания войны стороны будут «сотрудничать в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран»¹¹.

7 июля 1945 г. в Москве народный комиссар внешней торговли СССР А.И. Микоян и министр промышленности и торговли ПКНО Г. Минц подписали договор, который заложил принципиальные основы торговых отношений. Так, статья 2-я документа гласила:

⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научный ред. А.А. Чернобаев; авт.-сост. А.В. Коротков, А.Д. Чернов, А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 448.

⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. (Сборник документов в шести томах) / Под ред. А.А. Громыко. М., 1978–1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.).

¹⁰ *Wilk M.* Op. cit. S. 161–162.

¹¹ Документы и материалы... Т. VIII. С. 415.

«Каждая из договаривающихся сторон гарантирует другой договаривающейся стороне применение принципа наибольшего благоприятствования во всех экономических взаимоотношениях и, в частности, в отношении ввозных и вывозных пошлин и сборов, режима, предоставляемого его судам другой договаривающейся стороны в своих портах и территориальных водах, режима, которым будут пользоваться граждане и юридические лица другой договаривающейся стороны, обложения внутренними налогами и сборами товаров другой договаривающейся стороны и в отношении условий транзита»¹². В целях практической реализации договора создавались торговые представительства в Москве и Варшаве. Из этой статьи следует, что экономические отношения Польши и СССР должны были выстраиваться на основе принципа равного представительства, равных прав и возможностей. Однако значение этого договора существенно выходило за рамки сугубо коммерческих отношений между двумя странами. Принимая во внимание плановый характер экономики СССР, а также ее кардинальное превосходство по объемам производства продукции и отраслевой структуре хозяйства по сравнению с польской экономикой, реализация установленных договором норм и принципов открывала перспективы постепенной взаимовыгодной интеграции народного хозяйства Польши и Советского Союза.

Уже пять месяцев спустя после подписания этого договора Польское агентство печати «Польпресс» сообщало 22 ноября 1945 г. о серьезном росте торгового оборота между Польшей и Советским Союзом. Номенклатура польского импорта из СССР включала железную и марганцевую руды, металлы и сплавы, тракторы и автомашины, хлопок, семена и зерно, рис, табак, лен, целлюлозу и бумагу, шерсть, апатиты, кожи и другие товары. Для покрытия импорта и выравнивания торгового баланса Польша экспортировала в СССР уголь и кокс, сталь и изделия из нее, цветные металлы, химикалии, ткани, обувь и различные промышленные изделия. Оплата за импорт и экспорт осуществлялась на основе клиринга¹³. Клиринговые расчеты в международной торговле предполагали погашение возникавшей взаимной задолженности за счет встречных товарных поставок по согласованным ценам без привлечения

¹² Документы и материалы... Т. VIII. С. 473.

¹³ Текст сообщения от 22 ноября 1945 г. // Документы и материалы... Т. VIII. С. 594–596.

валютных средств и других международно-конвертируемых инструментов. Таким образом, с одной стороны, ослаблялось влияние на экономические отношения двух стран спекулятивной конъюнктуры мирового рынка, а с другой – осуществлялся поиск методов планового регулирования товарообмена при условии установления командной роли государства в экономике. Применительно к Польше этот последний процесс уже запущался.

Естественным продолжением комплекса мер, намеченных еще в период освобождения страны от гитлеровских захватчиков и направленных на развитие экономического сотрудничества между двумя странами, стало подписание 11 июля 1945 г. Договора между Правительством СССР и созданным 28 июня 1945 г. коалиционным Польским временным правительством национального единства о передаче министерству путей сообщения Польши управления всеми железными дорогами, в том числе и перестроенными («перешитыми») на широкую колею для обслуживания нужд советского фронта¹⁴. Договор подписали заместитель народного комиссара путей сообщения СССР И.В. Ковалев и руководитель соответствующего ведомства ПКНО Я. Рабановский (представитель Демократической партии). Для Польши этот государственный акт имел важное значение не только с точки зрения восстановления стабильной и полнокровной хозяйственной деятельности в стране. Он также означал восстановление суверенных прав поляков на владение и распоряжение одним из краеугольных элементов инфраструктуры, обеспечивавшей единство и дееспособность государства, наряду с решением народнохозяйственных задач и обеспечением социальных запросов населения.

Установление хозяйственных связей между Польшей и СССР весной 1945 г. проходило в крайне сложной политической обстановке. Внутри страны власть ПКНО встретила весьма серьезное сопротивление со стороны правых сил. Антикоммунистическое подполье, отряды Армии Крайовой и крайне правых Народовых Сил Збройных продолжали вооруженную борьбу с «просоветским» режимом. Нахождение советских войск на территории Польши, участие советских специалистов в деятельности государственных учреждений, служба советских офицеров (советников) в Войске Польском, в органах внутренних дел и государственной безопасности трактовались антисоветской пропагандой и воспринимались

¹⁴ Там же. С. 489–491.

многими поляками как «советская оккупация». Серьезными политическими осложнениями грозили и разногласия между политическими партиями, составлявшими правящую коалицию и формировавшими законодательную и исполнительную власть в стране. Оппозиционные силы находили поддержку у иерархов Польской католической церкви и в Ватикане, рассчитывали на помощь западных стран и польской политической эмиграции, прежде всего в Англии¹⁵. Общественная атмосфера в стране оставалась напряженной, а поддержка власти населением была неустойчивой.

Важным актом, призванным стабилизировать внутреннее положение в Польше и расширить социальную базу власти, стало исполнение принятого на конференции в Ялте решения глав «Большой тройки» о создании высшей исполнительной коалиционной власти в стране с участием в том числе и политиков, находившихся в эмиграции. 28 июня 1945 г. это решение было исполнено. В состав Правительства национального единства (ПНЕ), помимо Польской рабочей партии (ППР), Польской социалистической партии (ППС) и людовцев (Стронництва Людового, а также ряда других крестьянских партий и групп), входили представители Демократической партии (социал-демократов) и сторонники С. Миколайчика – бывшего главы польского правительства в Лондоне, одного из лидеров крестьянского движения Польши. 5 июля новое правительство было официально признано США и Великобританией и вскоре большинством стран.

В результате принятых на Потсдамской конференции великих держав в отношении Польши важных решений, несмотря на содержащиеся в их формулировках противоречия и двусмысленности, завершился процесс оформления послевоенного польского государства. Во-первых, было подтверждено прохождение линии западной границы Польши по р. Одра и ее притоку Западная Нуса, с оговоркой об окончательном ее определении на мирной конференции, которая так и не состоялась. Противоречие содержалось и в положении о принудительном выселении немцев с «возвращенных земель» в пределы Германии. Таким образом, СССР оставался единственным безусловным гарантом территориальной целостности восстановленного Польского государства. Во-вторых, главы союзных держав, объявив о признании Правительства нацио-

¹⁵ См.: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 439–465.

нального единства, отказали в признании Лондонскому эмигрантскому правительству, что снимало все сомнения в легитимности новой власти. Правда, при этом выдвигалось условие проведения в Польше «свободных и демократических выборов». В-третьих, в решениях конференции содержалось положение о свободном возвращении в Польшу эмигрантов и перемещенных лиц. Наконец, главы держав дали согласие на возмещение за счет Германии потерь Польши, понесенных в годы войны, из доли репараций, предназначавшихся Советскому Союзу¹⁶.

Вскоре после окончания 2 августа 1945 г. Потсдамской конференции лидеров Антигитлеровской коалиции были предприняты дальнейшие шаги по формированию договорно-правовых основ народнохозяйственных связей СССР и Польши. 8–16 августа 1945 г. в Москве состоялись переговоры между правительственными делегациями СССР и Польской Республики¹⁷. В советской столице рассматривался комплекс вопросов советско-польских отношений, в том числе и в сфере экономики. 14 августа И.В. Сталин в присутствии В.М. Молотова, Н.А. Булганина и А.И. Микояна принял польскую делегацию в составе трех видных руководителей страны: Б. Берута – президента Крайовой рады народной (КРН), заместителя министра иностранных дел Польши З. Модзелевского и министра промышленности Г. Минца¹⁸. Исследователи пока не располагают протоколом этого заседания. Однако вполне вероятно, что в кремлевском кабинете Сталина речь шла о предстоящем подписании советско-польских межгосударственных документов принципиальной важности. И действительно, поздним вечером 16 августа В.М. Молотов и Э. Осубка-Моравский по поручению своих правительств подписали Договор между Советским Союзом и Польской Республикой о советско-польской государственной границе – основополагающий документ советско-польских отношений всей второй половины XX века. Утром следующего дня текст договора опубликовали московские газеты¹⁹.

¹⁶ Советский Союз на международных конференциях... Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1984.

¹⁷ *Basiński E.* Polska – ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń 1944–1971 / Pod red. naukową T. Cieślaka. Warszawa, 1973. S. 50–51.

¹⁸ См.: На приеме у Сталина... С. 460.

¹⁹ Текст см.: Известия. 1945. 17 августа. Подробности подготовки процедуры принятия договора см.: *Róžański H.* Śladem... S. 326–330.

Далее те же уполномоченные странами государственные деятели подписали Соглашение между правительствами СССР и Польши о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией, состоявшее всего из трех статей. В статье 1-й говорилось, что «Советское правительство отказывается в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на всей территории Польши, включая и ту часть территории Германии, которая переходит к Польше». В статье 2-й советское правительство согласилось уступить Польше из своей доли германских репараций 15% репарационных поставок из советской зоны оккупации; 15% пригодного к использованию промышленного оборудования из западных зон оккупации Германии и 15% из «пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования, которое подлежит поставкам Советскому Союзу из западных зон без оплаты или возмещения любым способом». Статья 3-я гласила, что подписанное соглашение «вступает в силу немедленно по подписании»²⁰.

В свою очередь, польская сторона взяла на себя обязательство начиная с 1946 г. «поставлять Советскому Союзу ежегодно в течение всего периода оккупации Германии уголь по специальной договорной цене». В первый год поставок их объем должен был составить 8 млн т, в следующие четыре года – по 13 млн т, а в последующие годы оккупации Германии – по 12 млн т²¹. Эта формула о поставках угля «по специальной договорной цене» оказалась своеобразной миной замедленного действия, все больше получала политически негативные оценки и давала о себе знать спустя многие годы, породив в дальнейшем существенные партийно-политические разногласия между компартиями СССР и Народной Польши, став поводом для межгосударственных противоречий и общественного недовольства в ПНР. Однако в то время, летом 1945 г., подписанный документ вполне удовлетворил польскую сторону.

Его предыстория восходит к весне 1945 г., когда польская и советская стороны решали вопрос об обеспечении работы польских угольных шахт, что было крайне и безотлагательно необходимо для обеспечения транспорта и промышленности, а также для функционирования хозяйственной и социальной инфраструктуры на поль-

²⁰ Документы и материалы... Т. VIII. С. 543–544.

²¹ Там же.

ской территории в ближнем тылу наступавшей Красной Армии. Советское руководство предложило для этого создать совместные акционерные общества по эксплуатации силезских угольных месторождений. Однако польские власти отклонили это предложение как не соответствующее национальным интересам. В итоге было согласовано решение о поставках польского угля Советскому Союзу «по специальной цене» в 1,22 доллара за тонну, что и было зафиксировано в Соглашении от 16 августа 1945 г. Оценивая его тогда, Б. Берут указал, что поставки угля были предусмотрены «по себестоимости, без прибыли, но и без потерь», а В. Гомулка заявил, что польская «делегация, находившаяся в Москве, выполнила надлежащим образом и с пользой для государства свои обязанности»²². Во всяком случае, нет никаких убедительных свидетельств о том, что во время переговоров поляки оспаривали вошедшую в текст соглашения формулировку. При этом следует принять во внимание, что ввиду разрухи на освобожденных от оккупантов территориях для обеспечения работы польской угольной промышленности СССР обязался, по просьбе Гомулки, направить на шахты Силезии 50 тыс. пленных немцев, поставить крепежный лес и другие пиломатериалы, а также обеспечить вывоз добытого угля собственным транспортом. «Цену этих обязательств, – подчеркивала В.С. Парсаданова, – в денежном выражении никто никогда не считал»²³. Однако главное состоит, разумеется, не в том, каким образом была обоснована эта «специальная цена» и насколько она соответствовала действительной стоимости поставляемого угля, а в том, что в рамках этого соглашения впервые была на практике реализована советско-польская производственная кооперация применительно к угледобывающей промышленности. Такая и аналогичная кооперация тогда была обусловлена чрезвычайными условиями военного времени и применялась и в других странах. Вместе с тем очень важно, что эта практика в дальнейшем на новой почве и уже с иными целями стала одной из основных тенденций развития мирового хозяйства и что в этой области советско-польские эконо-

²² Парсаданова В.С., Матерский В. Военное время. 1941–1945 // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010. С. 357–358.

²³ Там же. С. 358. См. также: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2-х т. Т. 1: Документы / Под ред. Т.В. Волокитиной. М., 1999. С. 225.

мические отношения уже в то время находились в русле развития передовых форм народного хозяйства.

18 августа 1945 г. Совет министров Польской Республики заслушал отчет и одобрил работу делегации в той части, которая касалась экономических вопросов. Б. Берут на пресс-конференции в своей государственной резиденции Бельведере в связи с подписанием советско-польского договора о границах довольно полно осветил вопрос о польско-советском экономическом соглашении: «Главные экономические выгоды Польши, – подчеркнул президент КРН, – заключены именно в той первой статье польско-советского соглашения о возмещении ущерба, по которой советское правительство отказывается в пользу Польши от всяких претензий на имущество, оставшееся после немцев на землях, включенных в состав Польши»²⁴.

В первых числах сентября 1945 г. для реализации соглашения о репарациях была создана советско-польская смешанная комиссия, и уже 7 сентября в Москве подписано советско-польское соглашение о передаче Польской Республике в счет репараций паровозов, принадлежавших Советскому Союзу, но находившихся в годы войны на польской территории. Таких грузовых и пассажирских паровозов, пригодных для западноевропейской колеи, оказалось 1987 – достаточно много²⁵. Для Польской Республики это имело большое значение, поскольку основательно пополнило железнодорожный парк и тем самым придало новый импульс постепенно возрождавшейся польской экономике.

31 августа – 4 сентября 1946 г. в Москве состоялись заседания Советско-польской репарационной комиссии, во время которых согласовывался проект устава, процедуры репарационных поставок, принципы раздела немецкого торгового флота и способы доставки промышленного оборудования из Германии²⁶.

2. По пути, указанному вождем

На рубеже 1945–1946 гг. в Польше произошли важные события, продемонстрировавшие вступление страны на путь установления общественного строя, названного в советской историографии на-

²⁴ Документы и материалы... Т. VIII. С. 554–555.

²⁵ Там же. С. 569–570.

²⁶ *Basiński E.* Op. cit. S. 65.

родной демократией²⁷. 6–13 декабря 1945 г. состоялся I съезд ППР, на котором обсуждались важные политические и экономические вопросы. На съезде был принят новый устав партии, который открывался Вступлением, имевшим программный характер. В нем говорилось, что ППР «стоит на страже достигнутых демократических завоеваний и борется за дальнейшую демократизацию всех областей общественной жизни, за укрепление элементов общественного хозяйства, за развитие кооперации в городе и в деревне, а также государственной торговли, за укрепление фундамента планового хозяйства, за ликвидацию экономического хаоса и эксплуатации со стороны спекулянтов». Речь шла о принятых партией мерах в интересах рабочего класса, крестьянства, польской интеллигенции и других важнейших социальных групп польского общества²⁸. В соответствии с решениями съезда и в обстановке острой политической борьбы КРН 3 января приняла Закон о переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства²⁹, в первой статье которого провозглашался принципиально важный тезис о «плановом восстановлении народного хозяйства». Таким образом, если условно отвлечься от проявившейся в ходе работы партийного съезда и отразившейся в его решениях специфики общественно-политического развития Польши и реальной борьбы различных политических сил³⁰, то можно констатировать, что социально-экономическая программа развития страны формировалась на основе советского опыта «социалистической реконструкции народного хозяйства»: на принципах национализации крупной и отчасти средней собственности в промышленности, торговле и финансах, введении принципов плановой экономики. В вопросе о «кооперации» польские коммунисты в наибольшей степени

²⁷ Вопрос о характере этого общественного строя и соответствующей политической системы был в российской исторической науке в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. предметом острой научной дискуссии. См., напр.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948 гг. М., 1993.

²⁸ PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego, VIII.1944 – XII.1945. W XV rocznicę Polski Ludowej / Oprac. W. Góra, R. Halaba, N. Kołomejczyk. Warszawa, 1959. S. 227–230.

²⁹ Конституция и основные законодательные акты Польской Народной Республики. М., 1953. С. 100–103.

³⁰ Подробнее об этом см.: Польша в XX веке... С. 483–502.

отошли от сталинской модели коллективизации, руководствуясь, скорее, ленинскими замыслами постепенного и добровольного на основе экономической заинтересованности движения от простейших форм кооперирования мелких собственников к более высоким стадиям обобществления общественного производства. В этом отношении польские коммунисты опередили своих советских коллег, которые обратились к идеям подобного рода только в первой половине 1960-х гг. Политика ППР в отношении крестьянства и других мелкобуржуазных слоев населения основывалась на сохранении собственности крестьян на землю и в целом средней и мелкой собственности в городе и в деревне, на поддержке традиционного для Польши института потребительско-сбытовой кооперации, на чем настаивали польские социалисты.

Стратегия, провозглашенная на I съезде ППР, очевидно, была согласована и одобрена в Кремле. По крайней мере, уже накануне съезда польских коммунистов руководство СССР на основе достоверной информации пришло к выводу о «надежности» ППР и ППС как ведущих партий правящей в Польше правительственной коалиции³¹. Этим можно объяснить и то, что практически сразу же после принятия в Варшаве соответствующих официальных решений и постановлений лидеры польских коммунистов были приглашены в Москву для обсуждения политических вопросов, среди которых немаловажное значение имели и планы хозяйственного сотрудничества, включая и неотложные вопросы оказания Польше экономической помощи.

30 января И.В. Сталин принял польскую делегацию руководящих деятелей ППР: президента КРН Б. Берута, который как глава государства формально считался беспартийным, хотя на самом деле оставался членом Политбюро ЦК ППР, генерального секретаря ЦК партии В. Гомулку и члена Политбюро ЦК Я. Бермана. Присутствовали на встрече В.М. Молотов, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и Н.А. Булганин. Участие в ней последнего объяснялось, вероятно, не только его должностью, но и тем, что Булганин довольно хорошо ориентировался в польских делах и не только в политических, но и в экономических вопросах. На заседании, в частности, обсуждалось оказание материальной помощи Польше, и 8 февраля в Москве было подписано советско-польское соглашение о поставках в кредит 200 тыс. т зерна, в том числе 30 тыс. т

³¹ Там же. С. 490–499.

яровой пшеницы, 110 тыс. т ржи, 45 тыс. т овса, необходимых «для продовольственных и посевных нужд населения Польши»³². Уже 9 февраля без промедления на польскую железнодорожную станцию Пшемысль прибыл первый эшелон с зерном. Этот акт безотлагательной помощи имел «политическое значение», справедливо подчеркивает В.С. Парсаданова. По ее мнению, государственные интересы СССР и догматическая приверженность марксистской идеологии его руководителей «диктовали необходимость такой помощи», поскольку советское правительство стремилось «иметь на своих западных границах дружественное ему и родственное по социально-экономическому и политическому строю государство», несмотря на то, что засуха 1946 г. и послевоенная разруха сказались на тяжелом положении многонационального населения СССР. «На Украине, в Белоруссии был голод, – пишет исследовательница, – и зерно, направляемое в Польшу, другие страны народной демократии, не было “лишним”, его отрывали от остро нуждающихся, от своего голодающего народа»³³.

Приведенные рассуждения нуждаются в пояснении. Голод в СССР в 1946–1947 гг. имел место начиная со второй половины 1946 г. Причем в 1946 г. сокращение сбора зерновых не было столь существенным и составило примерно 16% по сравнению с предшествующим периодом. Голод не затронул города СССР и не сказался на состоянии государственных резервов страны, обрушившись всей тяжестью на колхозное крестьянство. Не отразился он и на объемах экспортных поставок зерна, которые за 1946–1948 гг. по разным оценкам составили от 4 до почти 6 млн т. Причем на первом месте среди покупателей советского зерна находилась Франция³⁴. Таким образом, решение о поставках зерна в Польшу в начале 1946 г., в самый тяжелый зимний период и накануне посевной, было принято за полгода до начала голода в СССР. Объем поставок в Польшу зерна был относительно невелик, составляя в 1946–1948 гг. по 200 тыс. тонн ежегодно, то есть примерно около 12% советского экспорта.

³² Текст соглашения см.: Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974 гг.: Документы и материалы. М., 1974. С. 112–113.

³³ Парсаданова В.С. Советско-польские отношения. 1945–1949 гг. М., 1990. С. 86.

³⁴ См.: Волков И.М. Засуха и голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19; Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 24–33.

Прямого отношения марксистско-ленинская идеология к экспортным поставкам зерна не имела, однако, разумеется, и советское, и польское руководство принимали в расчет как их политическое звучание, так и фактор международной классовой солидарности.

Очередной официальный визит Б. Берута в Москву, на этот раз во главе правительственной делегации, состоялся 23–27 мая 1946 г. Накануне поездки в советскую столицу на заседании Совета министров Польши, посвященном предстоящему визиту, затрагивались и вопросы экономических отношений с СССР. В частности, министр национальной обороны маршал М. Роля-Жимерский считал необходимым получить в Москве кредиты на вооружение, поскольку боеприпасы для Войска Польского подошли к концу. Г. Минц, как сказано в источнике, «указывал на необходимость урегулирования финансовых расчетов между Советским Союзом и Польшей, а также на уточнение возможности экономической помощи со стороны Советского Союза в связи с планами изменения хлебозаготовок в деревне»³⁵.

В возглавляемой Берутом делегации Правительства национального единства были представлены ведущие партии правительственной коалиции. От ППР: В. Гомулка, Г. Минц, М. Роля-Жимерский и его заместитель М. Спыхальский, Б. Берут. Польскую социалистическую партию (ППС) представляли Э. Осубка-Моравский и заместитель президента КРН, член Главного совета ППС С. Швальбе, крестьянскую партию – первый заместитель президента КРН, министр культуры и искусства, член Главного совета Крестьянской партии В. Ковальский, считавшийся фактически «резидентом» коммунистов в крестьянском движении.

Протокольная запись беседы И.В. Сталина с членами польской делегации от 24 мая 1946 г. свидетельствует, что в основном разговор касался внутривосточного положения в Польше, и в первую очередь политической борьбы польских партий³⁶. В последовавших после беседы в кремлевском кабинете вождя двусторонних переговорах рассматривались отношения двух стран по целому ряду экономических и военно-экономических вопросов.

³⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. I: 1944–1948 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. С. 442. (Телефонограмма советского посла в Варшаве В.З. Лебедева в МИД СССР В.М. Молотову от 22 мая 1946 г.)

³⁶ Там же. С. 443–463.

Советский Союз пошел навстречу своей союзнице. Были аннулированы все финансовые обязательства Польши, возникшие во время Второй мировой войны в связи с созданием польской армии, ее вооружением и снабжением, включая задолженность по кредитам, взятым в 1941 г. правительством В. Сикорского; советское правительство согласилось снабжать польскую армию оружием и боеприпасами, покуда Польша не создаст собственной военной промышленности. Советские руководители выразили готовность предоставить Польше кредиты из золотых запасов СССР «для удовлетворения неотложных потребностей народного хозяйства» и т.п.³⁷ Имеющиеся записи переговоров не содержат информации о целях, с которыми польская сторона обратилась за кредитом в золоте. Они могли быть двоякого свойства: либо для обеспечения внешнеполитической деятельности (для дипломатической и разведывательной служб), либо для приобретения на западе недостающего промышленного оборудования, предназначенного для восстановления польской промышленности, в частности ее военных отраслей. Принимая во внимание, что вопросы совместной обороны также обсуждались на переговорах, последнее предположение представляется наиболее вероятным, хотя оно и не исключает других упомянутых целей. Например, организации работы за рубежом польских посольств и иных учреждений.

Характер и атмосфера кремлевских переговоров свидетельствовали о том, что спустя почти год после своего создания Правительство национального единства и его ведущие партии, ППР и ППС, рассматривались в СССР как испытанные временем надежные союзники, что сближение Москвы и Варшавы проходит успешно и имеет хорошие перспективы. На это указывали не только готовность советского руководства предоставить золотой кредит, но и согласие аннулировать все взаимные хозяйственные и финансовые претензии, возникшие в годы войны, а также готовность разрабатывать и содействовать осуществлению польских планов восстановления народного хозяйства, включая и военное производство и выработку общего подхода к задачам обороны.

³⁷ См.: Известия. 1946. 28 мая. Подробнее о ходе переговоров, в том числе по вопросу «об отсрочке поставок угля в связи с возросшими внутренними потребностями Польши» и откликах в Польше на итоги переговоров, см.: *Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 37–39.

Значение московских переговоров, а также их влияние на перспективы дальнейшего расширения сферы хозяйственного сотрудничества позитивно расценили и в Варшаве. По возвращении на родину В. Гомулка в опубликованном газетой «Глос люду» интервью проинформировал польскую общественность о московских переговорах, особо отметив, что помощь со стороны СССР послужит дальнейшему восстановлению польской экономики. Гомулка специально подчеркнул, что «мы встретились в Москве с благожелательностью для наших нужд, с готовностью уделить нам помощь для преодоления трудностей, которые мы испытываем»³⁸.

Начиная с 1946 г. в государственном («социалистическом») секторе польской экономики вводилась годичная система народно-хозяйственного планирования. В ее рамках ежегодно проходило и согласование мер экономического сотрудничества Польши с СССР. Очередные соглашения по экономическим вопросам на 1947 год были подписаны в ходе пребывания 25 февраля – 5 марта в Москве польской правительственной делегации во главе с только что назначенным премьер-министром социалистом Ю. Циранкевичем, занявшим свой пост 6 февраля, когда ему было только 35 лет. Он сохранил при этом за собой еще и пост генерального секретаря Центрального исполнительного комитета ППС. Помимо официальных мероприятий, сталинское окружение предполагало устроить в рабочем кабинете главы советского правительства более близкое знакомство с молодым главой Совета министров Польши³⁹.

Сталин принимал польских гостей трижды: в день приезда, 25 февраля, у него были В. Гомулка и Г. Минц в присутствии В.М. Молотова и Г.М. Маленкова; 26 февраля – Ю. Циранкевич, Г. Минц, В. Гомулка и С. Швальбе, присутствовали В.М. Молотов и А.И. Микоян; 4 марта на приеме польской делегации у советского вождя присутствовали В.М. Молотов, А.И. Микоян, заместитель министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский и министр финансов СССР А.Г. Зверев. Как сообщалось в коммюнике по результатам переговоров, «был рассмотрен ряд важных политических и экономических вопросов советско-польских отношений», а именно: состоялся обмен мнениями по германскому вопросу, был согласован вопрос о передаче причитающейся Польше части германско-

³⁸ Działalność Władysława Gomułki. Fakty. Wspomnienia. Opinie / Wybór i oprac. W. Namiotkiewicz. Warszawa, 1985. S. 435–436.

³⁹ *Różański H.* Śladem... S. 455.

го торгового флота и обсужден вопрос об ускорении репатриации поляков из СССР⁴⁰.

К сожалению, протокольные или иные записи этих встреч пока недоступны. Однако состав их участников позволяет судить о направленности этих переговоров. В первый день состоялась беседа руководителей ВКП(б) и ППР, в ходе которой обсуждались межпартийные отношения и важнейшие политические вопросы, прежде всего итоги выборов в Сейм, состоявшихся 19 января 1947 г. и проведенных в соответствии с решениями Потсдамской конференции. Не могли не обсуждаться перспективы объединения рабочих партий (коммунистов и социалистов). Во второй день переговоры носили уже межправительственный характер. Вероятно, их основным содержанием было определение баланса власти между ППР и ППС в сформированном после выборов коалиционном правительстве. На это указывают свидетельства польских политиков и советских дипломатов в ноябре 1946 г., в частности содержание обмена мнениями между Ю. Циранкевичем и Я. Берманом, когда последний предложил договориться и направиться в Москву с уже согласованной позицией⁴¹. Упомянутые в коммюнике экономические вопросы, послужившие основой подписанных в дальнейшем соглашений, обсуждались в третий день переговоров, на что указывает присутствие на них Микояна, Зверева и Вышинского. Последний курировал с советской стороны вопросы репатриации, в частности выселение поляков с территории Западной Белоруссии и Западной Украины в Польшу.

В результате переговоров был подписан ряд документов, касающихся экономических проблем. Их можно разделить на четыре группы. Во-первых, это соглашения по вопросам непосредственной материальной и финансовой помощи польской стороне и содействия в выполнении плана восстановления народного хозяйства на 1947 г. В эту группу вошли соглашение о предоставлении Польше займа в золоте на сумму 27 875 тыс. долл. на приобретение оборудования для восстановления промышленности и транспорта; об урегулировании взаимных финансовых обязательств по встречным товарным поставкам на 1 января 1947 г.⁴², в част-

⁴⁰ Подробнее см.: Ibid. S. 482–483.

⁴¹ Польша в XX веке... С. 523.

⁴² Polska Ludowa – Związek Radziecki... S. 140–142; Sprawy międzynarodowe. 1993. № 2. S. 142–144.

ности, о возмещении Советскому Союзу стоимости поставленного в Польшу зерна⁴³. Во-вторых, комплекс документов, связанных с репарациями с Германии: о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией; о передаче Польше железнодорожного подвижного состава из советского трофейного имущества; о передаче Советским Союзом Польше части немецкого торгового флота⁴⁴. Дополнительно, 5 марта, состоялось подписание протокола к упомянутому советско-польскому соглашению от 16 августа 1945 г. о компенсации ущерба, нанесенного немецкой оккупацией. В протоколе говорилось, что советское правительство согласно с уменьшением начиная с 1947 г. на 50% годовых поставок угля из Польши в Советский Союз в качестве компенсации за немецкие активы на польской территории⁴⁵.

В-третьих, было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве СССР и Польши⁴⁶. Следует подчеркнуть, что до той поры на межгосударственном уровне о сотрудничестве в области науки и техники речи не было, ибо время для этого еще не наступило. Подписание упомянутого соглашения свидетельствовало об успехах Народной Польши в послевоенном восстановлении народного хозяйства и о приближавшейся экономической стабилизации, а также о планах двух стран в области технологической модернизации. В четвертую группу вошло соглашение о предоставлении Польше в кредит советского вооружения и военного снаряжения.

В советском руководстве проблемами германских репараций ведал А.И. Микоян. В воспоминаниях участника тех событий К.И. Коваля есть упоминание об этом. Он пишет, что Микоян «затронул репарационную проблему в самом широком плане, обратив при этом внимание (уже в то время) на то, что за счет военно-промышленного разоружения Германии своего размера в

⁴³ Документы и материалы... Т. IX: январь 1946 г. – декабрь 1949 г. М., 1976. С. 176–177.

⁴⁴ Текст договора см.: *Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004*. Т. II. Dokumenty / Pod red. S. Dębskiego i W.M. Góralskiego. Warszawa, 2004. S. 211–214.

⁴⁵ Протокол подписали Ю. Циранкевич и Г. Минц с польской стороны, А.И. Микоян и А.Я. Вышинский – с советской. См.: AAN. PZPR. KC. Sygn. XI A/71. Т. II. К. 265–266. Перевод с русского. Польский текст см.: *Problem reparacji...* Т. II. S. 219–220. Подробности в статьях 1-й и 2-й протокола.

⁴⁶ Документы и материалы... Т. IX. С. 175–176.

10 млрд долл. вряд ли будет возможно достигнуть. Поэтому надо уже сейчас думать о репарациях за счет поставок товаров из текущего производства, зарубежных авуаров и других источников. Он подробно интересовался разработкой уровня послевоенной германской экономики и особенно остановился на декартелизации»⁴⁷. А.И. Микоян помог направить в Германию, в Советскую военную администрацию, необходимое количество специалистов в области международного права, различных экономических международных проблем для анализа уровня развития послевоенной германской экономики.

В конце лета 1947 г., когда из-за засухи голод в советской деревне достиг наивысшего уровня, СССР продолжал выполнять свои обязательства по поставкам зерна в Польшу. 29 августа в Москве было подписано советско-польское соглашение о поставке 200 тыс. т зерна (в том числе 100 тыс. т пшеницы, 60 тыс. т ржи и 40 тыс. т ячменя). Польская сторона, согласно договоренности, обязывалась компенсировать советские поставки зерна паровозами (до 70 штук), трубами для нефтяной промышленности (до 12 тыс. т) и цинком (до 12 тыс. т)⁴⁸.

В первые послевоенные годы (в 1946–1947 гг.) основной формой развития экономических связей между Польшей и СССР была двусторонняя торговля. 12 апреля 1946 г. А.И. Микоян и Ст. Ендрыховский подписали Соглашение между Правительством СССР и Временным правительством национального единства Польской Республики о взаимных поставках товаров, предусматривавшее дальнейшее развитие торгового оборота между соседними странами⁴⁹. 4 мая в газете «Глос люду» Ендрыховский, занимавший тогда пост министра судоходства и внешней торговли, опубликовал статью в связи с подписанием соглашения. Он подчеркивал, что соглашение расширяет и углубляет торговые отношения Польши и Советского Союза. Вместе с тем, считал он, соглашение является главным звеном в системе польских международных экономических отношений, основой работы польской промышленности и всей системы польского народного хозяйства. Соглашение было заключено на период до 31 марта 1947 г., размеры

⁴⁷ Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 146.

⁴⁸ Советский Союз – Народная Польша... С. 150–151.

⁴⁹ Текст соглашения см.: Документы и материалы... Т. IX. С. 74–77.

импорта в Польшу из СССР определены на сумму 90 млн долл. – на 30 миллионов больше, чем по аналогичному соглашению 1945 г. Соглашение, по словам Ендрыховского, явилось «мощным рычагом для всего нашего экономического развития и восстановления страны. Экономические отношения с СССР, которые опираются на полное равенство обеих сторон и взаимность поставок, позволяют нам укрепить наш экономический суверенитет и с этой точки зрения являются необычайно ценным моментом в области наших экономических отношений со всем миром»⁵⁰.

Анализируя экономическое положение Польши в 1947 г., эксперт Министерства внешней торговли СССР Г.И. Рубинштейн обратил внимание руководства на то, что в структуре польского экспорта произошли заметные изменения. «Основными экспортными товарами Польши после второй мировой войны стали уголь и кокс». На втором месте шли текстильные изделия. Возможности их сбыта «значительно улучшились для Польши в первую очередь благодаря установлению дружеских отношений с СССР». В товарной структуре наметились такие тенденции: *по импорту* существенно «увеличился импорт сырья за счет сокращения ввоза продовольствия, в первую очередь зерна, сильно увеличился импорт живого скота, особенно племенного; несколько увеличился ввоз производственного оборудования», *по экспорту*: «Каменный уголь продолжает быть ведущим товаром польского экспорта, хотя его удельный вес несколько сократился вследствие увеличения экспорта других товаров», например, сахара, текстильных изделий, картофеля и др. «Основой торговой политики Польши после войны является установка польского правительства на тесные экономические отношения с СССР»⁵¹. В августе 1947 г. между Советским Союзом и Польшей было подписано краткосрочное, на один год, соглашение о взаимных поставках товаров. Предполагалось, что СССР будет поставлять союзнику хлопок, железную и марганцевую руды, ферросплавы, нефтепродукты, апатиты и другие виды товаров, в которых нуждалась польская экономика. Что касается Польши, то она намеревалась поставлять своему партнеру кокс, цветные металлы (цинк), хлопчатобумажные ткани, оконное стекло, сахар и другие виды продукции польской промышленности⁵².

⁵⁰ Głos Ludu. 1946. 4 maja; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4939. Л. 67, 69.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5385. Л. 32–33.

⁵² Там же. Л. 36.

1948–1949 годы ознаменовали собой кардинальный поворот в развитии стран народной демократии, как на востоке Европы, так и в Азии, то есть практически во всем мире. Уже в 1947–1948 гг. стал явным процесс раскола Европы и мира на две противостоящие социально-политические системы, проявлением чего был фактический раздел территории Германии и возникновение двух немецких государств с различным общественным строем. Создание в Западной Европе к концу 1940-х гг. военно-политического союза во главе с США, с одной стороны, и оформление в восточноевропейском регионе замкнутой на СССР системы двусторонних договоров о взаимодействии в отражении «германской агрессии» – с другой, обозначили раскол Европы на два военно-политических блока. Свидетельством разделения мира на две системы стала победа китайской революции и провозглашение осенью 1949 г. Китайской Народной Республики. В начале 1950-х гг. режим «холодной войны» между блоками усугубился на несколько лет вооруженным противостоянием СССР и США в ходе войны на Корейском полуострове, где происходила «проба» сил двух держав, обладавших ядерным оружием. В 1955 г. СССР и его восточноевропейские союзники подписали Варшавский договор, что хронологически завершило процесс формирования военно-политического блока во главе с Советским Союзом, противостоявшим системе военно-политических блоков, созданных под эгидой США в Европе и северной Атлантике (НАТО), в Азии – от Ближнего и до Дальнего Востока, и в зоне Тихого океана.

Столь глубокие перемены на международной арене не могли не сказаться на внутренней политике польского руководства, в том числе на экономических отношениях между СССР и его союзниками в Восточной Европе, на народнохозяйственных связях с Польшей. Причем характер этих связей был обусловлен не только стабилизацией внутриполитической ситуации в стране, но и фундаментальными процессами в экономике ПНР и СССР.

Согласно официальным данным (как правительственным заявлениям, так и публикуемым статистическим материалам), в СССР и в Польше в 1948–1949 гг. были решены стратегические задачи послевоенного восстановления промышленности. Разумеется, к этим утверждениям властей следует отнести критически. Во-первых, это восстановление сопровождалось существенными диспропорциями между уровнем промышленного и аграрного производства, что вытекало из взятого ПОРП в конце

1948 г. курса на строительство основ социализма по советской модели. Она предполагала преимущественное и ускоренное развитие промышленности за счет снижения доли, предназначенной для сельского хозяйства, в общих, весьма небольших, капитальных вложениях в экономику. Вследствие этого восстановление сельского хозяйства до довоенного уровня завершилось лишь к середине 1950-х гг. при нараставшем разрыве в темпах развития промышленного и аграрного секторов. Во-вторых, кардинальная диспропорция наблюдалась между производством средств производства и производством продукции народного потребления, что оборачивалось нехваткой продовольствия для населения и промышленных товаров широкого спроса. В-третьих, восстановление в Польше происходило прежде всего в государственном секторе промышленности. Предприятия же частного сектора либо национализировались, либо закрывались, следствием этого стала, в частности, нехватка на внутреннем рынке товаров народного потребления. В-четвертых, в условиях «холодной войны» восстановление промышленности, по сравнению с другими сферами экономики, шло опережающими темпами на основе народнохозяйственных планов, но было ориентировано, с одной стороны, на перевод экономики из режима военного времени «на мирные рельсы», а с другой – все больше подчинялось решению оборонных задач. Приоритетное ресурсное обеспечение восстанавливаемой промышленности концентрировалось и неуклонно нарастало в оборонных отраслях и в обслуживавших на производствах, прежде всего тяжелой промышленности. Все вместе взятое закладывало предпосылки формирования социального напряжения и роста недовольства властью в стране.

Такая экономическая стратегия тогдашних польских властей обоснованно подвергается критике в новейшей польской историографии за сформировавшиеся в тот период структурные и технологические диспропорции, якобы обусловившие отставание экономики стран Восточной Европы от Запада. Однако эти упреки справедливы лишь отчасти. Дело в том, что те же тенденции наблюдались и в странах Западной Европы, например в Англии и во Франции. Так, например, в Англии плановое регулирование производства и потребления было полностью свернуто только во второй половине 1950-х гг. Исключение составляла Западная Германия, где была проведена демилитаризация и частичная демонополизация экономики. Однако и здесь восстановление народного хозяйства было

связано с преимущественным вниманием властей к возрождению тяжелой промышленности⁵³.

Не ставя своей задачей систематическое сравнение стратегии экономического развития и экономической политики властей в странах Восточной и Западной Европы, все же надо отметить принципиальную разницу в возможностях получения внешней финансовой и других форм экономической помощи. Западная Европа, включая Западную Германию, получила крупные американские кредиты, предназначенные в первую очередь для стабилизации финансовой системы по плану Маршалла (1947). При этом США решали для себя стратегическую задачу завоевания европейских рынков и экспансии транснациональных корпораций. Одновременно американская экономическая помощь должна была, с одной стороны, создать базу для объединения вокруг США стран-союзников, а с другой – сформировать в общественном мнении европейских стран позитивный идеологический образ «свободного западного мира» и «свободной рыночной экономики», противопоставив его образ «советскому тоталитаризму», остановив таким образом распространение влияния СССР в Европе, что и было достигнуто уже в начале 1950-х гг.

На Востоке континента ситуация была иной. Советская экономика была во многом подорвана войной, особенно большие потери она понесла в наиболее развитой европейской части страны, где освобожденные от оккупации области лежали практически в руинах. Страна не располагала возможностями в полной мере обеспечить капитальными вложениями и оборудованием как собственное хозяйство, так и экономические потребности стран-союзниц. Требуемых ресурсов на все нужды СССР не имел. Это была объективная реальность. Имевшийся на востоке Европы экономический

⁵³ О приоритетах властей западноевропейских стран в области индустриального восстановления и развития, а также его государственного регулирования и международной интеграции свидетельствует создание Европейского объединения угля и стали, с предложением об основании которого 9 мая 1950 г. выступил министр иностранных дел Франции Р. Шуман. Провозглашаемой целью этой организации было предотвращение угрозы войны путем сглаживания экономических противоречий между ведущими европейскими странами. Однако в действительности объединение, одобренное США, стало экономическим фундаментом НАТО на континенте и предтечей Европейского Союза.

потенциал ограничивал возможности ускоренного развития народного хозяйства стран региона, а международная напряженность диктовала курс на приоритетное внимание к отраслям оборонной промышленности, что не могло не сказаться на сбалансированности экономического развития как СССР, так и стран народной демократии⁵⁴.

1948–1949 гг. стали временем утверждения в странах Восточной Европы экономической и политической системы советского типа, как она сформировалась в СССР после Второй мировой войны. Еще 22–27 сентября 1947 г. под городом Шклярска Поремба в Нижней Силезии состоялась встреча делегаций компартий, в которой участвовали 7 правящих партий стран Восточной Европы, а также компартии Франции и Италии. Эта встреча имела важнейшие политические последствия для всех стран народной демократии с точки зрения как формирования советского военно-политического блока, так и изменения внутривнутриполитического курса в странах региона⁵⁵. Однако мы остановимся только на тех вопросах, которые имели значение для экономического сотрудничества СССР и Польши.

Доклад о международном положении на встрече сделал А.А. Жданов. С докладом об обмене опытом и координации деятельности компартий выступил В. Гомулка. Он подчеркивал многообразие форм работы коммунистов, что, по его словам, было обусловлено не только различиями в политической ситуации в отдельных странах, но и историческим своеобразием конкретных условий революционной борьбы рабочего класса. Из этого тезиса вытекало выдвинутое докладчиком положение о «так называемом польском пути к социализму»⁵⁶. Этот тезис Гомулкой и его сторонниками в руководстве ППР выдвигался не впервые, и на этот раз, как и ранее, он вновь натолкнулся на серьезное сопротивление догматиков-однопартийцев, и «советских товарищей». В докладе Гомулки говорилось о «трехсекторной экономике», контролируемой государством, что прямо перекликалось с ленинской концепцией НЭПа, ориенти-

⁵⁴ См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002.

⁵⁵ См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948 гг. М., 1993.

⁵⁶ См.: Польша в XX веке... С. 544–545.

рованной на построение социализма в условиях многоукладности народного хозяйства. Особенности исторического развития отдельных стран и обусловленная ими специфика стратегии и тактики движения к социализму, по словам Гомулки, не только не отменяли, но, напротив, требовали всестороннего сотрудничества правящих партий и государств, которое бы строилось и развивалось на долговременной и равноправной основе.

Если в социально-политической области концепция Гомулки на рубеже 1940–1950-х гг. была отвергнута и осуждена, а сам он оказался в опале и практически под домашним арестом, то предложенная им концепция экономического сотрудничества стран народной демократии и СССР на основе долгосрочного хозяйственного планирования получила развитие уже в 1948 г.

Польская правительственная делегация (Ю. Циранкевич, В. Гомулка, Г. Минц «и другие официальные лица») прибыла в Москву 15 января для проведения переговоров о подписании долгосрочного соглашения по экономическим вопросам⁵⁷. В день приезда делегации И.В. Сталин принял в Кремле В. Гомулку и Г. Минца, по своему обыкновению – поздно вечером. В беседе участвовали также В.М. Молотов, А.А. Жданов и Г.М. Маленков. Во время встречи была рассмотрена «международная политическая обстановка, в результате чего была установлена полная согласованность мнений обоих правительств»⁵⁸. На следующий день состоялась новая встреча, с польской стороны уже в расширенном составе (Ю. Циранкевич, В. Гомулка, Г. Минц, М. Роля-Жимерский и посол Польши в Москве М. Нашковский), а советская сторона была представлена председателем Совета министров СССР В.М. Молотовым и послом СССР в Варшаве А.А. Соболевым⁵⁹.

В итоге обсуждения отношений между СССР и Польшей, в том числе и в сфере экономики, 26 января А.И. Микоян и Г. Минц подписали три документа, касающиеся экономических вопросов, а именно долгосрочное торговое соглашение, гарантирующее стабильный, в течение 1948–1952 гг., взаимный товарообмен на общую сумму 5300 млн руб., и два дополнительных соглашения о поставках в Польшу промышленного оборудования и продукции

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5770. Л. 2.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ На приеме у Сталина... С. 497–498.

сельского хозяйства⁶⁰. Проект первого соглашения был предложен советской стороной, второе и третье – подготовлены по просьбе поляков.

Главное соглашение предусматривало поставки в Польшу комплектного промышленного оборудования для расширения и реконструкции ряда промышленных предприятий, а также сырья и полуфабрикатов для черной металлургии (железную, марганцевую и хромовую руды). СССР обязался также поставлять в течение трех лет нефтепродукты, хлопок, зерно, автомашины, тракторы, комбайны, другие сельскохозяйственные агрегаты и иные товары. Из Польши в Советский Союз должны были поставляться уголь, кокс, паровозы, товарные и пассажирские вагоны, изделия черной и цветной металлургии, ткани, сахар⁶¹. В оценке как польского, так и советского руководства это соглашение имело большое значение для индустриализации Польши, способствовало выполнению планов развития народного хозяйства. Оно стало одним из первых шагов на пути перехода Польши к системе трехлетнего хозяйственного планирования и соответственно к введению трехлетнего цикла в системе экономического сотрудничества с СССР. Как и прежние годовичные соглашения, оно основывалось на принципе взаимозачета стоимости встречных товарных поставок по согласованным ценам, которые, с одной стороны, исключали спекулятивные и конъюнктурные элементы цен мирового рынка, а с другой – устанавливались в зависимости от плановых пропорций в уровнях накопления и потребления в различных отраслях народного хозяйства. Например, в сравнении с себестоимостью и затратами труда уровень цен на промышленную продукцию был выше, чем на продукцию сельского хозяйства, что способствовало перераспределению ресурсов из аграрного в индустриальный сектор экономики. Аналогичная методика ценообразования применялась и в отношении продукции различных отраслей в зависимости от принятых приоритетов экономического развития.

Дополнениями к основополагающему соглашению стали еще два соглашения. Первое: «О поставках Польше промышленного оборудования в кредит», которое предполагало строительство в 1948–1952 гг. на западе Польши, на Воссоединенных Землях, боль-

⁶⁰ Документы и материалы... Т. IX. С. 244–250.

⁶¹ Козик А.К. Развитие промышленности Польши. М., 1959. С. 355.

шого металлургического завода⁶². Это соглашение, предложенное польской стороной, имело большое значение. Оно не просто основывалось на оговоренных товарных поставках, но и предусматривало согласование планов промышленного строительства. Естественно, что для их реализации требовался период более продолжительный, чем один год. Этим объяснялся трехлетний срок действия соглашения. Таким образом, стремление согласовать более длительные договорные периоды экономического сотрудничества проявили как советская, так и польская стороны.

Второе соглашение – «О поставке из СССР в Польшу 200 000 тонн зерна». О нем польский министр иностранных дел А. Рапацкий писал в печатном органе ППС «Работник», что «хлебный дефицит» в Польше в 1948 г. был вызван сильными морозами, наводнением и засухой. «Этот недобор означал для нас необходимость импорта хлеба. [...] Советская помощь дала нам возможность полностью справиться с этими трудностями. Советский Союз, предоставляя нам хорошие условия платежа, поступил с нами как верный союзник»⁶³.

27 января на обратном пути в Варшаву польская делегация посетила Минск, где ее принял председатель Совета министров Белоруссии П.К. Пономаренко – будущий посол СССР в ПНР. Можно не сомневаться, что во время встречи обсуждались, среди прочего, и экономические связи Польши с соседней советской республикой.

В отношениях между СССР и Польшей 1948 год завершился двумя важнейшими политическими событиями, имевшими кардинальное значение и для экономического сотрудничества между двумя странами. 15–21 декабря в Варшаве на объединительном съезде ППР и ППС была образована Польская объединенная рабочая партия (ПОРП). Съезд ознаменовал собой «черту, за которой остался “национальный путь к социализму” и единый фронт двух рабочих партий»⁶⁴. Съезд продемонстрировал, что в Польше утверждается советская модель социально-политической системы. Политическое сближение двух стран служило своего рода основанием для расширения и углубления экономического сотрудниче-

⁶² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5770. Л. 3.

⁶³ Там же. Д. 5767. Л. 87. Из бюллетеня Московского отделения Польского агентства печати от 13 февраля 1948 г., № 7.

⁶⁴ Польша в XX веке... С. 561.

ства. Вторым событием стало решение об участии Польши в создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

3. Совет экономической взаимопомощи и Польша

Заметным событием европейской истории послевоенного периода было создание в Москве в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) – международной организации Советского Союза и стран народной демократии с целью объединения усилий в деле восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства и совершенствования многосторонней системы экономических взаимоотношений. В основу создания СЭВ была положена идея координации долгосрочных планов хозяйственного развития, высказанная еще ранней осенью 1947 г., а в декабре 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) положило практическое начало ее реализации, приняв 23 декабря решение «О тесном экономическом сотрудничестве СССР и стран народной демократии»⁶⁵. В нем говорилось, что «установление тесных экономических связей между странами народной демократии и Советским союзом, и в частности их координированные выступления на внешнем рынке и поддержание между ними постоянных связей по согласованию экономической деятельности, будут содействовать успешному строительству социализма в странах народной демократии и делу укрепления всего демократического лагеря». Решение предусматривало созыв закрытого совещания «представителей правительств» Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии «для установления тесных экономических отношений между СССР и странами народной демократии». Подчеркивалось, что совещание созывается по советской и румынской инициативе⁶⁶. Представлять Советский Союз на совещании поручалось В.М. Молотову и А.И. Микояну.

Намеченное решением Политбюро ЦК ВКП(б) совещание учредителей СЭВ состоялось 5–8 января 1949 г.⁶⁷ Вечером 8 ян-

⁶⁵ Подробнее см.: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. I. С. 944–946.

⁶⁶ Ср.: *Skobelski R.* PRL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956–1970 // *Kwartalnik Historyczny*. 2007. № 3. S. 49.

⁶⁷ Подробнее см.: *Губианский Л.Я.* Форсирование советской блоковой политики // *Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива* / Отв. ред. Н.И. Егорова и А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 176–177.

варя Сталин принял его участников – лидеров стран народной демократии В. Коларова, Д. Терпешева и А. Югова из Болгарии, Э. Герё и М. Фаркаша из Венгрии, Г. Минца и Э. Шира из Польши, Г. Георгиу-Дежа и В. Луку из Румынии, Р. Сланского, А. Грегора и Б. Лаштовичку из Чехословакии. В польской делегации обращал на себя внимание начинающий польский государственный деятель 34-летний Эугениуш Шир, который еще в межвоенной Польше участвовал в подпольном молодежном движении на Западной Украине, затем вступил в Коммунистическую партию Польши. В конце 1935 г. Шир отправился во Францию, где пополнил ряды французских коммунистов. С конца 1937 г. он сражался на стороне испанских республиканцев, будучи политическим комиссаром в бригаде им. Ярослава Домбровского. После окончания войны в Испании Шир был интернирован сначала на юге Франции, а затем в Алжире. В 1943 г. он получил разрешение выехать в Советский Союз, где и занялся организацией контактов с коммунистическими группами в Польше⁶⁸. В скором времени, после упомянутого январского совещания 1949 г., Шир станет действующим лицом многих событий польско-советских экономических отношений, в частности и в связи с работой СЭВ.

С советской стороны на приеме у Сталина присутствовали В.М. Молотов, Г.М. Маленков и А.И. Микоян⁶⁹. Каждый из них соответственно курировал основные направления деятельности новой международной организации, а именно внешнеполитическое, идеологическое и внешнеторговое.

В опубликованном коммюнике о совещании подчеркивалось, что едва ли не самой важной причиной создания СЭВ было стремление противостоять правящим кругам США, Великобритании и других западноевропейских стран, блокировавшим торговые связи со странами народной демократии и СССР, поскольку последние не подчинились диктату плана Маршалла⁷⁰.

В дальнейшем состав СЭВ был расширен. Так, 8 февраля 1949 г. глава албанского правительства Э. Ходжа обратился к правительству СССР с просьбой принять Албанию в региональную организа-

⁶⁸ См.: *Kaczyński A. Działacz resortowy // Rzeczpospolita. 21 stycznia 2000.*

⁶⁹ На приеме у Сталина... С. 514–515.

⁷⁰ *Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. С. 248.*

цию народно-демократических стран⁷¹. Просьба албанского лидера не встретила возражений.

I-я сессия Совета экономической взаимопомощи открылась в Москве 26 апреля и работала три дня. Были рассмотрены организационные вопросы предстоявшей деятельности. В первые годы функционирования СЭВ все внимание было сосредоточено на расширении и активизации товарооборота между странами-участниками, на налаживании научно-технического сотрудничества и на взаимном обмене опытом, а также на подготовке предложений по отдельным отраслям хозяйственного строительства⁷².

В день открытия сессии советский министр иностранных дел В.М. Молотов поставил вопрос об осуждении государствами – членами СЭВ «раскольнической деятельности» Югославии. Предложение приняли. После известной встречи в сентябре 1947 г. представителей девяти коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе (Польша) иного ожидать было просто невозможно⁷³. На следующий день участники заседания приняли постановление, в котором говорилось: «1. Признать необходимым выработать общую линию экономических отношений стран – участников Совета с Югославией, для чего создать комиссию из представителей всех делегаций в составе товарищей: Шир, Барлеттиану (правильно Бырлэдяну. – А.О.), Кочу Теодоси, Гачев, Гаст Ласло, Меншиков, Грегор. 2. Обязать комиссию представить свои предложения на рассмотрение сессии Совета 28 апреля 1949 года»⁷⁴. В назначенный день комиссия рекомендовала «в кратчайший срок пересмотреть» имевшиеся у стран СЭВ «соглашения по экономическим вопросам», а именно прекратить предоставлять Югославии кредиты, ограничить торговлю с нею закупками лишь самых важных видов стратегического сырья, сократить продажу и поставку в Югославию товаров, дефицитных для стран СЭВ, капитального строительства и товаров военного значения, прекратить поставки в Югославию вооружения, прервать оказание ей технической помо-

⁷¹ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. Документы / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2002. С. 35–36.

⁷² Силуянов Н.М. Братское сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран. (К 10-летию Совета Экономической Взаимопомощи) // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 24.

⁷³ См.: ADH PRL. Kolekcja E. Szyga. Sygn. III/4. K. 22.

⁷⁴ Ibidem. K. 27.

щи⁷⁵. Вечером И.В. Сталин в присутствии министра иностранных дел СССР принял Г. Минца⁷⁶. Можно предположить, что в этом кругу обсуждалась работа I-й сессии СЭВ и фронтальный разрыв стран народной демократии с Югославией.

1 и 2 августа 1949 г. И.В. Сталин беседовал с Б. Берутом и Г. Минцем в присутствии Л.П. Берии, Н.А. Булганина, А.И. Микояна и заместителя председателя Совета министров СССР Л.М. Кагановича⁷⁷. Судя по тому, что польского лидера сопровождал заместитель председателя Совета министров Польши (и одновременно председатель Государственной комиссии экономического планирования), можно уверенно сказать, что речь шла и о подготовке польского руководства к очередной сессии СЭВ, поскольку в рамках этой международной экономической организации ставилась задача перейти на иной, более высокий и эффективный уровень экономических отношений.

И действительно, в Софии 25–27 августа 1949 г. на II сессии СЭВ были рассмотрены и приняты рекомендации о подписании в течение 1950–1951 гг. долгосрочных торговых соглашений, основанных на принципах полного равенства и взаимной выгоды. Соглашения стали средством взаимной увязки экономического развития европейских стран народной демократии и СССР, роста товарооборота и создали необходимую базу для дальнейшего расширения экономических отношений между ними⁷⁸.

24–25 ноября 1950 г. в Москве состоялась III сессия Совета экономической взаимопомощи, в повестке дня которой значилось два пункта: «Информация о выполнении рекомендаций Совета по вопросу о расширении товарооборота между странами – участниками Совета и мероприятия по дальнейшему расширению товарооборота между ними» и «О кооперации торговли стран – участниц Совета с капиталистическими странами»⁷⁹. Решение московской сессии СЭВ, особенно по второму пункту повестки дня, имело большое значение для восстановления мировой системы международной торговли после Второй мировой войны. Практика эконо-

⁷⁵ Ibidem. К. 34.

⁷⁶ На приеме у Сталина... С. 521.

⁷⁷ Там же. С. 525.

⁷⁸ Силуянов Н.М. Указ. соч. С. 24.

⁷⁹ ADH PRL. Kolekcja E. Szyra. Sygn. III/4. К. 52. См. также: *Ptaszek J.* PRL – RWPG: na drodze do integracji. Warszawa, 1980. S. 178.

мического развития стран народной демократии и их народнохозяйственных связей с СССР показала объективную необходимость развития экономических связей с капиталистическими странами, ибо сталинский тезис о расколе мирового рынка на две изолированные системы не соответствовал условиям развития международной торговли и международного разделения труда. При этом СЭВ призван был сыграть важную роль в кооперации между странами социалистического лагеря в их торговых взаимоотношениях с капиталистическими странами.

В новейшей историографии образованию и деятельности СЭВ даются различные оценки. Российская исследовательница Н.Е. Быстрова, говоря о советско-румынской инициативе, отмечает, что «коммунистические лидеры стран Восточной Европы, стремясь продемонстрировать свою приверженность советскому блоку, были весьма заинтересованы в дополнительной экономической и финансовой помощи Москвы. Однако не вызывает сомнения то, что советское руководство прежде всего само было заинтересовано в создании такой структуры, как СЭВ»⁸⁰. С точки зрения Быстровой, стремление к политическому и экономическому сближению было взаимным и диктовалось реальными потребностями. Однако само содержание этих реальных потребностей автором сводится к вопросу об укреплении «советского блока» и к заинтересованности союзников СССР в дополнительной финансовой и экономической помощи. Такие выводы не лишены основания, но слишком поверхностны.

Иначе, хотя также небесспорно, оценивает истоки и развитие Совета экономической взаимопомощи польский историк Р. Скобельский. Он пишет: «СЭВ, делая очередной шаг на пути формирования Восточного блока, служил в принципе интересам СССР». СЭВ «укреплял советскую экономическую модель в зависимых странах, а также укреплял влияние Кремля на образ и направление развития их экономики. Одновременно он был экономической и пропагандистской реакцией СССР на возникновение Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), занимавшейся координацией плана Маршалла»⁸¹.

Против высказанной польским автором точки зрения можно выдвинуть ряд возражений. Во-первых, сравнение СЭВ с ОЕЭС не-

⁸⁰ Быстрова Н.Е. Указ. соч. С. 243.

⁸¹ Skobelski R. Op. cit. S. 49.

корректно даже с учетом упоминания о «пропагандистской реакции» СССР. Созданный 12 июля 1947 г. на Западе Комитет экономического развития и сотрудничества, преобразованный в 1948 г. в ОЕЭС, ведал распределением финансовой помощи европейским странам в рамках плана Маршалла. Сама же эта помощь была направлена на стабилизацию финансовой системы и предоставлялась на покрытие дефицита государственных бюджетов. Ее воздействие на экономику было опосредованным, хотя и служило хозяйственному восстановлению стран Западной Европы, которое осуществлялось иными средствами и из других источников. СЭВ действовал совсем на иных принципах. Скорее некоторые, весьма относительные, аналогии можно усмотреть между СЭВ и Европейским объединением угля и стали, созданным в самом начале 1950-х гг. Во-вторых, вызывает сомнение употребление в этом контексте понятия «зависимые страны». В современном мире, что в полной мере относится и к XX веку, все страны находятся во взаимной экономической и политической зависимости и в рамках этой системы отнюдь не равны между собой. Поэтому в той же мере, в которой план Маршалла служил восстановлению «западной модели» экономики на западе Европы, СССР стремился содействовать установлению своей экономической системы, именованной «социалистической», основанной на общественной собственности на средства производства и плановом развитии.

Вопрос о характере СЭВ и задачах этой организации на разных этапах ее развития решается по-разному, хотя непреложными оставались и некоторые фундаментальные принципы. Ко времени основания СЭВ и в первые годы его работы, в конце 1940-х – начале 1950-х гг., он объединял разные по уровню социально-экономического и индустриального развития страны. Наиболее развитыми среди них были западные соседи СССР: Чехословакия, отчасти Польша, особенно если иметь в виду присоединенные к Польше и Чехословакии промышленные районы гитлеровской Германии, и в известной мере Венгрия. Естественно, что характер экономических связей между этими странами и СССР существенно отличался от связей с Румынией, Болгарией и в особенности Албанией. Для последней народнохозяйственное участие в СЭВ сводилось исключительно к получению финансовой и экономической помощи. Отмеченные различия послужили впоследствии основанием для формулирования одной из главных задач СЭВ по выравниванию уровней экономического развития стран – его участниц. Однако

она была сформулирована и стала воплощаться в жизнь существенно позже, за пределами рассматриваемого нами периода.

Какие же задачи стояли перед СЭВ на рубеже 1940–1950-х гг. в том виде, как они нашли отражение в развитии советско-польских экономических отношений? Несомненно, главную роль играла политическая составляющая, что недвусмысленно прозвучало как в декларациях основателей СЭВ, так и в практике польско-советских экономических отношений, когда речь шла о единстве действий «демократического лагеря» на международной арене в условиях холодной войны и противостояния «империалистическим силам». Политический фактор решающим образом отразился и в стремлении правящих кругов СССР способствовать созданию в «странах народной демократии» социально-политической системы советского типа и формированию для нее соответствующего экономического фундамента. При этом следует подчеркнуть, что отмеченный процесс имел двустороннюю направленность. Опыт и образец Советского Союза, – страны – победителя нацизма, был на этом этапе привлекателен для правящих коммунистических партий и рабочего движения стран Восточной Европы, критика сталинизма на левом фланге польского общества стала набирать силу несколько позже.

Однако задачи СЭВ не ограничивались политической надстройкой. СЭВ должен был способствовать социальному переустройству общества путем создания посредством сотрудничества экономических условий для «вытеснения» или «ликвидации эксплуататорских классов», превращения рабочего класса в основную производительную силу общества и в большинство населения страны, способствовать социальной трансформации крестьянства и мелкой буржуазии города при помощи кооперирования.

Разумеется, все эти задачи соответствовали стратегическим целям правящих коммунистических партий в странах Восточной Европы и Советского Союза как решающей силы в формирующейся «мировой системе социализма». СЭВ выступал в экономической области только одним из инструментов в их решении, однако инструментом, имевшим большое значение. На это применительно к Польше указывали как решения совещаний коммунистических партий, ориентировавшие на развитие всестороннего сотрудничества правящих партий стран «демократического лагеря», так и программные документы и постановления руководящих органов ППР и ПОРП.

В экономических вопросах задачи и функции СЭВ применительно к советско-польским отношениям проявились наиболее конкретно. Именно международное, и прежде всего советско-польское, экономическое сотрудничество призвано было содействовать обеспечению ключевой роли государства в управлении народным хозяйством и в решении задач восстановления и дальнейшего развития польской экономики по пути социалистического строительства. СЭВ должен был сыграть весьма существенную роль в становлении и совершенствовании механизмов, форм и методов планового ведения народного хозяйства, в частности способствовать переходу от годичных, во многом чрезвычайных, программ первых лет послевоенного восстановления экономики к трехлетним планам развития, начиная с 1948–1950 гг. В задачу СЭВ входило также содействие в определении пропорций между промышленным и аграрным секторами польского народного хозяйства, между его важнейшими отраслями. Специфической задачей в рамках СЭВ являлась помощь в создании единой транспортной системы, которая в Польше ранее, чем в других странах-участницах, прошла путь интеграции с транспортной системой СССР, получив, наряду с традиционной для Польши ориентацией по линии север – юг, ориентацию по линии восток – запад.

Все отмеченные задачи решались и в рамках двусторонних экономических отношений СССР и Польши, однако СЭВ был важным инструментом придания им многостороннего характера. Необходимость этого проявилась уже во второй половине 1940-х гг. в связи с аналогичными актуальными хозяйственными вопросами, возникавшими во взаимоотношениях СССР, Польши, Чехословакии и Восточной Германии и требовавшими разрешения на многосторонней основе. Следует также отметить, что как экономические отношения СССР со своими союзниками, так и хозяйственные связи между ними были обусловлены и развивались в значительной мере под влиянием оборонных задач и военно-экономического планирования, что также послужило одним из стимулов образования СЭВ.

Разумеется, влияние СЭВ на народное хозяйство и экономические отношения стран Восточной Европы было далеко не всеобъемлющим. Экономическое сотрудничество между ними координировалось и направлялось правящими коммунистическими партиями, развивалось по многим каналам и осуществлялось правительствами в рамках министерств и ведомств. Однако работа СЭВ существенно дополняла структуру органов управления народным

хозяйством и экономического сотрудничества, придавая ему, во-первых, многосторонний характер, а во-вторых – укрепляя принцип межгосударственности и национального суверенитета, хотя и в рамках советской интерпретации доктрины «пролетарского интернационализма». Следует также принять во внимание, что на рубеже 1940–1950-х гг. СЭВ был в самом начале своей истории, а отмеченные в этот период тенденции его развития могли раскрыться только в будущем.

4. Советско-польские отношения по вопросам компенсации военных потерь и по проблеме германских репараций

К концу 1940-х гг. в основном сложилась структура экономических отношений между Советским Союзом и Польшей. В их основе лежал двусторонний товарообмен, по тому времени довольно широкого ассортимента; значительная доля советских поставок в ПНР осуществлялась в кредит, что имело большое значение не только как непосредственная экономическая помощь Польше – главным образом советское кредитование способствовало росту трудовых и производственных ресурсов обеих стран и в целом увеличению экономического потенциала содружества стран народной демократии. 15 января 1949 г. было подписано очередное соглашение о взаимных поставках товаров на текущий год⁸². Традиция принятия такого рода документов, создававших прочную основу экономических отношений СССР с союзными странами на востоке Европы, в том числе и с Польшей, уже сложилась и в течение трех лет была проверена на практике. Совет экономической взаимопомощи заявил о себе как международная региональная координирующая организация.

По мере улучшения ситуации в Польше двусторонние, а затем и многосторонние торговые и кредитные соглашения с СССР оценивались в кругах советской политической элиты как развивающиеся вполне благополучно и с выгодой для советской стороны. Иначе обстояло дело с репарационными поставками и их разделом

⁸² Известия. 1949. 18 января; Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965: В 2-х кн. Изд. 2-е, доп. Т. 1: 1917–1950. М., 1967. С. 422.

между Советским Союзом и Польшей. Они оказались проблемным звеном в системе советско-польских экономических отношений на продолжительное время. В современной польской историографии проблема эта считается столь же актуальной, как и прежде.

Выше уже говорилось о том, что в ходе советско-польских переговоров 8–16 августа 1945 г. было подписано Соглашение о возмещении причиненного германской оккупацией ущерба и распределении квот, полагающихся Советскому Союзу и Польше. В статью 2-ю соглашения была включена оговорка (кlausула), согласно которой польское правительство принимало на себя обязательство поставлять своему восточному соседу ежегодно уголь по «специальной цене». Особенность этой цены заключалась, по мнению польских исследователей, в том, что уголь поставлялся не по мировым, а по заниженным ценам, так что нельзя было покрыть расходы польской стороны на доставку угля к польско-советской границе. В новейшей польской историографии отмечается, что уже в 1947 г. (после первого года поставок) «выяснилось, каким страшным бременем является угольная klausула» для неокрепшей послевоенной польской экономики. Поэтому целью польской делегации, находившейся в Москве с 25 февраля по 5 марта 1947 г., было сокращение угольных поставок, закрепленных Договором от 16 августа 1945 г.⁸³

Соглашение о поставках польского угля в СССР должно было действовать на весь период оккупации Германии. Согласно советской официальной справке 1950 г., Польша обязалась, начиная с 1946 г., «поставлять Советскому Союзу ежегодно уголь по специальной договорной цене: в первый год поставок – 8 млн тонн, в следующие четыре года – по 13 млн тонн, и в последующие годы – по 12 млн тонн»⁸⁴.

⁸³ *Dołęga J., Kulesa Ł., Tarnogórski R.* Wykonanie przez ZSRR postanowień reparacyjnych Umowy Poczdamskiej wobec Polski // *Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004*. T. I. Studia pod redakcją naukową W. Góralskiego. Warszawa, 2004. S. 160. То же на русском языке: *Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р.* Осуществление Советским Союзом репарационных положений Потсдамского договора в отношении Польши // *Европа. Журнал Польского института международных дел*. 2005. № 2 (15). С. 116–117.

⁸⁴ Советская политика в отношении Германии, 1944–1954. Документы / Сост. и отв. ред. Я. Фойтцик при участии А.В. Доронина, М.А. Перькова. М., 2011. С. 606.

Возникает вопрос, почему и при каких обстоятельствах клаузула была включена в Соглашение 8–16 августа 1945 г.? Достоверных сведений на этот счет в распоряжении исследователей пока не имеется. Нет и протокольной записи встречи представителей польской делегации с председателем Совета министров СССР 14 августа 1945 г., состоявшейся в Кремле за два дня до подписания соглашения.

Единственным из известных нам свидетельств могли бы послужить мемуары Н.С. Хрущева, в которых утверждалось: «В свое время был заключен договор о поставке Польшей угля в СССР по заниженным ценам. Накопилась огромная сумма, которую недополучила Польша, если исходить из мировых цен. Мы стали разбираться. Действительно, все подтвердилось». Под договором стояли подписи Ю. Циранкевича и А.И. Микояна. «Поляки получили благодаря нам от Германии Силезию, богатую углем, – продолжает мемуарист. – Сталин считал, что уголь оттуда – в какой-то степени плата за кровь, которая была пролита при освобождении Польши. Но такие рассуждения носят эмоциональный характер и юридической силы не имеют. Когда же там накопилась антисоветская пена (речь идет о событиях 28 июня 1956 г. в Познани. – А.О.), этот факт был преподнесен как грабеж, как эксплуатация Польши Советским Союзом»⁸⁵.

Приведенное рассуждение Хрущева отражает, скорее, атмосферу переговоров по угольной проблеме представителей советского и польского руководства в 1956–1957 гг., когда впервые именно спор о цене на уголь и стал одним из наиболее острых вопросов в межправительственных контактах по проблемам народнохозяйственного сотрудничества. По существу же в воспоминаниях советского первого секретаря нет ни слова об условиях и ценах угольных поставок, согласованных Циранкевичем и Микояном в 1945 г. Очевидно, что никакими реальными фактами о том, что так якобы «считал Сталин», Хрущев не располагал, так как любая «специальная договорная цена» предполагала расчетные основания. Следует также отметить, что, хотя вопросы объемов угольных поставок и разногласия между СССР, ПНР и Чехословакией в этой области активно обсуждались между названными странами, тема «специальной цены» впервые возникла именно в 1956 г., что очевидно было связано прежде всего с политической ситуацией.

⁸⁵ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 240–241.

Во второй половине 1940-х – в первой половине 1950-х гг. перво-степенное значение имели согласованные объемы встречных товарных поставок, которые и обеспечивали эквивалентный товарный обмен между двумя странами. Применяемые при этом цены поставок в рамках фондового распределения, в частности цены на уголь, играли второстепенную роль, только как формальные учетные параметры. В 1945 г. «специальная цена» на польский уголь, поставляемый в СССР, была определена на основе уровня директивно установленных цен на уголь, производимый в тот период в СССР. Она, разумеется, была ниже мировых цен и отражала потребности советского железнодорожного транспорта, энергетического баланса и металлургической промышленности⁸⁶ в годы войны и послевоенного промышленного восстановления. Известно при этом, что угольная промышленность СССР, за исключением карагандинских шахт и разрезов, введение в эксплуатацию которых началось только в 1955 г., оставалась нерентабельной вплоть до конца 1980-х гг. и субсидировалась за счет других отраслей. Эта же модель была применена и в отношении Польши. При этом неэквивалентные поставки польского угля компенсировались с советской стороны аналогичными встречными поставками сырья и оборудования, которые также осуществлялись «по специальным ценам» и приносили Польше немалый доход. Следует также иметь в виду, что в восстановительный период СССР испытывал серьезный дефицит угля и в металлургической промышленности, и в энергетическом балансе, особенно принимая во внимание, что освобожденный от гитлеровцев Донбасс был разрушен и сам нуждался в восстановлении.

Поэтому точка зрения тех исследователей, которые придерживаются мнения, что «специальная договорная цена» за польский уголь была будто бы необоснованной и навязана польской делегации постаревшим советским лидером, якобы в качестве способа компенсировать потери Красной армии, освободившей польскую территорию от германских захватчиков, и что возражать Сталину тогда никто не посмел, представляется совсем неубедительной. Правда, это утверждение с течением времени трансформировалось в стереотип, бытующий в наши дни в Польше.

⁸⁶ Например, занижая в рамках плановой системы цены на уголь (нередко даже менее себестоимости), советские органы управления народным хозяйством поднимали таким способом рентабельность предприятий – потребителей угля и поддерживали необходимый уровень межотраслевого баланса.

Угольная проблема во взаимоотношениях СССР и Польши была достаточно тесно связана с более широким кругом вопросов получения и распределения репараций из Германии. По советско-польскому соглашению 16 августа 1945 г. Польша должна была получать 15% от репараций, полагавшихся Советскому Союзу. Во время переговоров в Берлине была определена номенклатура поставок для Польши: химические удобрения, производившиеся в то время в Германии синтетические заменители нефти и нефтепродуктов, синтетический каучук, железнодорожные шпалы, полуфабрикаты для мебели, трикотажные изделия, одежда, музыкальные инструменты, часы, точные и измерительные приборы, режущий инструмент для металлообрабатывающей промышленности, пищевые и счетные машины, радиоаппаратура. Это данные на III квартал 1946 г.⁸⁷ Они кажутся на первый взгляд весьма скромными. Однако не следует забывать о том, что в тот момент и Германия, и Польша лежали в развалинах, учет материальных ценностей только налаживался.

Советско-польские переговоры по вопросам репараций с Германии проходили в Москве с 25 февраля по 5 марта 1947 г., в частности на них обсуждалась и угольная проблема, однако спектр рассмотренных вопросов был существенно шире и включал ряд не менее важных политических и экономических тем. Состоялся также обмен мнениями по германскому вопросу, показавший принципиальную согласованность точек зрения двух сторон о польско-германской границе и ее нерушимости⁸⁸.

В дальнейшем, в 1950-е гг., в польско-советских разногласиях по вопросу о разделе получаемых репараций и в дискуссиях об этом немаловажную роль играла проблема оценки их стоимости. Формальным основанием для этого были решения Ялтинской и Потсдамской конференций, гласившие, что стоимость реквизированного в Германии имущества должна была определяться по довоенным ценам 1938 г., для чего специальными комиссиями ООН были выработаны отдельные рекомендации. Однако очевидно, что они были практически неприменимы, особенно с учетом амортизации, и не использовались Главным трофейным управлением СССР, которое вело учет конфискованного имущества только в матери-

⁸⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4939. Л. 195. Из бюллетеня Московского отделения Польского агентства печати, № 3.

⁸⁸ *Dołęga J., Kulesa Ł., Tarnogórski R.* Op. cit. S. 160.

ально-вещественной номенклатуре. Цены 1938 г. фиксировались только в случае наличия особых передаточных актов. Во всяком случае, до сегодняшнего дня в литературе практически не существует признанных стоимостных оценок германских репараций, полученных победителями.

Первый этап их взыскания Советским Союзом завершился к началу 1950 г., после того как осенью 1949 г. были образованы ФРГ и ГДР и раскол Германии стал свершившимся фактом, что в свою очередь привело к существенному изменению политической ситуации в Европе. Недавно опубликован советский документ, датированный 28-м февраля 1950 г. и имеющий прямое отношение к вопросу о германских репарациях. В нем говорится, что советское правительство «отказалось в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на активы германских промышленных и транспортных предприятий на всей территории Польши, включая и ту часть территории Германии, которая переходит к Польше». Советское правительство подтвердило данное ранее согласие «уступить Польше» 15-процентную долю взысканных с Германии средств «из своей доли репараций [...], подлежащих поставкам Советскому Союзу: а) 15% всех репарационных поставок из советской зоны оккупации Германии, которые будут иметь место в период после Берлинской конференции; б) 15% из получаемого Советским Союзом комплектного промышленного капитального оборудования из западных зон оккупации Германии, причем поставки этого оборудования должны производиться в порядке обмена на другие товары из Польши; в) 15% из получаемого Советским Союзом комплектного промышленного капитального оборудования из западных зон без оплаты или возмещения любым способом»⁸⁹.

С весны 1950 г. в отношениях СССР и Польши к репарационной проблеме обозначился иной подход. 11 мая председатель Совета министров ГДР О. Гротеволь обратился к И.В. Сталину с просьбой обсудить вопрос о возможности уменьшения немецких репарационных поставок. Мотивировалась просьба тем, что немецкой стороной поставки выполнялись пунктуально, поскольку «трудящиеся массы» ГДР «всегда считали уплату компенсаций своей обязанностью»⁹⁰. Кремлевские руководители вступили в контакты

⁸⁹ Советская политика в отношении Германии... С. 606.

⁹⁰ Problem reparacji... T. II. Dokumenty / Pod red. S. Dębskiego i W. Góralskiego. Warszawa, 2004. S. 241.

по этому вопросу с Польшей и Восточной Германией. Уже 15 мая польское правительство приняло постановление о снижении репарационных поставок с ГДР, а 18 мая Сталин сообщил Гротеволлю, что советская сторона согласна на снижение военных компенсаций на 50%, т. е. до суммы 3171 млн долл., рассчитанных на 15 лет (с 1951 по 1965 г.), в продовольственных и промышленных товарах⁹¹. Совет министров ПНР принял 23 января 1953 г. постановление об отказе с 1 января 1954 г. от уплаты компенсаций в пользу Польши со стороны Германии⁹².

Новый подход в вопросе репараций был обусловлен существенными изменениями как в положении Восточной Германии в отношениях между Востоком и Западом в ходе холодной войны, так и ее статуса в рамках союзнических отношений стран Восточной Европы и СССР. После образования в сентябре 1949 г. ФРГ и в октябре – ГДР, США в союзе с правящими кругами Западной Германии проводили курс на вовлечение ФРГ в военно-политические структуры западного лагеря, завершившийся в 1955 г. вступлением страны в НАТО. При этом был отвергнут план «демократического объединения Германии», предложенный СССР в начале 1950-х гг. Политика США в германском вопросе сопровождалась предоставлением ФРГ значительной материальной и финансовой помощи, которая к сентябрю 1951 г. составила 3,9 млрд долл.⁹³ В феврале 1953 г. в Лондоне состоялась международная конференция по проблемам германских репараций, и уже 27 февраля ФРГ заключила соглашения с 18 странами о возмещении причиненного им во время войны ущерба, предполагавшие существенное смягчение репарационного режима⁹⁴.

После того как советские предложения по объединению, демилитаризации и о внеблоковом статусе Германии были отвергнуты США и их союзниками, в ГДР активизировался процесс политического, государственно-правового и экономического сближения с СССР. При этом перенимался не только опыт, но и конкретные формы партийного и государственного строительства, существо-

⁹¹ См.: Problem reparacji... Т. II. S. 241–243.

⁹² AAN. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. Т. II. К 268.

⁹³ См.: Лобанов Н.А. Эволюция внешней политики ФРГ (1949–1968 гг.) // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / Под ред. Б.Н. Флори. М., 2009. С. 350.

⁹⁴ Там же. С. 353.

вавшие в СССР и в странах народной демократии (объединение коммунистов и социал-демократов, создание органов государственного и местного управления советского типа, органов внутренних дел и государственной безопасности и т.п.). В 1950 г. были образованы специальные отряды полиции на казарменном положении, с которых ведет свою историю Национальная народная армия ГДР. В июле 1952 г. на II конференции СЕПГ В. Ульбрихт провозгласил курс на «планомерное строительство социализма», в соответствии с которым в стране ускорилась национализация промышленности, а в селах создавались товарищества сельхозпроизводителей (кооперативы). Естественно, что осуществление указанных мер могло дать положительный эффект только с течением времени, а в настоящий момент легло тяжелым бременем на население страны. Это выразилось в росте цен и в увеличении в начале 1953 г. в два раза норм выработки в промышленности. Ответом на это стали забастовки и события 17 июня 1953 г. в Берлине, когда полиция открыла огонь по взбунтовавшимся строителям, проводившим работы на Унтер ден Линден и Аллее Сталина⁹⁵.

Правительство ГДР и союзники республики по социалистическому лагерю нуждались в стабилизации политической ситуации в стране, а важнейшим условием для этого было улучшение положения в народном хозяйстве, чему и должно было послужить облегчение бремени репараций. При этом учитывалось, что в это время были существенно сокращены и репарации, взимаемые с Западной Германии.

Правительство ГДР не стало откладывать дела в долгий ящик: 20–22 августа О. Гротеволь уже консультировался в Москве по вопросу снижения репараций⁹⁶. В результате 22 августа В.М. Молотов и О. Гротеволь от имени своих стран подписали Договор о полном отказе от взыскания немецких репараций начиная с 1 января 1954 г. В договоре фигурировала сумма репарации, которую следовало выплатить, – 2537 млн долл.⁹⁷

⁹⁵ Оценка событий 1953 г. в ГДР по сей день остается предметом политических разногласий и дискуссий в историографии. См., напр.: *Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 года в Германии*. М., 2004; *Der 17. Juni 1953 im Spiegel sowjetischer Geheimdiensdokumente* / Hsg. Von K.-D. Müller, J. Scherribble, M. Scheitzner. Leipzig, 2008.

⁹⁶ *Łoś R. Łupy wojenne. Polskie reparacje z Niemiec w latach 1945–1946* // *Dziś* (Warszawa). 1997. № 9. S. 46.

⁹⁷ *Łoś R.* *Op. cit.* S. 46; *Долэнга Я. и др.* Указ. соч. С. 117. Текст договора СССР и ГДР о репарациях и финансово-экономических обязательств

Поэтому сразу за июньскими событиями в ГДР в Варшаве по примеру Советского Союза президиум Совета министров ПНР под председательством Б. Берута 19 августа 1953 г. вновь занялся рассмотрением вопроса о репарациях. На заседании присутствовали заместители председателя Совета министров Т. Гедэ, П. Ярошевич, Г. Минц и З. Новак, председатель Государственного совета ПНР А. Завадский. Берут проинформировал о поступившем предложении советского правительства по репарациям. Он предложил, во-первых, с 1 января 1954 г. освободить ГДР от всяких репарационных обязанностей, следовательно, и от той их части, которая причиталась Польше; во-вторых, аннулировать немецкие репарационные поставки угля через Польшу на льготных условиях; в-третьих, предлагал заинтересованным правительствам подписать соответствующие соглашения⁹⁸. На следующий день Совет министров уполномочил Т. Гедэ вести переговоры с представителями советской стороны об изменении польско-советского договора от 16 августа 1945 г. относительно компенсации ущерба, нанесенного немецкой оккупацией⁹⁹. Вероятно, эти изменения, по мнению польской стороны, должны были касаться также и поставок польского угля в СССР по «специальной цене».

23 августа состоялось еще одно заседание Совета министров ПНР по вопросу о немецких компенсациях¹⁰⁰, а 25 ноября в польской столице Т. Гедэ и посол СССР в Варшаве Г.М. Попов подписали протокол о прекращении действия договора, заключенного еще польским Временным правительством национального единства и правительством СССР 16 августа 1945 г., о компенсации ущерба, нанесенного немецкой оккупацией, и протокола к нему от 5 марта 1947 г.¹⁰¹ К весне 1954 г. были окончательно урегулированы все вопросы, связанные с репарационными поставками за 1946–1953 гг., что и было зафиксировано в отчете о деятельности польской де-

ствах сторон см.: *Problem reparacji...* S. 267–268; *Zbiór dokumentów*. 1953. № 9. S. 1805–1809 (текст на русском языке).

⁹⁸ Подробнее см.: *Problem reparacji...* Т. II. S. 263–265.

⁹⁹ *Ibidem*. S. 265–266.

¹⁰⁰ Протокол и текст заявления по данному вопросу см.: *Ibidem*. S. 269–271. Заявление правительства ПНР о решении правительства СССР, касающегося Германии (на немецком и польском языках), см.: *Zbiór dokumentów*. 1953. № 9. S. 1830–1832. См. также: *Kowalski W.T. Polska w świecie 1945–1956*. Warszawa, 1980. S. 440; *Łoś R.* *Op. cit.* S. 46–47.

¹⁰¹ Текст см.: AAN. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. Т. II. К. 269–270.

легации в Польско-советской смешанной комиссии по репарациям с Германии, представленном министром внешней торговли ПНР К. Домбровским¹⁰².

Для Польши и правительства ПНР прекращение немецких поставок в счет компенсации военных потерь имело двоякое значение. Хотя в начале 1950-х гг. послевоенное восстановление польского народного хозяйства было завершено, продукция германской промышленности, репарационные поставки которой планировались до 1965 г., играла существенную роль как в балансе внутреннего рынка, так и в технологической модернизации польской экономики. Правда, поставки промышленной продукции из ГДР продолжались, однако осуществлялись они теперь на основе эквивалентного взаимозачета, что было связано с дополнительной нагрузкой для народного хозяйства ПНР. С другой стороны, совместный отказ СССР и Польши от взыскания репараций не только способствовал экономической стабилизации ГДР, но, главное, означал новый шаг вперед в расширении международных экономических связей и в становлении интегрированного народнохозяйственного комплекса, включая экономические средства его регулирования и управления в рамках социалистического лагеря.

5. Экономические отношения ПНР и СССР в первой половине 1950-х гг.

1948 год ознаменовал кардинальный поворот в общественной и политической жизни стран народной демократии, всего социалистического лагеря, не исключая и СССР. В конце 1940-х годов в них в полной мере сформировались черты политических режимов, получивших позднее название «сталинизма». Не избежала такого поворота и ПНР. Черту, за которой остался «национальный путь к социализму» и единый фронт двух рабочих партий в Польше и после которой произошел переход к монополюльной власти одной рабочей партии, провел уже упомянутый объединительный съезд ППР и ППС в декабре 1948 г. В Декларации, принятой съездом, с одной стороны, провозглашалась преемственность Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) по отношению к революционным

¹⁰² См.: Problem reparacji... S. 293–312. Составителями публикации документ датируется приблизительно: «После февраля 1954 г.».

традициям польского рабочего движения, а с другой – отвергалась концепция «польского пути к социализму». В ней констатировалось, что «политический режим народной демократии является формой диктатуры пролетариата»¹⁰³.

Тогда же, в декабре 1948 г., за 10 месяцев до завершения трехлетнего плана (1947–1949 гг.), во время работы объединительного съезда ППР и ППС был представлен очередной план развития народного хозяйства Польши (1950–1955 гг.), рассчитанный на 6 лет. В его основу была положена программа индустриализации страны. В то же время план предполагал и «коллективизацию сельского хозяйства». 21 июля 1950 г. Сейм принял закон о 6-летнем плане развития народного хозяйства.

Таким образом, был сделан важнейший шаг на пути сближения политической и экономической системы ПНР и СССР. В этих условиях в первой половине 1950-х гг. наметившиеся ранее новые черты в экономических отношениях Советского Союза и Польши приобрели устойчивость и систематичность. Наряду с годовыми соглашениями о взаимных товарных поставках заключались трехгодичные соглашения об экономическом сотрудничестве, которые соответствовали практике народнохозяйственного планирования в Польше. 29 июня 1950 г. было подписано очередное соглашение о взаимных поставках товаров в кредит на долгосрочный период 1953–1958 гг.¹⁰⁴ Документ подписали «в целях дальнейшего расширения экономических отношений между обеими странами и обеспечения в интересах выполнения хозяйственных планов той или другой стороны для бесперебойного оборота между ними [...]»¹⁰⁵. Упоминание в соглашении о задачах выполнения хозяйственных планов свидетельствовало, что экономические отношения все больше приобретали планомерный характер и были ориентированы преимущественно на расширение масштабов индустриализации польской экономики.

В связи с этим особое место отводилось заключенному в 1952 г. долгосрочному соглашению об увеличении поставок в Польшу

¹⁰³ Польша в XX веке... С. 561–562.

¹⁰⁴ Документы и материалы... Т. X. С. 61–64; *Писарец И.Г.* Внешнеэкономические связи Польской Народной Республики. М., 1962. С. 71.

¹⁰⁵ Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М., 1974. С. 59.

промышленного оборудования в кредит на период 1953–1958 гг. Для частичного погашения этих поставок советская сторона предоставила польской стороне кредит в размере 400 млн руб., что должно было сыграть немаловажную роль в осуществлении нового для Польши шестилетнего плана развития народного хозяйства¹⁰⁶.

Одновременно продолжала развиваться система ежегодного товарооборота между Польшей и СССР. 29 февраля того же года в Москве был подписан протокол о поставках товаров в текущем году из СССР в Польшу и соответственно из Польши в Советский Союз (с 1 января 1952 г.). К нему прилагался документ об общих условиях поставок. Протокол подписали Д.Г. Казюков (Совет экономической взаимопомощи) и Б. Додзюк (торговый советник польского посольства в Москве)¹⁰⁷.

22 апреля 1953 г. в советской столице А.И. Микоян и К. Домбровский, получив полномочия своих правительств, подписали протокол о взаимных поставках товаров между СССР и ПНР в 1953 г.¹⁰⁸ Газета «Известия» по этому поводу подчеркивала, что протоколом предусмотрено «значительное увеличение товарооборота» между обеими странами. Советская сторона «будет поставлять в Польшу машины и оборудование, хлопок, железную, марганцевую и хромовую руды, нефть и нефтепродукты, медь, алюминий, химические и другие товары, в которых нуждается польское народное хозяйство». Польская сторона обязывалась «поставлять в СССР морские суда, железнодорожный подвижной состав, уголь, кокс, цинк, цемент, ткани, мебель и другие товары»¹⁰⁹. Обращают на себя внимание существенные изменения в структуре товарообмена между двумя странами, увеличение в нем доли промышленной продукции высокой степени переработки и сокращение доли сырья и полуфабрикатов. Это указывало на характерные изменения в народном хозяйстве обеих стран: как на повышение уровня индустриального развития, так и косвенно на рост производительности труда.

Однако, наряду с достигнутыми успехами, в народном хозяйстве стран народной демократии наблюдались немалые трудности и диспропорции: между промышленным и аграрным секторами

¹⁰⁶ Козик А.К. Указ. соч. С. 356.

¹⁰⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 37. Л. 2–14.

¹⁰⁸ Текст протокола см.: Документы и материалы... Т. X. С. 238–239.

¹⁰⁹ Известия. 1953. 23 апреля.

экономики, между производством средств производства и производством продукции народного потребления, между потреблением и накоплением. Все это усугублялось тяготами гонки вооружений, которая в соотношении была, по меньшей мере, в три раза тяжелее для населения стран народной демократии, чем для США и их союзников. В совокупности эти противоречия нашли отражение в разрыве между социальными ожиданиями граждан и возможностями общества по их реализации. Ответственность за сложившееся положение граждане ПНР не без основания возлагали на власти, которые в немалой степени были дискредитированы и своими действиями, и политическим стилем сложившейся в стране партийно-государственной номенклатуры. Все это побудило руководство СССР и его союзников после смерти Сталина искать новые методы управления, в том числе в области народного хозяйства и межгосударственного экономического сотрудничества. Власти сознавали необходимость облегчения бремени навязанной в обстановке холодной войны гонки вооружений, корректировки пропорций развития экономики, отказа от политики репрессий, жертвами которой становились и представители самого государственного аппарата, партийные функционеры и многие управленческие кадры. Все это должно было послужить снижению опасного уровня социальной напряженности в странах блока.

Подтверждением последнего были не только описанный кризис в ГДР, но и массовые антиправительственные волнения 1 июня 1953 г. в Чехословакии в связи с объявленной денежной реформой. Министр внутренних дел СССР Л.П. Берия, сообщая в Президиум Совета министров СССР Г.М. Маленкову о беспорядках, посчитал необходимым указать на неудовлетворительную работу Совета экономической взаимопомощи. Берия подчеркивал, что СЭВ «работает из рук вон плохо, и никакой положительной роли в координации экономики стран народной демократии эта организация не играет»¹¹⁰. Резкая критика прозвучала в какой-то мере справедливо, ибо координация экономики, о которой шла речь, фактически вперед не продвигалась из-за недостаточной квалификации и, добавлял всесильный министр, робости чиновников, заполнявших коридоры СЭВ. «То, что произошло в Чехословакии, может повториться и в других странах и привести к более крупным не-

¹¹⁰ Восточная Европа... Т. II: 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 918.

желательным последствиям, – утверждал Берия. – Во избежание этого с нашей стороны нужна более активная и квалифицированная помощь стран народной демократии в правильной организации руководства государственным строительством и народным хозяйством. Развитие экономики этих стран должно быть более тесно увязано с экономикой Советского Союза, с тем чтобы ресурсы каждой республики использовались более рационально и эффективно». Берия предложил «иметь вместо существующих Совета Экономической Взаимопомощи и Координационного Комитета (образован в феврале 1951 г. – А.О.) единый орган, состоящий из ответственных представителей руководства стран народной демократии и Советского Союза (по три человека от каждой страны). Этот орган должен собираться не реже раза в два месяца для рассмотрения вопросов, связанных с развитием народного хозяйства и обороной стран народной демократии»¹¹¹.

Развернувшаяся борьба за власть в Кремле отодвинула в тень поставленные Берией вопросы. Однако отмеченные им проблемы требовали решения. И оно было найдено в соответствии с советской традицией путем усиления органов государственного аппарата, отвечавших за внешнеэкономическую деятельность. Завершилась эта реорганизация уже после избрания Н.С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС.

Начало 1950-х гг. было отмечено знаменательным событием в истории советского государственного аппарата: созданием 5 марта 1953 г. Министерства внутренней и внешней торговли СССР¹¹², а 24 августа 1953 г. Президиум Верховного Совета Союза ССР издал указ «Об образовании Министерства внешней торговли СССР». В нем подчеркивалось, что новое министерство создается в целях «дальнейшего развития экономических связей и улучшения торговли Советского Союза со странами народной демократии и другими зарубежными странами»¹¹³. 15 января 1955 г. в рамках этого министерства было создано Главное управление по делам экономических связей со странами народной демократии (ГУЭС), о чем со-

¹¹¹ Там же. С. 919.

¹¹² Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 132.

¹¹³ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1967. Т. 1. М., 1968. С. 268.

ветский посол в Польше Н.А. Михайлов информировал 19 февраля 1955 г. польского министра иностранных дел С. Скшешевского¹¹⁴.

В советских правительственных кругах самым компетентным специалистом в области внутренней и внешней торговли в то время был А.И. Микоян. Неудивительно, что в феврале 1955 г. его назначили первым заместителем председателя Совета министров СССР и ему был поручен контроль как над Министерством внешней торговли СССР, так и над Главным управлением по делам экономических связей со странами народной демократии. В декабре того же года Микоян назначается еще и председателем комиссии Президиума Совета министров по внешнеэкономическим вопросам¹¹⁵. В экономических отношениях между Советским Союзом и Польшей в период 1940–1950-х гг. он сыграл весьма позитивную роль.

В формирувавшемся социалистическом лагере Польша заняла, можно сказать, лидирующую позицию среди экономических партнеров СССР. Ей принадлежала и ключевая роль в системе экономических связей между СССР, ГДР и Чехословакией, ставших в будущем локомотивами тогда еще только намечавшейся экономической интеграции. Убедительной иллюстрацией этому служил подписанный 11 февраля 1954 г. в Москве Протокол о взаимных поставках товаров между СССР и ПНР на 1954 г.¹¹⁶ На следующий день московская газета «Известия» опубликовала официальное сообщение, в котором говорилось, что Советский Союз планирует поставлять в Польшу продукцию обширной номенклатуры: «промышленное оборудование, тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, автомобили, шарикоподшипники, зерно, хлопок, шерсть, железную, марганцевую и хромовые руды, нефть и нефтепродукты, апатит-концентрат, медь, алюминий, ферросплавы и другие необходимые для польского народного хозяйства товары». В свою очередь, Польша обязывалась экспортировать в СССР «грузовые и рыболовные суда, паровозы, пассажирские и товарные вагоны, уголь, кокс, цинк, прокат черных металлов, товары широкого потребления, в частности хлопчатобумажные, шерстяные,

¹¹⁴ *Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Warszawa, 2002. S. 41.

¹¹⁵ См.: *Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М., 2010. С. 268.

¹¹⁶ Документы и материалы... Т. X. С. 304–305.

льняные и шелковые ткани, сахар, мебель, фарфоровые и хрустальные изделия и другие товары»¹¹⁷.

Указанная номенклатура поставок повторялась с незначительными изменениями из года в год и свидетельствовала о постепенном превращении народного хозяйства СССР и Польши в интегрированный через механизм двусторонних связей народнохозяйственный комплекс.

По-прежнему особую роль в экономических отношениях Советского Союза и Польши играли поставки советского зерна, которые имели не только хозяйственное, но и социальное и политическое значение, поскольку в то время новая польская власть не могла в достатке обеспечивать свою страну этим незаменимым продуктом. В первой половине 1950-х гг. было совершено несколько весьма существенных поставок. Так, на заседании Секретариата Политбюро ЦК ПОРП 27 октября 1951 г. Я. Берман информировал участников, что «СССР выразил согласие на предоставление продовольственной помощи Польше в размере 560 тыс. тонн зерна и кукурузы»¹¹⁸. Правда, в нашем распоряжении нет сведений, чем была обусловлена столь крупная поставка, ведь ранее поставки зерна исчислялись 100–200 тыс. т в год. Неизвестно, на какой период столь серьезная помощь была рассчитана и была ли она реализована. 11 февраля 1954 г. А.И. Микоян представил в Президиум ЦК КПСС записку, в которой речь шла об оказании помощи ПНР в предоставлении 100 тыс. т ржи и 200 тыс. т пшеницы¹¹⁹. Такова была просьба главы польского правительства Б. Берута. Согласившись с просьбой, Совет министров СССР издал соответствующее закрытое постановление, и в порядке его осуществления в Москве 4 марта 1954 г. был подписан протокол о поставке Советским Союзом в первом полугодии 1954 г. 100 тыс. т пшеницы, причем стоимость пшеницы польская сторона обязывалась оплатить поставками мяса (13 тыс. т)¹²⁰.

25 февраля 1955 г. министры внешней торговли И.Г. Кабанов и К. Домбровский подписали в Москве протокол о взаимных постав-

¹¹⁷ Известия. 1954. 12 февраля.

¹¹⁸ Цит. по: *Sobór-Swidziska A. Jakub Berman. Biografia komunisty.* Warszawa, 2009. S. 279.

¹¹⁹ Подробнее см.: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2: Постановления 1954–1958 / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 31–33.

¹²⁰ Текст протокола см.: Документы и материалы... Т. X. С. 307.

ках товаров между странами на 1955 г. В тот же день И.Г. Кабанов сообщил своему польскому коллеге о поставке в Польшу 50 тыс. т пшеницы сверх поставок зерна, предусмотренных Соглашением от 29 июня 1950 г. и протоколом от 25 февраля 1955 г.¹²¹

Существенно важной чертой советско-польского экономического сотрудничества в 1950-е гг. стало не просто его углубление, а развитие в рамках отдельных отраслей промышленности, транспорта и т.д. Это сотрудничество координировалось на межправительственном уровне, на уровне отраслевых министерств и даже на уровне отдельных промышленных предприятий, являвшихся по сути производственными объединениями (хотя формально этот статус был присвоен им только во второй половине 1960-х гг.). Одним из примеров в этой области стала кооперация в судостроении. 23 сентября 1954 г. в Варшаве было подписано польско-советское соглашение о поставках рыболовных судов из Польши в Советский Союз в период 1956–1960 гг. При этом советская сторона обязывалась содействовать в поставке в Польшу судостроительной листовой стали, судовых двигателей и технической документации (безвозмездно); поставлять радио- и навигационное оборудование для комплектования судов, построенных для СССР; командировать в Польшу советских специалистов для оказания необходимой помощи при проектировании рыбопромысловых баз и т.п.¹²²

Представление о масштабах сотрудничества в отдельных отраслях промышленности СССР и Польши дает опубликованная в 1955 г. центральным органом ЦКП газетой «Трибуна люду» беседа Э. Ширы с представителем Польского агентства печати об итогах и перспективах польско-советского экономического сотрудничества. В ней подчеркивался значительный вклад СССР в развитие тяжелой промышленности Польши, особенно металлургической. Приводились конкретные примеры полученного из СССР оборудования, технической документации и помощи, оказанной советскими специалистами в реконструкции и расширении действующих предприятий, в возведении новых заводов, таких как металлургический комбинат им. Ленина в Новой Гуте под Краковом или завод по производству качественных сталей в Варшаве. Польская угольная промышленность получала из СССР машины и устройства для механизации работ в шахтах. Нефтяная промышленность

¹²¹ Документы и материалы... Т. X. С. 397–399.

¹²² Текст см.: Там же. С. 340.

обеспечивалась современным бурильным оборудованием и т.п. Кроме того, Советский Союз предоставил Польше «значительный долгосрочный кредит на поставку оборудования, причем следует подчеркнуть необычайно выгодные условия оплаты и очень низкое опроцентование кредита»¹²³.

Значительное место Э. Шир уделил советской научно-технической помощи, которая регулировалась специальным соглашением от 5 марта 1947 г. Для реализации соглашения была образована специальная межправительственная комиссия по научно-техническому сотрудничеству, сессии которой поочередно проводились в Москве и в Варшаве. Указанное соглашение и меры по его выполнению не имели аналогов в практике международных экономических отношений. Однако его роль этим не ограничивалась. Научно-техническое сотрудничество двух стран предполагало совместные усилия по подготовке высококвалифицированных кадров, взаимные стажировки инженеров и техников, руководителей производства, сотрудничество в разработке передовых технологий и в развитии фундаментальных научных исследований. Показательным примером в этой области стало начатое в 1955 г. советско-польское взаимодействие в области ядерных исследований и применения атомной энергии в мирных целях¹²⁴.

В приведенной беседе с корреспондентом «Трыбуна люду» Э. Шир рассказал и о такой области взаимного экономического сотрудничества, как польский экспорт в СССР. Удельный вес машин и оборудования, прежде всего паровозов, вагонов, морских судов большого тоннажа, некоторых типов станков, по его словам, непрерывно возрастал. «Другими предметами нашего экспорта в СССР, – подчеркнул Шир, – являются цинк и изделия из цинка, а также текстильные изделия, продукты химической промышленности и др.»¹²⁵.

В 1950-е гг. сотрудничество между отраслями народного хозяйства СССР и Польши активно осуществлялось в горнодобывающей промышленности, причем не только на уровне взаимных поставок минерального сырья, но и путем кооперации в области производства и применения горнопроходческого оборудования. Одним из передовых направлений стала геологоразведка в Польше, в частности исследования перспектив нефтедобычи, для чего из

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 407–413.

¹²⁵ Там же.

СССР поставлялось бурильное и другое специальное оборудование. Все это имело принципиальное значение для расширения минерально-сырьевой базы польской экономики. Можно упомянуть и исследования месторождений горючих сланцев, которые в то время предполагалось использовать на тепловых электростанциях и которые уже в начале XXI в. приобрели особое, в том числе и политическое, значение. Характерно, что сотрудничество в области разведки месторождений минеральных ресурсов сопровождалось и интенсивным взаимодействием в сфере научных геофизических исследований, для чего в СССР были разработаны предназначенные для Польши уникальные геофизические приборы, переданные тогда Польской академии наук. Сотрудничество и кооперация развивались и в области черной и цветной металлургии, в частности в производстве высокосортной легированной стали.

Традиционной сферой польско-советского сотрудничества и кооперации было транспортное машиностроение, преимущественно для нужд железнодорожного транспорта. Причем средства транспортной инфраструктуры как экспортировались в СССР, так и получались оттуда по импорту. Кооперация в области транспортного строительства имела не только экономическое, но и оборонно-стратегическое значение. Однако ускоренный рост мощности, технической вооруженности и пропускной способности польских железных дорог, что диктовалось оборонной необходимостью, способствовал модернизации производства в смежных отраслях и в народном хозяйстве в целом. Опережающий рост польской транспортной инфраструктуры в целом оказал позитивное влияние на развитие экономических связей между ключевыми в промышленном отношении участниками СЭВ – Польшей, СССР, ГДР и Чехословакией.

Важной сферой отраслевого экономического сотрудничества Польши и Советского Союза, как уже отмечалось, было судостроение. Фундаментом для его развития стали верфи польского балтийского побережья и промышленные мощности бывших германских предприятий. В 1950-е гг. они были существенно модернизированы благодаря сотрудничеству с СССР. Аналогичным образом развивались и такие новые для польской экономики отрасли, как станкостроение и химическая промышленность. Существенную трансформацию в рамках экономического сотрудничества с СССР пережила и польская текстильная промышленность, которая была ориентирована не только на оборонные цели и производство тех-

нических тканей для промышленного использования, но и на производство товаров народного потребления. При этом в рамках экономических связей с СССР польские текстильщики получали импортное сырье (в частности хлопок из советских республик Средней Азии) и осуществляли с советскими партнерами обмен готовой продукцией.

В приведенной беседе Э. Ширы была затронута тема советских продовольственных поставок. Импорт зерна из СССР, утверждал председатель Государственной комиссии экономического планирования ПНР, «имел особенно большое значение в годы, когда случался недород. Привоз из Советского Союза также в значительной степени восполнял наш дефицит в растительных жирах»¹²⁶.

«Важное место в нашем экспорте в СССР, – читаем в тексте беседы, – занимает также уголь, поставляемый на покрытие потребностей промышленности и населения районов, удаленных от основных советских угольных бассейнов. Экспорт угля в СССР составляет около одной трети всего нашего экспорта этого товара, являющегося основным источником нашей валюты, за которую мы покупаем наиболее ценные для нас сырье и машины»¹²⁷. Остается, правда, неясным, каким образом безвалютные (клиринговые) поставки польского угля в СССР могли служить источником валютных поступлений в бюджет ПНР. Шир не дает ответа на этот вопрос. Остается только предположить, что ответные советские поставки могли быть реэкспортированы на Запад. Такого рода прием пополнения валютных ресурсов неоднократно использовали руководители ПНР в 1970–1980-е гг. Можно допустить, что подобная практика имела место и ранее.

В середине 1950-х гг. попытки активизировать свою работу предпринимал Совет экономической взаимопомощи. На это указывало то, что только в течение 1954 г. состоялись две сессии Совета. Пятилетие СЭВ ознаменовалось также решением о координации планов развития народного хозяйства стран – его участниц. Представитель Польши в СЭВ Г. Ружаньский вспоминает, что примерно в январе – феврале 1954 г. проекты пятилетних планов на 1956–1960 гг. во всех странах, входивших в СЭВ, разрабатывались довольно активно. В Бюро Совета даже возникла мысль, что следовало бы приступить к согласованию этих планов. Вместе с предста-

¹²⁶ Документы и материалы... Т. X. С. 407–413.

¹²⁷ Там же.

вителями других стран Ружаньский старался убедить заместителя представителя СССР в СЭВ А.В. Захарова ускорить созыв сессии Совета для принятия решений по неотложным вопросам. В начале марта Захаров сообщил, что советская сторона предлагает созвать IV сессию Совета, а в конце марта рассмотреть советские предложения о пятилетней деятельности СЭВ, о его реорганизации и дальнейшей работе, кроме того, по вопросам координации пятилетних планов, а также по проблемам торговли с капиталистическими странами. По всем этим направлениям советская сторона передала польской стороне соответствующие материалы¹²⁸.

IV сессия СЭВ, на которой Польшу представлял Г. Минц, состоялась 26–27 марта 1954 г. в Москве. Несмотря на длительные согласования и дискуссии, сессия в конце концов утвердила решение о координации народнохозяйственных планов¹²⁹. В середине апреля в Варшаве редакционная комиссия подготовила проект документа по согласованию инвестиций¹³⁰. Затем проект рассматривался в Москве 24–25 июня на V сессии СЭВ. Советскую делегацию возглавил министр И.Г. Кабанов. В делегацию входил также первый заместитель председателя Госплана СССР П.В. Никитин, который и привел проект решения о согласовании инвестиций в надлежащий вид. «Казалось, – вспоминает Г. Ружаньский, – что решение даст начало новому этапу координационной деятельности СЭВ и что координация планов на 1956–1960 гг. будет обеспечена согласием по взаимной доставке товаров на пятилетний период, а также инвестициями в важные сферы производства»¹³¹.

В ноябре А.В. Захаров изложил своим коллегам в Бюро СЭВ точку зрения председателя Госплана СССР М.З. Сабурова, согласно которой все работы по координации пятилетних планов и стыковке их с советской пятилеткой надлежало предоставить Советскому Союзу¹³². В этом проявлялась неукоснительная реализация советской внешнеполитической линии, направленной на объединение усилий стран социалистического лагеря.

¹²⁸ *Różański H. Spojrzenie na RWPG: Wspomnienia, dokumenty, refleksje 1949–1988. Warszawa, 1990. S. 44–45.*

¹²⁹ Подробнее о состоявшейся сессии СЭВ см. в сообщении ТАСС (Известия. 1954. 28 марта).

¹³⁰ *Różański H. Spojrzenie... S. 50–53.*

¹³¹ *Ibidem. S. 53–54.*

¹³² *Ibidem. S. 54–55.*

4 марта 1955 г. Н.С. Хрущев в письме Б. Беруту сообщал, что в ЦК КПСС было принято решение составить проект директив к разработке шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг. «в увязке с основными наметками планов развития народного хозяйства стран народной демократии» в тот же период. Тогда же, в марте 1954 г., Хрущев приглашал в Госплан СССР председателя Государственной комиссии хозяйственного планирования Польши Э. Шира. Польский лидер немедленно ответил письмом от 7 марта, в котором подчеркнул, что считает «весьма целесообразным обеспечить увязку работы над нашим пятилетним планом с основными наметками народнохозяйственного плана СССР»¹³³.

В марте 1955 г. по предложению заместителя председателя Госплана СССР Н.А. Паутина на заседании заместителей представителей социалистических стран в Совете экономической взаимопомощи было создано четыре рабочих комиссии по рассмотрению особо важных вопросов – машиностроительная, горная, угольная и сельскохозяйственная. В состав комиссий входили министры указанных отраслей или их заместители и эксперты¹³⁴. Работали комиссии с разной степенью интенсивности и качества. В том же месяце первый заместитель министра угольной промышленности СССР Д.Г. Оника предложил заместителю секретаря СЭВ Г. Ружаньскому поставить в известность представителя ГДР, что немецкая делегация, как он считал, саботирует работу угольной комиссии, что, по утверждению мемуариста, выразилось в «появлении заместителя министра угольной промышленности ГДР в Катовице, где располагалась угольная комиссия, не чаще одного раза в неделю – в пятницу вечером, а в воскресенье вечером тот уже возвращался в ГДР»¹³⁵. Приведенный эпизод свидетельствует, что разногласия и противоречия по вопросам угольных поставок между советской, польской и немецкой сторонами сохранялись. Однако содержание этих разногласий оставалось по-прежнему скрытым. Каждая из сторон по своим соображениям избегала обсуждения спорных вопросов по существу, заменяя его аппаратными интригами, наподобие упомянутого казуса.

¹³³ ААН. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. Т. I. К. 59–60.

¹³⁴ Róžański H. Spojrzenie... S. 55–56.

¹³⁵ Ibidem. S. 56–57.

По прошествии полутора лет после V сессии СЭВ, 7–11 декабря 1955 г., состоялась VI сессия Совета в Будапеште. Проблема согласования народнохозяйственных планов оказалась гораздо сложнее, чем это представлялось двумя годами ранее. Польскую делегацию на будапештской сессии возглавлял Э. Шир. Делегаты рассматривали такие вопросы, как практика долгосрочных торговых соглашений, специализации и координирования производства отдельных видов машин и оборудования¹³⁶. С докладом об основных направлениях хозяйственного развития стран народной демократии выступил Н.А. Паутин, по основной своей работе заместитель председателя Госплана СССР. По свидетельству Г. Ружаньского, на участников сессии произвело неблагоприятное впечатление намерение докладчика установить в пятилетних планах на 1956–1960 гг. произвольные, экономически не обоснованные показатели. В дискуссии по докладу Э. Шир от имени польской делегации заявил, что не считает возможным принять требуемое увеличение добычи угля и посевной площади зерновых, настаивал, что от решения вопроса поставок в Польшу недостающего ей зерна зависит экспорт из Польши угля и других товаров¹³⁷.

Возражения участников будапештской сессии СЭВ по вопросам координации планов развития народного хозяйства не означали отклонения этого замысла по существу. Они главным образом свидетельствовали о сложности стоявших задач и о трудности разрешения конкретных народнохозяйственных проблем в разных странах. Применительно к Польше Э. Шир, высказавшись против предлагаемых контрольных цифр очередного пятилетнего плана, разумеется, имел в виду отнюдь не только возможные затруднения в развитии товарооборота между ПНР и СССР. Ссылки на упомянутые препятствия были использованы им только в качестве предлога для критики концепции ускоренных темпов народнохозяйственного развития стран социалистического лагеря. Основанием для этого послужил опыт осуществления в ПНР 6-летнего плана 1950–1955 гг., итоги которого были достаточно противоречивы.

Согласно утвержденным I съездом ПОРП директивам и принятому 21 июля 1950 г. Сеймом закону о 6-летнем плане развития народного хозяйства, его осуществление должно было

¹³⁶ Известия. 1955. 13 декабря; *Силуянов Н.М.* Указ. соч. С. 28–29.

¹³⁷ *Różański H.* Spojrzenie... S. 59.

опираться «на собственные кадры и ресурсы». Рост национального дохода на душу населения предполагалось увеличить на 50–60%. В 1955 г. продукция промышленности должна была в 3 раза превысить довоенный уровень 1938 года. Запланировано было построить около 350 предприятий, на которых было бы занято до 1 млн рабочих. Принципиальной особенностью 6-летнего плана было проведение коллективизации сельского хозяйства.

Все это, очевидно, указывало, с одной стороны, на прямое копирование советского опыта конца 1920-х – начала 1930-х гг., а с другой – на усилия властей ПНР вслед за СССР форсировать темпы индустриального строительства и огосударствления всех сторон хозяйственной жизни. Это воплотилось в установленных 6-летним планом показателях развития народного хозяйства. План предусматривал рост промышленной продукции на 159%, в сельском хозяйстве – на 50–60%. Половина капиталовложений предназначалась для развития промышленности (из них $\frac{3}{4}$ выделялись на промышленность группы А – производство средств производства) и только $\frac{1}{8}$ для сельского хозяйства.

Однако установленные показатели так и не были полностью достигнуты, хотя планы промышленного строительства были практически выполнены. В стране было создано более трехсот новых промышленных предприятий, в том числе ряд крупных и наиболее передовых. В то же время рост промышленной продукции едва превысил половину и не достиг даже двух третей от запланированных показателей (80–90% вместо 159%)¹³⁸. Тем не менее полученные результаты вполне можно было бы оценить положительно. Почти пятнадцатипроцентный ежегодный рост выглядел весьма впечатляюще и давал законные основания гордиться достижениями народного хозяйства ПНР. В годы осуществления 6-летнего плана, с 1954 г., удалось остановить рост цен на товары и услуги для населения, которые в дальнейшем в течение десятилетий оставались практически стабильными. Данные приведены в таблице.

¹³⁸ Historia Polski w liczbach. T. 2. Gospodarka. Warszawa, 2006.

Рост цен на товары и услуги народного потребления 1950–1960 гг.
(в % к предшествовавшему году)¹³⁹

Годы	Товары и услуги				
	Всего	Товары			Услуги
		Всего: товары	В том числе		
			Продукция сельского хозяйства	Промышленные товары	
1950	107,5	108,5	109,4	109,4	100,9
1951	109,6	110,4			
1952	114,5	116,1			
1953	141,9	141,8	153,8	134,1	141,0
1954	93,7	93,3	94,4	91,0	98,3
1955	97,6	97,4	100,3		99,1
1956	99,0	98,9	99,4	98,2	99,9
1957	105,4	105,4	101,8	108,9	105,5
1958	102,7	102,5	100,6	102,8	105,8
1959	101,1	100,8	103,8	98,1	105,6
1960	101,8	101,6	104,8	98,7	103,8

В то же время разрыв между плановыми и итоговыми показателями польской «шестилетки» свидетельствовал о том, что польская экономика развивалась по экстенсивному пути при существенном отставании в уровне производительности труда от предусмотренных в плане оптимальных величин.

Сформировавшиеся в ходе выполнения 6-летнего плана диспропорции стали предметом дискуссии на II съезде ПОРП в марте 1954 г. На съезд прибыли делегации коммунистических партий, в том числе и делегация КПСС во главе с Н.С. Хрущевым. Присутствие на съезде советского лидера очевидно демонстрировало значение Польши как главного стратегического союзника СССР в Европе. С отчетным докладом на съезде выступил Б. Берут. Однако рассмотрение

¹³⁹ Ibidem. S. 365–366.

на съезде социально-экономических проблем свелось по существу к вопросам развития сельского хозяйства и обеспечения населения потребительскими товарами. Делегаты подчеркивали, что в этой области 6-летний план не выполняется, что плановыми заданиями инвестиции в легкую промышленность практически не предусмотрены, помимо амортизационных отчислений самих предприятий. Говорилось, что руководство страны не имеет продуманной аграрной политики. В решениях съезда нашли выражение требования увеличения государственных расходов в интересах развития сельского хозяйства и повышения заработной платы трудящихся¹⁴⁰. Обращает на себя внимание, что в обсуждении народнохозяйственных вопросов дискуссии на съезде ПОРП перекликались с оценками, высказанными на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г.

В то же время именно установленные 6-летним планом ориентиры промышленного развития и вызванные ими диспропорции сказались на народном хозяйстве в целом и наиболее рельефно проявились в других его областях и в социальной сфере, что косвенно и было отмечено на партийном съезде. В 1953 г. число занятых в промышленности возросло до 5,3 млн чел., что стало результатом массовой миграции сельского населения в города и повлекло за собой обезлюдение деревни. Последнее в сочетании с отсутствием существенных капиталовложений в сельское хозяйство привело к стагнации уровня производства аграрной продукции. При этом товарность большей части крестьянских хозяйств была минимальной, что негативно сказывалось как на состоянии государственных закупок продовольствия, так и на уровне продовольственного снабжения городов в целом. Негативные последствия в этой области имела и политика государства, направленная на ликвидацию частного сектора в торговле, в частности, национализации подлежали учреждения оптовой торговли. Если в 1947 г. частная торговля охватывала 45% оборота, то в 1953 г. она составила только 7%.

Значительный приток неквалифицированной рабочей силы из села в город существенно повлиял на социальную, профессиональную и отраслевую структуру рабочего класса, а также на его сознание и социальную психологию. Непосредственными последствиями этого процесса стало понижение уровня производительности труда в промышленности и в общественном производстве в целом. Для исправления ситуации власти вынуждены были увеличивать

¹⁴⁰ Польша в XX веке... С. 626.

на заводах и фабриках нормы выработки, а также стремились использовать трудовой энтузиазм населения. Но эти меры означали интенсификацию труда, дополнительную нагрузку на работников и не могли дать долговременного эффекта, не способствовали росту качества продукции. В то же время в сложившейся ситуации они в перспективе негативно сказывались на уровне жизни людей, вызывали трудности в снабжении потребительскими товарами, усугубляли разрыв между социальными ожиданиями населения и тяготами повседневности. События 1953 г. в ГДР и Чехословакии наглядно демонстрировали опасности возникавших и усугублявшихся хозяйственных и социальных диспропорций. Сгладить их, уравновесить баланс производства и потребления, оптимизировать соотношение между сферами и отраслями народного хозяйства в тех условиях можно было либо ценой снижения темпов роста экономики, либо путем привлечения в народное хозяйство внешних резервов – новых людских и материальных ресурсов. Однако опирающаяся «на собственные кадры и ресурсы» экономика ПНР такими резервами не располагала. Этим и объяснялась позиция польских представителей в СЭВ в ходе дискуссии о согласовании народнохозяйственных планов на очередное пятилетие 1956–1960 гг.

В сравнении с приоритетами в развитии народного хозяйства в годы 6-летнего плана, развитие внешней торговли ПНР оставалось для правительства республики на втором плане, а показатели в этой области были засекречены. Отсутствие официальных данных заставляет ныне польских исследователей оперировать косвенными свидетельствами, опираясь главным образом на оценки западных аналитиков, зачастую основанные на данных разведки. Принципиальный недостаток применяемой в этой области методики состоит в том, что сопоставление имевшихся фрагментарных сведений осуществлялось на основе стоимостных показателей, определенных исходя из цен на мировом рынке, что не соответствовало принципам хозяйственного взаимодействия в рамках социалистической хозяйственной системы, в которой закон стоимости действовал в ограниченных рамках государственного планирования и ценообразования. Поэтому западные оценки в этой области зачастую не вполне соответствовали, а иногда и прямо противоречили действительности.

Согласно такого рода оценкам, дефицит внешнеторгового баланса ПНР с 1952 по 1955 г. увеличился со 136 млн конвертированных злотых почти до 340 млн злотых. В период 1950–1955 гг. объем

внешней торговли (в стоимостных показателях) увеличился приблизительно лишь на 13%. По мнению ряда польских исследователей, такой невысокий результат стал якобы следствием наложения различного рода пошлин и ограничений в развитии отечественной сырьевой базы и, главное, ориентации польской промышленности на потребности экономики СССР.

По поводу высказанных оценок можно возразить следующее. Во-первых, подсчет внешнеторгового оборота ПНР в неких «конвертируемых» золотых или в любой другой валюте, очевидно, не учитывал (или учитывал в искаженном виде) оборот польско-советской торговли, проводившейся на основе зачета встречных товарных поставок, в которых цены не имели существенного значения и были, как известно, значительно ниже уровня цен мирового рынка. Поэтому приведенная оценка объемов польской внешней торговли явно некорректна, особенно имея в виду утверждение исследователей об исключительной «ориентации польской промышленности на потребности экономики СССР». Во-вторых, вызывает сомнение и оценка польского дефицита внешнеторгового баланса. С одной стороны, в рассматриваемый период ПНР столкнулась с существенными торговыми ограничениями со стороны стран Запада: в 1947 г. с санкциями, наложенными странами Западной Европы, и в 1952 г. с отменой в отношении ПНР торгового режима наибольшего благоприятствования в США. Следствием этих мер должно было стать сокращение объемов польской внешней торговли, а следовательно – и дефицита. Таким образом, столь значительное его увеличение, более чем в два раза, со 136 млн золотых – до 340 млн золотых, вызывает сомнение. Его происхождение возможно объяснить только за счет товарообмена с СССР и другими странами народной демократии. Однако в этом случае дефицит устранялся в плановом порядке. А если он якобы и существовал, то мог свидетельствовать только о том, что внешнеторговые партнеры Польши поставляли в страну товаров существенно больше, чем получали в замен, то есть оказывали ПНР значительную материальную помощь, субсидируя польскую экономику. Остается в связи с этим без ответа и технический вопрос, о каких конвертируемых польских золотых идет речь и как определялась исследователями их стоимость. Главное же в вопросе о дефиците состоит в том, что любой дефицит (дисбаланс) в экономике покрывается (уравновешивается) либо за счет внутренних, либо за счет внешних ресурсов. Поэтому принципиальное значение имеет ответ на вопрос, из каких средств был уравновешен внешнеторговый

дефицит ПНР. Решающее значение в этом имел товарообмен с СССР, что неоднократно признавали как в 1940–1950-е гг., так и в дальнейшем польские руководители.

Говоря об итогах выполнения 6-летнего плана в ПНР и о позиции польского правительства и польского представительства в СЭВ, следует иметь в виду, что и государственное руководство СССР, прежде всего советское правительство и Госплан, столкнулись с аналогичными проблемами. Главная экономическая задача 6-го пятилетнего плана (1956–1960 гг.) в Советском Союзе, согласно директивам XX съезда КПСС, состояла в том, чтобы на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и роста производительности труда обеспечить дальнейший рост народного хозяйства, особенно прогрессивных отраслей промышленности, подъем сельского хозяйства и на этой основе значительно повысить материальное благосостояние народа. За годы пятилетки национальный доход увеличился на 54%, валовая продукция промышленности – на 64%, сельского хозяйства – на 32%, общий рост производительности труда составил 37%.

Если сопоставить эти показатели с результатами польского 6-летнего плана, то достигнутый в ПНР относительный рост промышленного производства был даже несколько выше, чем в Советском Союзе. Это, правда, уравнивалось превосходящим объемом советского народного хозяйства и более высоким исходным уровнем отсчета. То же можно сказать и о сфере сельского хозяйства, где польские плановые показатели вдвое превышали советские, хотя в итоге в обеих странах полученный результат находился на уровне 2/3 от плановых рубежей.

И в Польше, и в Советском Союзе рост производительности труда существенно отставал от плановых наметок и достигал лишь примерно половины от уровня роста производства и национального дохода. А это означало, что в СССР, как и в ПНР, в решающей степени экономическое развитие достигалось за счет экстенсивных факторов, то есть путем привлечения в государственные сектора народного хозяйства трудовых ресурсов деревни и включения в хозяйственный оборот земли и других природных факторов. При этом, если в ПНР эти резервы общественного производства были практически исчерпаны, то в СССР они оставались еще в достаточных размерах. Резервные людские ресурсы имелись внутри советских промышленных предприятий. Об их наличии свидетельство-

вали, в частности, кампании по организованному «направлению добровольцев на стройки пятилетки», а также в совхозы и колхозы. Резервы имелись в сельском хозяйстве за счет колхозного сектора, где значительное число сельского населения было занято преимущественно в подсобном хозяйстве. Высвобождение ресурсов сельского населения планировалось, в частности, путем расширенного производства новой техники и ее внедрения в аграрное производство. Важную роль в увеличении трудовых ресурсов народного хозяйства сыграло сокращение вооруженных сил и освобождение заключенных из сталинских лагерей.

О значении экстенсивных факторов в развитии советской экономики середины и второй половины 1950-х гг. свидетельствует программа освоения целинных и залежных земель, программа создания энергетической и промышленной базы в Сибири и целый ряд других. За годы 6-й советской пятилетки были созданы новые отрасли промышленности: радиотехническая, электронная, приборостроительная, отрасли производства товаров народного потребления, построены шесть крупнейших ГЭС союзного значения и более десяти республиканского и регионального значения, в том числе Волжская ГЭС им. В.И. Ленина, Иркутская ГЭС. В 1956–1958 гг. вступили в строй 2690 крупных промышленных предприятий.

Однако, как и в Польше, по ряду важнейших направлений хозяйственного строительства в СССР уже в 1956–1958 гг. плановые показатели достигнуты не были. С этой точки зрения в советской экономике сохранялись те же тенденции, которые наметились еще в годы 5-й пятилетки. Рост производительности труда составлял примерно половину от роста объемов общественного производства, притом что оптимальными показателями было превышение темпов роста производительности труда по сравнению с ростом объемов производства. Существенное отставание от плановых заданий наблюдалось в энергетике, которая официально со времен плана ГОЭЛРО составляла основу экономического развития страны. Отставание ввода в строй энергетических мощностей влекло за собой трудности во всех отраслях промышленности, прежде всего в производстве стали и в цветной металлургии. Нерешенными оставались и проблемы формирования и территориального размещения базы зернового производства.

Таким образом, в середине 1950-х гг. народное хозяйство ПНР и СССР развивалось в рамках единой социально-экономической си-

стемы и по идентичной, условно называемой «советской», модели. Это касалось не только командно-административных методов планирования и управления. Это проявилось в общих чертах отраслевой структуры и приоритетных направлениях развития народного хозяйства, а также в пропорциях между сферами производства, накопления и потребления. Однотипность народнохозяйственного устройства предопределила и общность стоявших перед обеими странами экономических проблем, обусловленных экстенсивным характером развития производительных сил, отставанием темпов роста производительности труда от прироста объемов общественного производства, отставанием сферы производства продукции народного потребления. Все эти факторы существенно влияли на экономические отношения ПНР и СССР. Однако это влияние было двоякого свойства. С одной стороны, в период послевоенного восстановления народного хозяйства Польши и в годы 6-летнего плана в ПНР советская экономика сыграла роль стимула и локомотива для польского народного хозяйства, способствовала его стабилизации и техническому перевооружению. Важную роль в этом сыграло и научно-техническое сотрудничество между двумя странами. Однако однотипность технологической структуры народного хозяйства двух стран затрудняла технический прогресс производства, внедрение в народное хозяйство передовых достижений науки и техники. Это противоречие постепенно стало выступать на первый план по мере исчерпания – вначале в Польше, а позже и в СССР – ресурсов экстенсивного народнохозяйственного развития, что нашло отражение в дискуссиях по поводу согласования пятилетних планов развития народного хозяйства и в противоречиях по вопросам эквивалентности встречных товарных поставок («угольная проблема»).

Необходимо также подчеркнуть, что самое значительное влияние на характер экономических приоритетов во взаимоотношениях ПНР и СССР оказали задачи военного строительства и гонки вооружений в условиях развязанной холодной войны и создания в Европе двух противостоявших друг другу военных блоков: в 1949 г. – НАТО и в 1955 г., после присоединения к североатлантическому блоку ФРГ, – Организации Варшавского договора. Прямым свидетельством этого было совещание представителей Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии в Москве 29 ноября – 2 декабря 1954 г. На заседании «восьмерки» обсуждались вопросы обеспечения безопасности

в Европе¹⁴¹. Значение военного противостояния Востока и Запада в Европе для определения стратегии и конкретных задач экономического сотрудничества СССР со странами народной демократии, среди которых центральное место принадлежало Польше, способствовало формированию в историографии односторонних и поэтому некорректных суждений о том, что Совет экономической взаимопомощи стал внешнеполитическим инструментом руководящих кругов СССР. Разумеется, принцип политического единства действий СССР и его союзников присутствовал в их отношениях, как во всяком политическом объединении государств на международной арене, однако сведение к нему деятельности СЭВ очевидно ведет к искажению исторической действительности.

¹⁴¹ О конференции см.: *Быстрова Н.Е.* Указ. соч. С. 482–488.

СОВЕТСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ПНР 1956 г.: ПОИСКИ ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

На протяжении почти целого десятилетия, в 1950-е гг., СССР и страны народной демократии в Восточной Европе преодолели в своем развитии сложнейший исторический перелом от становления социально-политической системы, форма которой во многом сложилась под воздействием сталинской политической модели и по имени своего создателя получила название «сталинизма», и до наступившего вслед за этим демонтажа этой модели, вошедшего в историю как «десталинизация». Автор не ставит своей задачей охарактеризовать процесс десталинизации в целом, ни ее социально-экономическое и социально-политическое содержание, ни идеологическое оформление, а также хронологические рамки и этапы этого процесса, продолжавшегося в СССР до начала 1960-х гг. Все эти вопросы по сей день остаются предметом острой дискуссии в историографии и публицистической полемики. Первые признаки десталинизации в СССР проявились в 1952 г. на XIX съезде ВКП(б) / КПСС, далее, уже после смерти Сталина, – в ряде народнохозяйственных и внешнеполитических инициатив советского руководства, а также в начавшемся процессе реабилитации жертв сталинских репрессий. Однако кульминационной точкой десталинизации стал исторический XX съезд КПСС в феврале 1956 г., на котором в так называемом «секретном» докладе первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева был осужден культ личности Сталина. Это положило начало реформированию в СССР репрессивных органов госбезопасности и внутренних дел, а также дало импульс целому ряду глубоких политических реформ и новых позитивных тенденций в партийной, общественной, идейной и культурной жизни. Их совокупность была названа современниками «оттепелью», что отразило общественные настроения, ожидания, вслед за его первыми признаками, своего рода весеннего пробуждения и обновления общества. Принципиальные решения были приняты XX съездом и в области международной политики: «о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем»; о возможности

предотвращения мировой войны; о многообразии форм мирового революционного процесса; о закономерностях социалистических преобразований и о допустимости признания их национальных особенностей.

Все эти решения имели принципиальное значение для европейских стран социалистического лагеря, ибо предполагали ослабление по отношению к ним кремлевского протектората и открывали для правящих коммунистических партий путь к проведению относительно самостоятельной политики, а народам этих стран – к собственному историческому творчеству. Процесс десталинизации в каждой из восточноевропейских стран имел свои существенные особенности, однако общей чертой для всех стран было ее проведение сложившейся уже к началу 1950-х гг. партийно-государственной номенклатурой. Другим важнейшим общим для всех стран, не исключая и СССР, явлением стал спровоцированный десталинизацией и наблюдавшийся в различных формах политический кризис, получивший название «кризис 1956 г.». Наиболее масштабно он проявился в Венгрии – в кровавом восстании, в свержении власти компартии, в расправах над коммунистами и сотрудниками органов госбезопасности, что завершилось в итоге советской военной интервенцией. До сегодняшнего дня в историографии события в Венгрии характеризуются в широком спектре оценок – от «антисоветского и антисоциалистического мятежа» до «национальной и антитоталитарной революции»¹.

Охватив социалистическую систему в целом, кризис 1956 г. выразился в других странах с разной степенью интенсивности². Не столь остро, как в Венгрии, но наиболее значительно этот кризис проявился в Польше, где имел далеко идущие последствия. Его приближение стало ощущаться в ПНР сразу вслед за смертью Сталина весной 1953 г. О грядущих политических переменах свидетельствовал ряд событий, в частности освобождение 13 декабря 1954 г. из-под домашнего ареста бывшего генерального секретаря ППР В. Гомулки, находившегося более трех лет в строгой изоляции и устра-

¹ См., напр.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. М., 1998; *Тыкалин А.С.* Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

² См., напр.: *Polski Październik 1956 w polityce światowej* / Pod red. naukową J. Rowińskiego przy współpracy T. Jaskułowskiego. Warszawa, 2006; *Носов Б.В.* Польский октябрь 1956 г. в мировой политике. [Рецензия] // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 171–175.

ненного от власти в партии и в стране вследствие инициированно-го Б. Берутом обвинения «в правонационалистическом уклоне»³. В 1956 г. решения XX съезда КПСС широко обсуждались во всех слоях польского общества, причем это обсуждение не ограничивалось политическими, внутрипартийными, идеологическими или международными проблемами, но затрагивало и принципиальные вопросы развития народного хозяйства⁴. Одним из кульминационных проявлений перемен внутриполитической ситуации в 1956 г. в ПНР стали массовые июньские волнения рабочих и студенчества в Познани. В ответ власти подавили движение вооруженной силой.

Забастовки и демонстрации стали следствием широкого недовольства трудящихся экономическим положением, условиями труда, проблемами со снабжением продовольствием и другими товарами народного потребления. Рабочие требовали расширения своего участия в управлении предприятиями, выражали недовольство действиями властей и партийных органов. В ходе выступлений раздавались призывы антисоветского характера, имели место и вооруженные провокации. Все это стало явным свидетельством подрыва социальной опоры ПОРП среди рабочего класса и ее авторитета в стране как правящей партии. В свою очередь такие перемены в общественных настроениях неизбежно должны были побудить власти к корректировке политического курса, в том числе и в области развития народного хозяйства Польши.

Свидетельством тому стало состоявшееся 18–28 июля 1956 г. пленарное заседание ЦК ПОРП, где первоначально предполагалось, наряду с политическим докладом Э. Охаба, заслушать и доклад Ю. Циранкевича о проблемах экономического развития⁵. Однако первоочередные политические задачи отодвинули проблемы экономики в ряду приоритетов властей на второй план. К тому же осуществление перемен в народном хозяйстве требовало значительного времени, а реагировать на крайнее обострение политической ситуации в стране необходимо было без промедления. В этих условиях политические вопросы естественно приобрели первоочередной характер. В решении обострившихся экономических проблем руководство ПОРП, как и ранее, искало опору в народнохозяй-

³ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 627.

⁴ Там же. С. 630–631.

⁵ Там же. С. 635.

ственном сотрудничестве с СССР, который в сложные для властей ПНР периоды предоставлял Польше ресурсы, позволявшие в значительной мере стабилизировать положение в народном хозяйстве.

Внутренняя политическая и экономическая ситуация в СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. также определялась курсом на десталинизацию и проведением ряда глубоких реформ, имевших для народного хозяйства страны большое значение и весьма существенные социальные последствия. «Оттепель» в Советском Союзе и связанные с нею проявления общественной активности не только ознаменовались открытой критикой «периода культа личности Сталина» и его последствий, но и в известной степени сопровождались проявлениями общественного недовольства политикой тогдашних советских государственных и партийных органов. Об этом свидетельствовали тбилисские события «в защиту Сталина» весной 1956 г. или подавленный силами милиции и армии протест рабочих в Новочеркасске летом 1962 г. В последнем случае можно усмотреть прямые аналогии с событиями в Познани в июне 1956 г., также вызванными экономическими причинами и сопровождавшимися человеческими жертвами. Можно говорить и о том, что пробужденные «оттепелью», ставшие явными процессы общественно-политического и экономического характера в ПНР и СССР развивались в определенной мере одновременно и параллельно. Такое «совпадение» в свою очередь побуждало государственное руководство обеих стран искать выход из сложившейся ситуации на пути решения социально-экономических проблем и методом расширения и качественного совершенствования народнохозяйственного сотрудничества между СССР и Народной Польшей. В то же время общие стратегические цели и схожие тактические ориентиры в экономическом сотрудничестве предстояло реализовать в условиях правления в каждой из стран классово однотипных партий, между которыми, тем не менее, наличествовали значительные политические и идеологические расхождения.

1. 1956 г. Новые задачи и новый опыт экономического сотрудничества

На рубеже 1954–1955 гг. работа по вопросам двусторонних экономических связей в правительствах ПНР и СССР, а также в их представительствах в СЭВ развивалась в рамках сложившихся основ-

ных тенденций и практики предшествовавшего периода. Однако в правящих кругах обеих стран, как и в ряде других государств народной демократии, нарастало осознание необходимости ускорения экономического развития и, что было крайне важно, углубления связанных с решением этой задачи интеграционных процессов в рамках союзных стран народной демократии. В частности, это проявилось в утвержденном в последний день 1955 г. Президиумом ЦК КПСС постановлении «О подготовке к Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий стран народной демократии». Как говорилось в документе, на совещании предполагалось рассмотреть три крупные проблемы, имевшие капитальное значение для укрепления экономического и военно-политического потенциала стран созданной в 1955 г. Организации Варшавского договора (ОВД). Имелись в виду, во-первых, экономическое сотрудничество европейских стран социалистического лагеря, включая СССР, во-вторых, общие внешнеполитические задачи стран ОВД, и в-третьих, созыв заседания Политического консультативного комитета ОВД. Каждую из названных проблем было поручено курировать кому-то из видных советских политических или военных деятелей: по экономическим вопросам – А.И. Микояну, по внешнеполитическим – В.М. Молотову, по военным – маршалу Г.К. Жукову. М.А. Суслов, Б.Н. Пономарев и А.А. Громыко должны были подготовить для участников совещания материалы относительно Югославии. Что касается вступительного слова от имени ЦК КПСС, то его поручили произнести Н.С. Хрущеву⁶.

Очевидно, что непосредственным стимулом к постановке такого рода задач послужила военно-политическая ситуация холодной войны середины 1950-х гг. в Европе. Важнейшим фактором в этой области стала ликвидация ядерной монополии США. Создание в Советском Союзе так называемого «ракетно-ядерного щита» кардинально изменило условия военно-политического соперничества «двух мировых систем», что в свою очередь потребовало от СССР и его союзников существенной перестройки вооруженных сил и планов военного строительства. А это кардинальным образом влияло на состояние и стратегию развития оборонно-промышленного комплекса и народного хозяйства в целом. Поэтому вовсе не слу-

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления 1954–1958 / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 168–169.

чайно при организации совещания на первое место были вынесены именно народнохозяйственные проблемы, уже вызывавшие определенную тревогу в советском руководстве.

Идея рассмотрения на совещании состояния экономического сотрудничества стран возникла, по-видимому, в 1954 г. на основе осмысления еще небогатого тогда опыта работы СЭВ по координации народнохозяйственных планов стран Восточной Европы, заявивших о переходе к строительству социализма, в наличии международных условий, которые только усложняли решение этой задачи. Согласно постановлению от 31 декабря 1955 г., Главному управлению по делам экономических связей со странами народной демократии, возглавляемому К.И. Ковалем, поручалось подготовить необходимые для ЦК партии рабочие документы, что и было выполнено за три дня до начала совещания⁷.

Открылось оно 6 января 1956 г. в Москве в Екатерининском зале Кремлевского Дворца и работало в строго закрытом режиме в течение пяти дней, до 10 января⁸. Информация о приезде в советскую столицу зарубежных партийных делегаций, о дискуссиях и каких-либо принятых решениях в тогдашней советской периодической печати из-за секретности мероприятия не сообщалась. В этом собрании участвовали делегации девяти стран, а именно Албанской партии труда, Болгарской коммунистической партии, Венгерской партии трудящихся, Социалистической единой партии Германии, Коммунистической партии Китая (китайцы присутствовали в качестве наблюдателей), Коммунистической партии Советского Союза, Польской объединенной рабочей партии, Румынской рабочей партии и Коммунистической партии Чехословакии.

В составе советской делегации были первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, его заместители А.И. Микоян и М.З. Сабуров, министр обороны Г.К. Жуков и некоторые другие. В польскую делегацию входили первый секретарь ЦК ПОРП Б. Берут, председатель Совета министров ПНР Ю. Циранкевич, его первый заместитель Г. Минц, непосредственно отвечавший за вопросы экономического развития Польши, председатель Государственной комиссии экономического планирования Э. Шир и заместитель председателя Со-

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 387. Л. 1.

⁸ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 188–189; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 211. Л. 96.

вета министров Польши и министр национальной обороны К. Рокоссовский. Когда на совещании рассматривались экономические вопросы, к польской делегации присоединился посол Польши в Москве В. Левиковский⁹.

Открывая совещание, Н.С. Хрущев заявил, что вниманию зарубежных делегаций предложен «вопрос дальнейшего подъема экономики стран социалистического лагеря» и интенсификации «наших экономических связей»¹⁰. Опираясь на подготовленный для него конспект выступления, он высказал следующую идею: «Экономическое развитие наших стран требует большей координации усилий всех наших стран и главное – самого лучшего использования имеющихся у нас возможностей». В этой связи, продолжал Хрущев, большую роль должны сыграть такие меры, как обеспечение заказами промышленности, в первую очередь ГДР и Чехословакии. «Это позволит нам иметь высококачественное оборудование для дальнейшего экономического развития каждой страны, входящей в наш лагерь», улучшит «возможности развития промышленности самих этих стран», для чего потребовалось бы решить две важные проблемы: обеспечить металлургическую промышленность «железной рудой и коксом» и обеспечить ее углем «как за счет развития добычи угля в Польской Республике, так и за счет участия в этом деле других стран»¹¹.

Иными словами, советский лидер предложил обсудить следующие вопросы: а) согласования народнохозяйственных планов; б) технологического перевооружения промышленности, что предполагало повышение производительности труда; в) обеспечения заказами машиностроительной промышленности ГДР и Чехословакии; г) развития металлургической промышленности в странах – членах СЭВ; д) обеспечения металлургической промышленности сырьем, прежде всего углем и коксом. При этом Хрущев специально упомянул добычу угля в Польше. В последнем случае вновь возникла так наз. «угольная проблема», которая не раз была предметом серьезных дискуссий между польскими и советскими хозяйственными руководителями.

До январского (1956) совещания в Москве вопрос об объеме добычи угля в Польше и о применяемых при взаимных расчетах

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 359. Л. 88, 90.

¹⁰ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 443. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 42–43.

ценах на уголь в очередной раз вышел на поверхность в Будапеште, когда 7–11 декабря 1955 г. в Венгрии работала VI сессия СЭВ. Именно тогда Шир, возглавлявший польскую делегацию, выступил в ходе дискуссии по докладу члена советской делегации, заместителя председателя Госплана СССР Н.А. Паутина, который представил ориентировочные показатели для включения их в пятилетние планы европейских стран народной демократии, причем сделал это без предварительного согласования с другими делегациями. Оценивая проекты Госплана СССР, представитель Польши заявил, что «не считает возможным принять требуемое увеличение добычи угля», как и расширения посевных площадей для своей страны¹².

Однако по существу угольная проблема выходила далеко за рамки разногласий по вопросам объема производства, экспортных поставок и вопросов ценообразования, поскольку в годы 6-й советской пятилетки (1956–1960) состояние угольной промышленности составляло серьезную народнохозяйственную проблему как для СССР, так и ведущих стран – членов СЭВ. Еще в ходе восстановительного периода и в дальнейшем, после его завершения, названные страны нуждались в быстром наращивании энергетических мощностей, чего можно было достигнуть путем строительства теплоэлектростанций. Однако программа их ввода в строй тормозилась отставанием угольной промышленности. Аналогичная ситуация наблюдалась и в черной металлургии, нуждавшейся в наращивании производства кокса. В свою очередь отставание энергетики и черной металлургии от плановых заданий негативно сказывалось на народнохозяйственном комплексе в целом. Эта тенденция наблюдалась в годы 5-й советской пятилетки, но особенно ярко нашла выражение в первые годы 6-й пятилетки. Об этом свидетельствуют показатели развития угольной промышленности в СССР, приведенные в следующей таблице.

¹² *Róžański H.* Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia, dokumenty, refleksje. 1949–1988. Warszawa, 1990. S. 59.

Добыча каменного угля в СССР в годы 6-й пятилетки – 1956–1960 гг. (в млн т)

Годы	1940	1955	1958	1959	1960	
					Абс.	В % к 1955 г.
Всего	165,92	391,26	496,11	506,61	513,19	131,1
В том числе по важнейшим бассейнам и месторождениям						
Донецкий бассейн	94,32	140,96	181,70	185,06	188,19	133,5
Подмосковный бассейн	10,99	39,49	47,25	47,08	42,83	108,5
Кузнецкий бассейн	22,49	58,53	75,36	79,86	84,06	143,6
Печорский бассейн	2,73	14,15	16,79	17,49	17,56	124,1
Месторождения Урала	11,96	47,06	60,96	61,89	62,06	131,9
Карагандинский бассейн	6,30	24,71	24,43	24,57	25,77	104,3

Если за годы 5-й пятилетки довоенный уровень добычи угля в СССР был превзойден более чем в два раза, то в годы 6-й пятилетки он возрос только примерно на 1/3, при этом в конце пятилетки прирост снизился еще больше, а в Подмосковном угольном бассейне наблюдалось даже абсолютное снижение производства. Для этого были и объективные причины: истощение месторождений, сложное геологическое залегание пластов, что затрудняло применение передовой техники, и ряд других. Не случайно в дальнейшем развитие энергетической базы как в СССР, так и в странах социалистического лагеря связывалось преимущественно с гидроэнергетикой, с атомными станциями и с переводом тепловых станций на газ. Такое развитие отражало общемировую тенденцию, однако на рубеже 1950–1960-х гг. она только начинала складываться.

Поэтому в указанный период развитие каменноугольной промышленности в Польше имело для стран СЭВ принципиальное значение. Ниже в таблице приведены сравнительные данные по угледобыче в ведущих странах – членах СЭВ.

Добыча каменного угля в Польше, Чехословакии
и ГДР 1946–1990 гг.¹³

	1946 г.	1950 г.		1970 г.	1990 г.	2010 г.
	абс (в млн т)	абс (в млн т)	на душу населения (в кг)	абс (в млн т)	абс (в млн т)	на душу населения (в кг)
Польша	47,3	78,0	3142	140,0	148,0	1992
Чехословакия	14,2	17,4	1950	28,1	22,6	1084
ГДР	2,5	2,8	152	1,0	–	–

Разумеется, абсолютные показатели работы угольной промышленности в ПНР и СССР трудносопоставимы. Однако добыча 2–3 т угля в год на душу населения Польши была весьма значительной и едва ли имела аналоги в мировой практике. Это свидетельствовало о высочайшем уровне напряженности труда польских горняков и экономики страны в целом. К этому можно добавить, что показатели польской угледобычи были вполне сравнимы с результатами работы угольных шахт Донбасса – важнейшего региона угольной промышленности в СССР. Наконец, добыча угля в Польше имела решающее значение для развития промышленности Чехословакии и ГДР, поскольку заменить поставки польского угля в эти страны в рамках СЭВ было просто нечем. Наконец, обращает на себя внимание, что, в отличие от других стран СЭВ, в ПНР за 20-летие с 1950 по 1970 г. среднегодовой прирост добычи угля составил около 10%, что было выдающимся показателем даже в сравнении с СССР.

Наиболее существенным фактором, имевшим едва ли ни решающее значение, было техническое состояние и технологический уровень польской угольной промышленности в 1950-е гг., нуждавшейся тогда в существенном обновлении, что в свою очередь сказывалось на условиях труда польских шахтеров, от настроений которых зависели не только положение в обществе, но и политическая ситуация в стране, да и в верхах правящей партии.

Об этом первый секретарь советского посольства в Варшаве Н.Н. Вороб беседовал 19 января 1956 г. с заместителем председа-

¹³ Historia Polski w liczbach. T. 3. Polska w Europie / Red. C. Kuklo, J. Łukasiewicz, C. Leszczyńska. Warszawa, 2014. S. 328.

теля Совета министров ПНР П. Ярошевичем, который был с 1954 г. одновременно министром угольной промышленности и знал все нерешенные проблемы отрасли «изнутри». Ярошевич обратил внимание советского дипломата «на крайне неблагоприятное положение дел с рабочей силой на польских шахтах. До сих пор среди горняков имеется очень большая текучесть, причем количество кадровых шахтеров систематически убывает. Связано это обстоятельство с относительно невысоким уровнем заработной платы, тяжелыми условиями труда и неудовлетворительным обеспечением рабочих жильем». Большая текучесть кадров «имеет место и среди инженерно-технических работников на шахтах, особенно молодых специалистов, большинство которых уходило из угольной промышленности». Это явление объяснялось прежде всего низким уровнем заработной платы. Кроме того, Ярошевич подчеркнул, что «среди польских шахтеров наблюдается усиление неблагоприятных настроений», вызванных значительно более низким, чем, например, в Германии, уровнем жизни¹⁴.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что дискуссии по угольным проблемам между руководителями ПНР и СССР отражали не просто спор по вопросу об уровне цен на уголь, что имело, разумеется, второстепенный характер, а фундаментальную проблему энергетического и отраслевого баланса в развитии промышленности наиболее экономически развитых европейских стран социалистического лагеря, а главное – уже достигнутый существенный уровень экономической интеграции между ними. Нельзя при этом не учитывать, что разрешение экономических и технологических проблем отрасли, а они были характерны не только для Польши, имело существенное народнохозяйственное, а также социальное и политическое значение.

Обращает на себя внимание, что аналогичные процессы кооперации в отраслях угольной промышленности и черной металлургии, правда, лишь с точки зрения отраслевого баланса, развивались и на западе Европы в Европейском объединении угля и стали.

Ход рассмотрения проблем, поставленных на январском Совещании представителей коммунистических и рабочих партий стран народной демократии, Президиум ЦК КПСС обсудил безотлагательно еще до его окончания, в воскресенье 8 января 1956 г. Из краткого протокола заседания Президиума ЦК следует, что в

¹⁴РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 397. Л. 8–11.

обсуждении вопроса принимали участие первые лица в партии и в правительстве: Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, В.М. Молотов, М.З. Сабуров, М.Г. Первухин, Г.М. Маленков и Л.М. Каганович, отсутствовал только Булганин. К сожалению, более подробно судить о высказанных предложениях и мнениях не представляется возможным. Но можно предположить, о чем шла речь. Известно, что в ходе дискуссии на совещании в Кремле возникли трения между польской делегацией, с одной стороны, и делегациями ГДР и Чехословакии – с другой. Между тем, немцы и чехи упрекали поляков в том, что те предпочитали свой уголь продавать западным странам по более высоким, более выгодным ценам, и считали такой подход несправедливым, требуя, чтобы Польша поддержала своим углем их страны – разумеется, не безвозмездно. Обсуждая сложившуюся ситуацию, Президиум ЦК КПСС пришел к выводу, что в споре надо встать на сторону ГДР и Чехословакии. Так и записано в рабочем протоколе заседания¹⁵.

Кроме того, Президиум ЦК обсудил просьбу польского правительства о поставке в первой половине 1956 г. зерна из СССР¹⁶. Однако Хрущев все никак не мог успокоиться после обсуждения первого вопроса. «У Минца неверные представления [торопливо заносил в черновую протокольную запись выступление советского лидера В.Н. Малин, заведующий Общим отделом ЦК КПСС, которому поручалось присутствовать на заседаниях политического руководства, а потом, на основе своих записей, сформулировать принимаемые решения]. В Польше уголь развивать [продолжал записывать Малин]. Участие стран по капитальным вложениям. По руде для СССР (неправильные ранее установки). Их участие в разработке руды у нас на таких же началах, как с поляками»¹⁷. Хрущев, скорее всего, имел в виду создание в странах народной демократии акционерных предприятий совместно с Советским Союзом. Например, на территории Польши в небольшом городке Ковары (южнее города Еленя Гура, у самой польско-чехословацкой границы) в то время уже действовало акционерное общество по добыче урановой руды. Это были взаимовыгодные предприятия: советская сторона

¹⁵ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. М., 2003. С. 85.

¹⁶ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 219. Л. 1.

¹⁷ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 85. См. также: *Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957.* Pułtusk, 2002. S. 370–371.

оплачивала свою долю валютой, а польская покупала на вырученные средства нужные стране товары.

Н.С. Хрущев настаивал на разработке каждой страной межгосударственной координации и в связи с этим предложил через два месяца собраться вновь, чтобы практически решить этот вопрос. В.М. Молотов отреагировал репликой, суть которой сводилась к тому, чтобы «планы стран народной демократии разрабатывались в увязке с планами СССР». Хрущев без промедления конкретизировал эту мысль: «Поручить Совету Экономической Взаимопомощи разработать предложения об обеспечении [населения] продуктами с[ельского] х[озяйст]ва»¹⁸.

10 января, когда работа совещания уже подошла к концу, Президиум ЦК КПСС утвердил постановление, озаглавленное в черновой протокольной записи В.Н. Малина как «Просьба польского правительства о консультации по вопросам планирования материально-технического снабжения». Согласно постановлению, Совет министров СССР распорядился принять в первом квартале 1956 г. сроком на один месяц каждого из 15 польских экономистов «для консультации и ознакомления их в Госплане СССР и Госэкономкомиссии СССР с системой и организацией материально-технического снабжения в народном хозяйстве СССР, а также с методологией планирования материально-технического снабжения по металлам, машинам, химикатам, лесным, строительным и др. материалам»¹⁹. Из приведенного фрагмента этого документа следует, что Советский Союз оказывал помощь странам народной демократии, в том числе и Польше, в подготовке и повышении профессионального уровня кадров, занятых в организации функционирования народного хозяйства.

11 января 1956 г. зарубежные делегации покинули советскую столицу. Каковы же были итоги совещания? Поскольку официальной стенограммой либо протоколом заседаний исследователи пока не располагают, остается путь изучения косвенных источников. В частности, имеется подписанное Н.С. Хрущевым письмо ЦК КПСС в Центральный комитет Союза коммунистов Югославии на имя И. Броз Тито. Оно подготовлено для ознакомления югославских

¹⁸ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 86.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 213. Л. 5. См. также записку Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии от 4 января 1956 г. (Там же. Оп. 8. Д. 363. Л. 80).

руководителей с тем, что происходило за кремлевскими стенами в первой декаде января. В письме говорилось следующее: «Участники совещания обсудили вопросы экономического сотрудничества стран народной демократии и СССР. Были рассмотрены основные направления координации хозяйственного строительства этих стран, специализации и кооперирования производства между соответствующими отраслями народного хозяйства. В ходе совещания его участники с полным единодушием высказались за расширение всестороннего сотрудничества между странами социалистического лагеря, за более рациональное использование в общих интересах экономических ресурсов и производственных мощностей своих стран на основах добровольного согласования и координации задач в области экономического строительства»²⁰. О разногласиях по экономическим вопросам между Чехословакией и ГДР, с одной стороны, и Польшей – с другой, в письме не упоминалось, чтобы в Белграде не создавалось негативного впечатления о работе совещания. В том же источнике был сформулирован следующий тезис: «Состоялся также обмен мнениями о координации хозяйственных планов и взаимном сотрудничестве в целях обеспечения независимости стран социалистического лагеря от капиталистического рынка, учитывая, что Запад под видом запрещения торговли стратегическими товарами фактически блокирует продажу социалистическим странам многих нужных им товаров. Обсуждался вопрос о развитии сырьевой базы и машиностроения в европейских странах народной демократии с учетом необходимости возможно более полного удовлетворения ими своих потребностей во всех видах оборудования, станков и приборов». Особенно подчеркивалась необходимость полностью загрузить машиностроительную промышленность ГДР и Чехословакии²¹.

Наряду с сугубо экономическими вопросами на Совещании обсуждалась возможность создания Восточного института ядерных исследований. Предложение об этом исходило от физиков-ядер-

²⁰ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 188.

²¹ Там же. С. 189. О январском совещании 1956 г. и выявившихся разногласиях между делегациями СССР, ПНР, ГДР и Чехословакии см. в «Информации о деятельности Совета экономической взаимопомощи», составленной директором департамента экономического сотрудничества Министерства внешней торговли ПНР Б. Додзюком: *Działalność RWPG w latach 1949–1956 / Oprac. A. Kochański, A. Kupich // Sprawy międzynarodowe // Kwartalnik. 1994. № 3. S. 129–141.*

щиков Польши, Чехословакии и Венгрии. Рассмотрение этого замысла свидетельствовало о намерении СССР и его союзников развивать сотрудничество на передовых рубежах науки того времени, о не только открывавшихся для польских ученых возможностях участвовать в ядерных исследованиях, что давало бы мощный импульс для развития польской науки в целом, но и создании таким образом в Польше в координации с СССР собственных производственных мощностей и технологий, ориентированных на ядерные исследования, что имело бы большое значение для польской промышленности. На Совещании было принято и важнейшее политическое решение о формировании Политического консультативного комитета как политического органа Организации Варшавского договора. Достигнутая договоренность об этом свидетельствовала, что в Кремле выразили готовность продемонстрировать, что в принятии важнейших политических решений и в определении стратегии Восточного блока советское руководство согласно разделить ответственность с государственным руководством союзных стран. Разумеется, пределы их самостоятельности были весьма условны, однако сам подход к решению этого вопроса свидетельствовал об усилении тенденции к укреплению государственного суверенитета последних.

Ввиду дальнейшей организационной работы по совершенствованию народнохозяйственного сотрудничества ЦК КПСС 21 января 1956 г. принял постановление «Вопросы координации и экономического сотрудничества СССР и стран народной демократии»²². В нем говорилось, что в целях «подготовки предложений по экономическим вопросам», обсуждавшимся на совещании в Москве, созданы проблемные комиссии, в том числе комиссия по вопросам развития угольной промышленности с местом пребывания в Варшаве. Комиссии поручили рассматривать балансы энергетических углей на 1956–1960 гг. (с учетом газа, мазута и других видов топлива), «определить срок и мероприятия для решения задачи полного удовлетворения стран – участниц СЭВ в энергетических углях на основе развития добычи угля, в первую очередь в Польше, и максимально возможного развития местных углей в других странах». Комиссия должна была «предусмотреть участие заинтересованных стран в развитии угольной промышленности Польши (финансирование, поставки оборудования и др.)», выработать соответствующую

²²РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 371. Л. 58–64.

щие рекомендации странам СЭВ для их учета в планах развития народного хозяйства на 1956–1960 гг.²³ От Советского Союза в комиссию были назначены член Госплана М.А. Щедрин, заместитель министра угольной промышленности СССР Д.Г. Оника, советник отдела Госэкономкомиссии СССР В.Е. Бойко и представитель Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии в Польше Е.И. Бабарин²⁴.

22 января 1956 г. Президиум ЦК КПСС детально рассмотрел текущие проблемы экономического сотрудничества СССР со своими союзниками по ОВД и принял решение создать комиссию «по развитию угольной промышленности в странах народной демократии, и прежде всего в Польше, для полного удовлетворения стран – участников СЭВ энергетическими углями»²⁵. На том же заседании утвердили состав советской делегации на предстоящую в Берлине очередную сессию Совета экономической взаимопомощи (М.З. Сабуров, Н.К. Байбаков, К.И. Коваль, И.Г. Кабанов и А.В. Захаров)²⁶.

Принципиальное решение по координации народнохозяйственных планов социалистических стран принималось на самом верху властной пирамиды, однако эти решения вырабатывались на основе анализа конкретного опыта экономического сотрудничества и в ходе разработки теоретических проблем как политической экономии социализма, так и экономики народного хозяйства. Эта подготовительная работа велась научными учреждениями и хозяйственными руководителями-практиками предприятий, министерств и ведомств. На этой основе правительствам, плановым органам и предприятиям предстояло теперь воплотить принятые решения в жизнь и реализовать указания высшего политического руководства.

В чем же состояло содержание, как выразился Молотов, «увязки планов»? Главная цель, как она была сформулирована в январе 1956 г., состояла в «специализации и кооперации производства», то есть в углублении процессов общественного разделения труда и «в рациональном использовании» имеющихся ресурсов. Основой для этого должна была послужить «общая сырьевая база» стран – членов СЭВ. В рассматриваемый период это относилось в первую

²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 371. Л. 60–61.

²⁴ Там же. Л. 64.

²⁵ Там же. Оп. 10. Д. 217. Л. 27.

²⁶ Там же. Л. 28.

очередь к народнохозяйственным комплексам СССР, Польши, Чехословакии и ГДР. Причем ПНР в этой системе и географически и с точки зрения хозяйственных связей занимала особое, центральное место, что в свою очередь давало польской экономике ряд существенных преимуществ. Применительно к польско-советским экономическим отношениям установка на формирование «общей сырьевой базы» нашла отражение, в частности, в требовании развития «в первую очередь» в Польше добычи каменного угля и формирования на этой основе общего баланса энергетических углей стран СЭВ.

Эта задача была существенно дополнена установкой на многостороннее участие в капиталовложениях. Таким образом, согласование планов пятилетки дополнялось задачей внешних инвестиций со стороны стран – членов СЭВ в экономику отдельных стран, первоначально в развитие сырьевого производства (в добычу каменного угля и металлических руд). Применительно к Польше такие инвестиции должны были направляться в угольную промышленность и в черную металлургию. Однако совместное участие в капиталовложениях предусматривало разработку и минерально-сырьевой базы СССР, например развитие производства полиметаллов в Норильске и меди в Казахстане.

Многостороннее участие в капиталовложениях, в соответствии с плановыми принципами развития народного хозяйства, вносило существенное дополнение в планирование материально-технического снабжения, без чего «участие в капиталовложениях» не могло быть реализовано. Вместе с тем планы материально-технического снабжения свидетельствовали, что программа внешнего инвестирования задумывалась на более широкой основе, нежели только сфера производства угля и металлургия. Она охватывала также и машиностроение, химическую промышленность, лесную промышленность, производство строительных материалов, то есть практически важнейшие сферы промышленного производства. Программа многосторонних капиталовложений дополнялась требованием совместного финансирования поставок промышленного оборудования.

Существенным вопросом дискуссий по проблемам развития народного хозяйства стран – членов СЭВ в январе 1956 г. стали экономические взаимоотношения со странами Запада и в целом место социалистического лагеря в мировом рынке. В частности, был подвергнут пересмотру сталинский тезис о «расколе мирового рынка»,

который изначально трактовался партийными идеологами как курс на самоизоляцию социалистического лагеря от мировой хозяйственной системы. Косвенно такой подход был инспирирован США и их союзниками, проводившими в духе холодной войны политику экономических ограничений в отношении СССР и стран народной демократии. Теперь, в середине 1950-х гг., ставя задачу «независимости от мирового рынка», страны СЭВ видели в ней прежде всего не способ противостояния политике экономического удушения СССР и его союзников, как было десятилетием ранее, а возможность избежать негативных последствий воздействия мировой рыночной конъюнктуры в условиях развития собственной внешнеэкономической деятельности. В этом контексте следует рассматривать полемику по вопросу об экспорте на запад польского угля вопреки интересам промышленности ГДР и Чехословакии.

В ходе обсуждения экономических проблем руководителями стран СЭВ в январе 1956 г. прозвучала и просьба польского правительства об увеличении советских поставок зерна. Вопрос этот возник, разумеется, не случайно. Еще в 1954 г., на II съезде ПОРП в марте и на июльском пленуме ЦК ПОРП, было признано, что сельское хозяйство «осталось наиболее отстающим сектором национальной экономики, порождая недовольство среди городских жителей»²⁷. В связи с этим расширенные советские поставки зерна в следующей пятилетке должны были, как надеялись польские власти, способствовать сглаживанию народнохозяйственных диспропорций и смягчению социального недовольства.

Таким образом, выработанные на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий стран народной демократии в январе 1956 г. рекомендации и принятые решения определили в значительной мере стратегию экономического сотрудничества ПНР и СССР, а также других стран СЭВ, прежде всего Чехословакии и ГДР, в предстоящей пятилетке, направленную на создание интегрированного народнохозяйственного комплекса на основе совместных инвестиций, общего плана материально-технического снабжения и финансирования. Начало этому должна была положить сырьевая база крупной промышленности, однако в дальнейшем в этот комплекс должны были войти и другие ведущие отрасли народного хозяйства.

Январское совещание собралось накануне XX съезда КПСС, на котором предстояло утвердить директивы 6-й советской пя-

²⁷ Польша в XX веке... С. 626.

тилетки. С первых дней работы открывшегося 14 февраля в Москве съезда, в котором участвовала и делегация ПОРП во главе с Б. Берутом, его делегатам, гостям и достаточно широким кругам в обществе как СССР, так и других социалистических стран стало понятно, что в советской столице происходит историческое событие. Прозвучавшие на съезде установки о формировании двух мировых систем имели принципиальное значение для определения характера сотрудничества между социалистическими странами, в том числе и в области экономики. Тезис о «мирном сосуществовании государств с различным общественным строем» был не в последнюю очередь связан с поиском новых подходов социалистических стран к их участию в международном разделении труда. Требования развития внутривластной демократии и «восстановления ленинских норм партийной и государственной жизни» воспринимались в общественном сознании как лозунги демократизации всех сторон общественной жизни, в том числе и народнохозяйственной работы. Осуждение на съезде культа личности и публикация в «Правде» 2 июня 1956 г. соответствующего постановления Пленума ЦК КПСС²⁸ сделали критику сталинизма и его наследия достоянием общественной дискуссии. Руководители ПОРП и ПНР в этих условиях стали единственными представителями правящих верхов социалистических стран, кто вслед за СССР решились публично осудить сталинизм²⁹.

Принятие партийным съездом в Москве директив по очередному пятилетнему плану означало одновременно и установку на согласование народнохозяйственных планов членов СЭВ, поскольку, как отмечалось не единожды, советская экономика и советская система планирования составляли основу хозяйственных связей между странами – членами СЭВ, что также сочеталось с курсом СССР на укрепление в новых условиях (после осуждения сталинизма) своей руководящей роли в экономике и политике социалистических стран.

Спустя два месяца после завершения XX съезда вопросы координации основных отраслей народного хозяйства европейских народно-демократических стран были рассмотрены на VII сессии СЭВ, проходившей в Берлине 18–25 мая 1956 г. Здесь были приняты

²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 111–129.

²⁹ Польша в XX веке... С. 630.

решения о загрузке машиностроительной и оптической промышленности, прежде всего в Чехословакии и ГДР; об обеспечении черной металлургии рудой, коксующимся углем и коксом; о развитии угольной промышленности, особенно в Польше, и по ряду других вопросов.

Выдвигая свои предложения по плановым заданиям, польская делегация рассчитывала на то, что Советский Союз будет поставлять Польше в большом количестве зерно – по 400 тыс. т в 1956–1958 гг., 500 тыс. т – в 1959 г. и 700 тыс. т – в 1960 г. Таким образом, польская сторона предполагала увеличить советские поставки зерна в 2–3 раза по сравнению с уровнем первой половины 1950-х гг., когда они составляли примерно 200 тыс. т ежегодно. Такое увеличение, очевидно, носило чрезвычайный характер и было продиктовано трудностями в польском сельском хозяйстве, о которых говорилось еще в 1954 г. на II съезде ПОРП.

Госплан СССР, однако, высказался против польских расчетов и в свою очередь предложил, чтобы Польша поставила в 1956 г. 9 млн т угля, что превышало расчеты поляков на полмиллиона тонн. На 1960 г. Польша планировала поставить 9,5 млн т, но советский центральный планирующий орган настаивал на значительно большем объеме – 11,7 млн т. Советские представители добивались наращивания польских поставок и по другим позициям, в частности – сахара и соды³⁰. Таким образом, польские поставки угля только в СССР должны были составить примерно 10% от объема его добычи в стране, примерно в той же пропорции (около 10%) поставки угля были запланированы для ГДР и Чехословакии. Поэтому около 1/5 добываемого в стране топлива (ценных коксующихся углей) предназначалось на экспорт в рамках СЭВ, что соответствовало тогда пределу возможностей польской угольной промышленности, не говоря уж о наращивании добычи и экспорта.

Некоторые сведения о спорах на берлинской сессии СЭВ по вопросу об угле можно почерпнуть из состоявшейся в начале июня 1956 г. беседы советского посла в Будапеште Ю.В. Андропова с заместителем председателя Совета министров ВНР Э. Герё. В ней речь шла среди прочего о тактике на переговорах членов делегаций Чехословакии и Польши: «Занятая ими позиция, – по мнению собеседников, – произвела отрицательное впечатление на остальных участников сессии. Так, участники сессии не могли не заметить в

³⁰ *Skrzypek A. Op. cit. S. 375.*

выступлениях польских товарищей (особенно по вопросам развития Силезского угольного бассейна) отсутствие должной коммунистической заботы об интересах развития экономики всего социалистического лагеря. [...] Вместе с тем нельзя было не обратить внимания на то обстоятельство, что в предстоящей пятилетке они намечают увеличить добычу каменного угля всего на 16%, в то время как Венгрия, которая имеет гораздо худшую базу, предполагает увеличить добычу угля на 32%»³¹. Следует, правда, отметить, что добыча угля в Венгрии наращивалась с очень низкого уровня, следовательно, упомянутые показатели в абсолютном исчислении не шли ни в какое сравнение с польскими. Поэтому приведенный факт свидетельствовал только о том, насколько большое значение придавалось угольной проблеме партийным и государственным руководством СССР и других стран народной демократии.

В итоге на VII сессии СЭВ в Берлине по ряду существенных вопросов согласованного решения выработать не удалось³². Польская делегация не согласилась с рекомендованными Польше объемами добычи каменного угля по годам пятилетки 1956–1960 гг. Польское правительство в одностороннем порядке приняло решение сократить его экспорт в страны СЭВ, в 1957 и 1958 гг. на 2,7 млн т, в 1959 г. – на 2,8 млн т, в 1960 г. – на 3,4 млн т³³. Таким образом, экспортные поставки сокращались весьма значительно – более чем на 10%, – с чем были вынуждены согласиться и партнеры ПНР по СЭВ. Решение польских властей было вынужденным, поскольку диктовалось прежде всего производственными возможностями угольной промышленности. Острота угольной проблемы в странах СЭВ объяснялась также и тем, что аналогичные трудности наблюдались и в СССР, где в конце 1950-х гг. в угольной отрасли темпы прироста добычи значительно снизились и существенно отставали от плановых показателей.

Современные историки И. Лукеш (США) и К. Сибер (Чехия) в совместной статье, посвященной анализу реакции в Чехословакии

³¹ См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 79. Кроме того, имеется сообщение заведующего 4-м Европейским отделом МИД СССР А.И. Горчакова послу СССР в Варшаве П.К. Пономаренко от 19 июня 1956 г. о содержании беседы Ю.В. Андропова и Э. Герё по упомянутому вопросу (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 336. Д. 9. Л. 19–20).

³² АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 378. Л. 117.

³³ Там же. Л. 119.

на события 1956 г. в ПНР, также уделили внимание угольной проблеме. Опираясь на неопубликованные архивные материалы, они отмечали: «Поляки должны были поставлять чехословакам антрацит, а те перерабатывали его в кокс и передавали промышленным комплексам в ГДР. Самые незначительные перебои в польских шахтах могли легко остановить работу заводов в Восточной Германии». Поляки обязаны были доставлять в Чехословакию антрацит по постоянной цене в рублях, взамен же получать чехословацкие машины по такой же цене. Но этот, по их словам, «своеобразный бартер» якобы «воздвигал непреодолимый барьер» между рынком европейских социалистических стран и мировым рынком. 25 сентября 1956 г. премьер-министр Польши Ю. Циранкевич поставил в известность председателя чехословацкого правительства В. Широкого о том, что Польша должна уменьшить на 600 тыс. т количество угля, предназначенного для Чехословакии (с 4310 до 3710 тыс. т)³⁴. Исследователями отмечен важный факт, отражающий технологическую структуру производственной кооперации предприятий ПНР, Чехословакии и ГДР, что сотрудничество между социалистическими странами уже в рассматриваемый период в базовых отраслях промышленности строилось на основе технологической и производственной кооперации, опыт которой имел большое значение в будущем. Вместе с тем возникает вопрос о том, в какой мере эти кооперационные связи были унаследованы от структуры хозяйственных связей, сформировавшихся еще до Второй мировой войны между предприятиями Германии и Чехословакии, а в какой были созданы уже на новой основе в период Народной Польши.

Надо также отметить существенную ошибку упомянутых исследователей, утверждавших, что указанная кооперация представляла собой «своеобразный бартер, воздвигавший непреодолимый барьер между рынком европейских социалистических стран и мировым рынком». Выдвигая изложенную концепцию, авторы упустили из вида, что, согласно принципам функционирования социалистической экономики, плановые встречные товарные поставки не являются бартером. В капиталистической экономике бартер (простой товарообмен) является такой же формой товарообмена, как и любая другая. При этом рыночная цена товара всегда при-

³⁴ *Lukeš I., Sieber K.* Pies, który nie szczekał: Czechosłowacja a wydarzenia w Polsce w 1956 roku // *Polski Październik 1956...* S. 159, 161.

нимается в расчет, только обмен происходит без посредства денег и, следовательно, без договорной фиксации цены поставки. При социалистической системе прямого товарообмена, напротив, цена фиксируется, но она выполняет только функцию учетной единицы (или так называемой специальной цены), а поставки осуществляются по плану на основе прямого продуктообмена.

Однако принципиальная ошибка И. Лукеша и К. Сибера состоит не в этом. В 1950-е гг. и позднее в кругах руководителей народного хозяйства и экономистов СССР и других стран народной демократии развернулась дискуссия о соотношении мирового рынка и экономики социалистического лагеря, строящейся на плановых принципах и в условиях ограниченного действия закона стоимости. Высказанные точки зрения сводились к двум тезисам. Первый, восходивший к сталинской концепции «раскола мирового рынка»³⁵, основывался на том, что социалистическая система складывается исключительно на собственной основе, вне связей с капиталистическим рынком, который будет вытеснен по мере расширения социалистической системы. Второй тезис возник и получил развитие начиная со второй половины 1950-х гг. Основанием для него послужили, в частности, установки XX съезда партии, внесшие существенные коррективы в официальную концепцию «мирного сосуществования». Согласно этому тезису, социалистическая система представляет собой социально обособленную часть мирового рынка. Связи между ними в рамках международного разделения труда носят систематический и необходимый характер, однако они регулируются социалистическим государством на основе приоритетов общественной собственности, социального равенства и планомерного хозяйственного развития³⁶. Таким образом, взаимоотношения польских и чехословацких предприятий и их связи с мировым рынком не зависели от установленных на их продукцию цен, которые выполняли сугубо учетную функцию. Выход этих предприятий на мировой рынок мог быть осуществлен только через посредство государства, например, на основе государственной монополии внешней торговли, и в рам-

³⁵ См.: *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

³⁶ О содержании дискуссии см., напр.: *Баутина Н.В.* Теоретические вопросы взаимоотношений социалистических стран: Дисс. ... д-ра эконом. наук. М., 1968; *Она же.* Роль хозяйственного расчета в совместной плановой деятельности стран – членов СЭВ. М., 1978.

ках государственного плана народнохозяйственного развития. Этот принцип хозяйственного управления оставался в ПНР непреложным вплоть до начала 1970-х гг.

Таким образом, Берлинская сессия СЭВ только высветила или, вернее, в очередной раз подчеркнула возникшие в 1950-е гг. экономические проблемы в европейских странах социалистического лагеря, что наглядно проявилось и в польско-советских экономических отношениях. Их обсуждение продолжилось в Москве на уровне высшего государственного руководства обеих стран 21 мая 1956 г., то есть еще до завершения берлинской сессии СЭВ.

Совещание проходило в Кремле в условиях полной секретности. Партийная верхушка КПСС даже не позволила поместить в прессе информацию о составе польской делегации. На совещании советскую сторону представляли Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Л.И. Брежнев, Д.Т. Шепилов, Б.Н. Пономарев и посол СССР в Польше П.К. Пономаренко, польскую сторону – Э. Охаб, возглавивший ПОРП после кончины Б. Берута, А. Завадский, Ю. Циранкевич и З. Новак. С пространственным сообщением выступил первый секретарь ЦК ПОРП. Охаб говорил о политическом положении в Польше – о брожении в польском обществе, вызванном курсом XX съезда КПСС на десталинизацию, о хозяйственных трудностях, об активизации католического духовенства и т.п. Первый заместитель председателя Совета министров ПНР З. Новак информировал советских руководителей об экономической ситуации. «Общее экономическое положение Польши неважное, – откровенно признал он, начав свое выступление. – Надо еще много поработать, чтобы разобраться в итогах шестилетнего плана. По различным подсчетам, расхождения в цифрах итогов шестилетки достигают 10%. Основной вопрос – это вопрос о жизненном уровне трудящихся. Для нас еще не ясно, что же мы сделали в этой области за 6 лет. В цифрах мы запутались. В свое время мы сказали о том, что реальная заработная плата возросла за 6 лет на 26%. Эту цифру трудящиеся не принимают. [...] То, что происходит в партии, отрицательно отражается и на экономической жизни, ослабляет дисциплину труда». Далее З. Новак продолжал: «Мы хотим поставить вопрос о 5-летнем плане, который в основном готов и согласован с советскими товарищами и товарищами из других социалистических стран. Особых возражений не было, но возникает целый ряд очень серьезных вопросов, связанных с сотрудничеством с другими странами лагеря социализма. В связи с разногласиями по этим вопросам создается неправильное впечатление о позиции

Польша по вопросам экономических связей со странами СЭВ, создается плохой климат вокруг Польши»³⁷.

Содержание обсуждавшихся в Кремле вопросов, секретный характер встречи на высшем уровне говорили о том, что в центре внимания находились отнюдь не только проблемы народнохозяйственного сотрудничества. Польская делегация прибыла в Москву спустя два месяца после того, как в Варшаве на VI чрезвычайном пленуме ЦК ПОРП первым секретарем ЦК был избран Э. Охаб. Советское руководство видело в нем убежденного коммуниста и сторонника укрепления польско-советского сотрудничества, хотя лично Хрущев отдавал предпочтение А. Завадскому. Курс, который проводил новый первый секретарь, в целом соответствовал позитивным тенденциям стратегической линии XX съезда КПСС на преодоление наследия сталинизма. Именно Охаб настоял на ознакомлении польского партийного актива с секретным докладом Н.С. Хрущева, по его инициативе были приняты меры по исправлению нарушений законности, имевших место в Польше, начата с этой целью перестройка государственного аппарата. Наконец, Охаб настойчиво отстаивал интересы ПНР в области советско-польских экономических отношений³⁸.

Н.С. Хрущев во главе делегации КПСС присутствовал на VI пленуме ЦК ПОРП, где общался с Охабом. Однако теперь, в Москве, новый руководитель ПНР был представлен более широкому кругу советских товарищей. Главной же целью обеих сторон было обсуждение политического положения в Польше в условиях надвигавшегося кризиса. С политической точки зрения следует рассматривать и доклад З. Новака о ситуации в народном хозяйстве, который, помимо образных оценок «неважного положения в экономике», указал на следующие негативные факторы: а) на недовольство трудящихся уровнем жизни; б) на неустойчивое положение партии; в) на вызывавшее тревогу состояние дисциплины труда. В последнем случае имелась в виду не столько трудовая дисциплина на предприятиях, сколько состояние партийного и государственного руководства народным хозяйством страны, соответствующего аппарата и руководящих кадров. Наконец, негативным фактором были признаны разногласия по вопросам экономического сотрудничества ПНР с другими странами СЭВ (вероятно, имелись в виду ГДР и Чехословакия).

³⁷ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 576. Л. 90.

³⁸ Польша в XX веке... С. 631.

Каковы были политические итоги майского советско-польского Совещания на высшем уровне в Кремле, осталось неизвестно. Сам неофициальный и секретный «жанр» встречи не предполагал принятия ответственных политических решений. В то же время, по вопросам экономического сотрудничества советское политическое руководство пришло к выводу, что необходимо придать бóльший вес конкретной деятельности СЭВ. С этой целью созывалось очередное совещание руководящих деятелей коммунистических и рабочих партий европейских социалистических стран.

4 июня 1956 г. Н.С. Хрущев от имени ЦК КПСС направил письмо в ЦК ПОРП на имя Э. Охаба, в котором предложил собрать совещание 22 июня³⁹. Согласие было получено, равно как и от других руководителей стран – участниц СЭВ. Порядок работы предусматривал обсуждение решений СЭВ, принятых на берлинской сессии, планов производства и взаимных поставок военной техники в 1956–1960 гг., оформление контактов между правящими партиями европейских социалистических стран и другие вопросы⁴⁰.

Совещание работало 22–26 июня 1956 г. в Кремле, и вновь в условиях полной секретности⁴¹. Среди прочих выступлений был заслушан представленный польской делегацией доклад «О развитии угольной промышленности в странах народной демократии, и прежде всего в Польше, для полного удовлетворения стран – участников СЭВ энергетическим углем»⁴². Охарактеризовал суть проблемы П. Ярошевич, недавно оставивший пост министра угольной промышленности. Представитель Польши повторил точку зрения, высказанную польской делегацией на берлинской сессии СЭВ, – угольная промышленность Силезского бассейна не в состоянии выполнять утвержденных СЭВ плановых заданий⁴³.

На совещании, как вспоминал Охаб по прошествии многих лет, в 1981 г., произошла неслыханная за кремлевскими стенами словесная перепалка по вопросу о «недопоставках» коксующегося угля из Польши в Венгрию, Чехословакию и ГДР. Спорили Э. Охаб, с одной

³⁹ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 341–342.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 378. Л. 115.

⁴¹ В 1981 г. Э. Охаб в одном своем интервью ошибочно назвал июньское совещание летом 1956 г. заседанием СЭВ. См.: *Torańska T. Oni.* Warszawa, 2000. S. 79.

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 68. Л. 43. См. также: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 341.

⁴³ Подробнее см.: *Działalność RWPG...* S. 134–135.

стороны, и первый секретарь Венгерской партии труда Э. Герё, первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт и первый секретарь ЦК КПЧ, президент Чехословакии А. Новотный – с другой. Лидера польской партии якобы обвиняли «в утрате чувства пролетарской солидарности»⁴⁴.

Реакцией на новые тенденции в политике руководства ПНР в области польско-советского экономического сотрудничества весной 1956 г. можно считать опубликованную в московских «Известиях» 26 мая, на следующий день после окончания работы VII сессии СЭВ, статью члена польской делегации Э. Ши́ра. Озаглавленная «Новый этап сотрудничества социалистических стран», она была выдержана в духе «оттепели», вызванной XX съездом КПСС. Об «угольной проблеме» и позиции польской делегации по данному вопросу на берлинской сессии СЭВ в статье не было сказано ни слова, вероятно, чтобы не посеять в польском обществе сомнений в успехах социалистического народного хозяйства и не афишировать разногласий в среде партийного и государственного руководства социалистических стран, и, как говорится, не выносить сор из избы.

Статья Ши́ра была посвящена принципиальным проблемам координации народнохозяйственных планов стран Восточного блока. Автор статьи обосновал два актуальных для того времени тезиса. Во-первых, поскольку формы сотрудничества и взаимопомощи в сфере экономики «изменяются в зависимости от конкретных условий, сложившихся в той или иной стране социалистического лагеря», необходимо учитывать «различие интересов» этих стран. Во-вторых, «поскольку в предыдущий период все попытки многостороннего согласования многолетних планов не дали значительных результатов по объективным и субъективным причинам, вследствие неодинакового уровня и различных условий развития отдельных государств народной демократии», следует продолжить поиск более эффективных методов международного сотрудничества. «Сходство взглядов, атмосфера дружеской критики, обсуждение трудных и спорных вопросов в духе интернационализма при учете национальных интересов с целью найти наилучшее решение вопроса, которое еще более укрепит и цементирует силы нашего лагеря, – вот черты вырабатывающихся новых форм согласования многолетних экономических планов социалистических стран», – настойчиво утверждал Э. Ши́р⁴⁵.

⁴⁴ *Torańska T.* Op. cit. S. 79.

⁴⁵ Известия. 1956. 26 мая.

Публикация этой статьи в «Известиях» – центральном печатном органе Советского государства – очевидно носила директивный характер, отражая согласованную позицию КПСС и ПОРП, и, вероятно, других социалистических стран, по вопросам экономического сотрудничества и координации народнохозяйственных планов. В статье содержался призыв совершенствовать механизмы и формы координации хозяйственной деятельности социалистических стран и главное – учитывать исторический уровень и специфику их хозяйственного развития. В ней на самом высоком уровне прозвучало принятое во внимание советским руководством требование признания, хотя и в ограниченных рамках, национального суверенитета ПНР в вопросах народнохозяйственного развития.

Нарастание экономических трудностей в Польше в первой половине 1956 г., острые дискуссии с советским руководством по угольной проблеме существенно не повлияли на экономические отношения между ПНР и СССР, что находило выражение в неуклонном росте товарооборота между двумя странами, бывшими друг для друга крупнейшими среди социалистических стран Восточной Европы торговыми партнерами. Позитивной тенденцией стало увеличение в товарообмене доли наукоемкой и высокотехнологичной продукции, что включало даже элементы производственной кооперации. Ярким примером этому стала программа строительства в СССР при технической помощи Польши заводов по производству ячеистого бетона. Эта технология в то время только получала распространение в передовых странах. Она позволяла существенно сократить издержки и сроки капитального строительства, что имело для СССР особое значение, в частности, в виду намеченного массового строительства жилья.

Разработка данной программы была начата в Москве 14 мая 1956 г., когда Главное управление по делам экономических связей со странами народной демократии в лице заместителя начальника управления Н.А. Смелова обсудило с заместителем министра строительства ПНР А. Вольским вопрос «об оказании Польшей технической помощи Советскому Союзу в строительстве заводов ячеистого бетона»⁴⁶. Имелось в виду, что польская сторона поставит в

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 28. Л. 53. Ячеистый бетон – самый легкий вид бетона. Применяется в строительстве зданий для теплоизоляции стен, покрытий производственных помещений и перекрытий жилых зданий.

СССР в 1957–1958 гг. оборудование для 26 заводов по производству указанного бетона мощностью 185 тыс. кубометров изделий в год каждый. При этом советская сторона была готова уже в 1959 г. принять оборудование еще для 22 таких заводов⁴⁷. В заключение беседы стороны условились собраться вновь для обсуждения технических и коммерческих вопросов.

Новый раунд переговоров состоялся 3 августа. В этот день представители СССР и ПНР договорились о заключении соответствующего соглашения⁴⁸. В итоге 11 октября 1956 г. в Москве по уполномочию правительств СССР и ПНР, соответственно Н.А. Смеловым и Б. Додзюком, было подписано «Соглашение о сотрудничестве Польской Народной Республики с Союзом ССР в строительстве заводов по производству ячеистого бетона в СССР». Польская сторона обязывалась поставить в Советский Союз в 1957–1958 гг. «комплектное оборудование для десяти заводов по производству ячеистого бетона мощностью по 185 тысяч кубометров» в год, передать «советским организациям лицензии и рабочие чертежи для изготовления оборудования по производству ячеистого бетона», оказать «техническую помощь в проектировании, строительстве (авторская проверка и консультация), монтаже, наладке и пуске в эксплуатацию заводов»⁴⁹. К сожалению, отсутствие документальных источников не позволяет ответить на вопрос, чем было вызвано сокращение объема поставок соответствующего оборудования и сокращение планов строительства заводов (с 26 до 10)⁵⁰.

2. Июньские события 1956 г. в Познани. Программа советской экстренной экономической помощи ПНР

Один из кульминационных этапов политического кризиса 1956 г. в ПНР ознаменовали июньские события в Познани. В середине 1950-х гг. этот город с населением в 380 тыс. чел. был одним из

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 28. Л. 53.

⁴⁸ Там же. Л. 62–63.

⁴⁹ Текст документа см.: Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М., 1974. С. 201–202; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI: январь 1956 г. – декабрь 1960 г. М., 1983. С. 70–72.

⁵⁰ Заверенный текст соглашения см.: РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 354. Л. 69–71.

крупнейших промышленных, транспортных и культурных центров страны. В городе работала международная ярмарка, был ряд высших учебных заведений, среди них Университет им. Адама Мицкевича. В то же время уровень жизни горожан существенно отставал от других крупных польских городов, хотя в середине 1950-х гг. и там отмечались признаки недовольства трудящихся. Однако власти не придали положению в Познани должного значения, опасаясь обострения ситуации, в первую очередь в шахтерской Силезии или среди текстильщиков Лодзи⁵¹.

Начало острому политическому противостоянию властей и граждан в Познани положили волнения на Вагоноремонтном заводе, где 8 июня состоялся митинг рабочих и раздались призывы к забастовке. Протесты рабочих нарастали, и 26 июня делегация машиностроителей прибыла в столицу для переговоров с властями и руководством профсоюзов. Однако их итоги не удовлетворили рабочих, и 28 июня в городе состоялась массовая демонстрация, к которой примкнула студенческая молодежь. Демонстранты выдвинули требования социально-экономического характера, в том числе – участия рабочих в управлении предприятиями. В то же время звучали антиправительственные и антисоветские лозунги.

Представители ПОРП и городских властей не решились выйти к демонстрантам, а в тех случаях, когда они и попытались повлиять на настроения протестующих, не добились успеха. Демонстранты же видели в этом свидетельство их слабости или намерения силой подавить движение, и, поддавшись на призывы провокаторов, находившихся в возбужденной толпе, люди направились к городской тюрьме, чтобы освободить якобы арестованных активистов. Там они захватили оружие, на улицах раздалась выстрелы, был атакован ряд административных зданий, произошли и другие, в том числе и кровавые, эксцессы. Город оказался охвачен стихийными беспорядками. К вечеру в Познань были введены части Войска Польского, получившие приказ в случае необходимости открывать огонь на поражение. Полностью порядок в городе был восстановлен только на следующий день. В пригородах стрельба еще слышалась и 30 июня⁵².

Власти ПНР сознавали, что для успокоения ситуации необходимо безотлагательно удовлетворить хотя бы первоочередные тре-

⁵¹ Польша в XX веке... С. 632–633.

⁵² Там же. С. 633–634.

бования трудящихся, а для этого изыскать материальные ресурсы, притом что соответствующими резервами страна не располагала. Поэтому сразу вслед за событиями в Познани руководство ПНР обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании срочной экономической помощи. В какой форме было сделано это обращение, исследователям неизвестно, однако уже 9 июля советский посол в Варшаве П.К. Пономаренко получил указание из центра встретиться с Э. Охабом и передать ему «послание» (так сказано в документе) Н.С. Хрущева с выражением согласия оказать безотлагательную помощь полякам⁵³. Примечательно, что эта инструкция послу и само «послание» были направлены в тот самый день, когда Президиум ЦК КПСС и Госплан СССР только приступили к разработке решения по данному вопросу. Следовательно, можно утверждать, что само политическое решение было принято ранее 9 июля, еще до того, как оно прошло официальные советские партийные и государственные инстанции. Это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что политическая ситуация требовала незамедлительного исполнения просьбы польской стороны, чему в Москве придавали исключительное политическое значение.

9 июля 1956 г. Госплан СССР (Н.К. Байбаков), Госэкономкомиссия СССР (П.В. Никитин) и Главное управление по делам экономических связей со странами народной демократии (К.И. Коваль) представили в ЦК КПСС записку с предложениями оказания Польше срочной экономической помощи по конкретным параметрам согласно просьбе польского правительства⁵⁴. Ссылка в записке на «просьбу польского правительства» свидетельствовала, вероятно, о том, что с польской стороны были высказаны некие конкретные пожелания о содержании ожидавшейся помощи, однако имеющиеся источники не дают возможности ответить на вопрос, в какой мере в программе помощи советской стороны были учтены запросы польских властей. В тот же день Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос и принял постановление «Об оказании экономической помощи Польше». Советский Союз обязался в 1956 г. предоставить Польше 2 тыс. т меди, 5 тыс. т натурального каучука, 10 тыс. т технического жира на общую сумму 43,5 млн руб., 12,6 т золота на 56,5 млн руб. Кроме того, в Москве было решено в 1957–1960 гг.

⁵³ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 361.

⁵⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 46. Л. 28–29. См. также: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 362.

уменьшить на 810 млн руб. сумму польской задолженности советской стороне за поставленное промышленное оборудование и переданное военное имущество. Президиум ЦК КПСС согласился и с тем, чтобы начиная с 1957 г. предоставленные Польше в 1947 и 1949 гг. займы в золоте и валюте погашались польскими товарными поставками в СССР. В обсуждении текста постановления участвовали Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, К.И. Коваль, Н.К. Байбаков, В.М. Молотов, Д.Т. Шепилов, М.Г. Первухин и Г.М. Маленков. После непродолжительного обмена мнениями они утвердили проект соответствующего постановления Совета министров СССР и тем самым открыли путь формальному выполнению правительственного решения⁵⁵.

Таким образом, определенная 9 июля 1956 г. помощь носила чрезвычайный характер и была рассчитана на вторую половину года. Трудно сказать, какое конкретное применение в польской промышленности предполагалось в данном случае для меди, синтетических жиров и натурального каучука, что составляло примерно половину от общего объема помощи в 100 млн руб. или по приблизительной оценке, не менее 25 млн долл. (по тем временам весьма значительная сумма экстренной помощи). Она была, очевидно, ориентирована на обеспечение бесперебойной работы польской промышленности (на выполнение ею плановых заданий и обязательств по поставкам как внутри страны, так и за границу). Это в свою очередь должно было сказаться на стабилизации доходов трудящихся и в целом позитивно повлиять на социальное положение рабочего класса. Большая половина помощи предоставлялась в золоте. Выделенные средства из бюджета и резервов СССР призваны были в первую очередь сбалансировать государственный бюджет ПНР и фонды оплаты труда, а также потребительский рынок.

Высшее политическое руководство ПНР, заседавшее 10 июля 1956 г., «приняло к сведению информацию» первого секретаря ЦК ПОРП Охаба и председателя Совета министров ПНР Ю. Циранкевича «о предоставленной Советским Союзом безотлагательной экономической помощи», Государственная комиссия экономического планирования получила задание подготовить записку «по вопросу продажи репарационного угля в СССР»⁵⁶. Этим польское

⁵⁵ Ход обсуждения кратко зафиксирован В.Н. Малиным. См.: Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 148.

⁵⁶ AAN. PZPR. KC. Sygn. V/42. K. 113.

правительство показало свою решимость следовать согласованному с СССР курсом экономического сотрудничества, несмотря на обострение социально-политической ситуации в стране, что было продемонстрировано июньскими событиями. ПНР осуществляла реализацию народнохозяйственного плана в первую очередь в области промышленного развития.

Ответственность за возникшие в экономике диспропорции и за трудности в удовлетворении потребностей трудящихся руководство ПОРП возложило на органы народнохозяйственного планирования. 11 июля 1956 г. заместитель председателя Совета министров ПНР и член ЦК ПОРП Ст. Ендрыховский получил назначение на пост председателя Государственной комиссии экономического планирования, заменив Э. Шира⁵⁷. Последний, по словам Э. Охаба, допустил ряд серьезных ошибок при планировании польской экономики. «В результате, – объяснял первый секретарь ЦК ПОРП советским товарищам, – получился кризис со снабжением углем на внутреннем рынке Польши, недовольство рабочих и крестьян, утверждающих, и законно, что правительство не держит своего слова, издает законы и нарушает их»⁵⁸.

Однако прозвучавшая критика в адрес органов хозяйственного планирования не повлияла на решимость руководства ПНР следовать в стратегических вопросах развития народного хозяйства согласованным с СССР пятилетним планам. Об этом свидетельствовало подписанное в Москве 11 июля 1956 г. Соглашение об оказании Советским Союзом технической помощи Польше в расширении металлургического комбината «Гута имени Ленина» (общая мощность предприятия – 2,5 млн т проката в год). Соглашением предусматривались разработка и передача польской стороне проектного задания на расширение комбината, выполнение технических проектов и чертежей, выполнение заданий по инфраструктуре предприятия и т.п.⁵⁹

Одновременно в Москве советские и польские полномочные представители подписали Соглашение об оказании технической помощи Польше в строительстве ряда других промышленных

⁵⁷ *Mołdawa T.* Ludzie władzy 1944–1991. Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28 II 1991. Warszawa, 1991. S. 176.

⁵⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 46. Л. 71.

⁵⁹ См.: Советский Союз – Народная Польша... С. 199–200; Документы и материалы... Т. XI. С. 50–51.

предприятий. Реализация этого документа предусматривала техническую помощь в строительстве шести электростанций, шести радиотехнических предприятий, комбината по добыче и переработке серной руды, завода по производству часов, двух металлургических цехов, цеха по производству стрептомицина, лаборатории разрывных мощностей для испытания высоковольтной аппаратуры⁶⁰. По поручению советского правительства оба государственных акта подписал К.И. Коваль.

С советской стороны также подчеркивалось, что кризис в Польше не повлияет на стратегию экономического сотрудничества стран социалистического лагеря. Этому вопросу была посвящена опубликованная в «Правде» 27 июля 1956 г. статья первого заместителя председателя Госэкономкомиссии СССР П.В. Никитина «Новые формы экономического сотрудничества стран социализма», в которой автор подводил промежуточные итоги сотрудничества европейских социалистических стран. По его мнению, государственные пятилетние планы становятся определяющим фактором развития всех отраслей народного хозяйства и требуют строгой централизации управления экономикой. «Согласование планов – важный фактор в жизни стран социализма». Никитин заявлял, что оно позволяет разумно использовать международное разделение труда с целью максимального развития экономики каждой отдельной страны на основе ее природных и экономических условий, национальных особенностей, в соответствии с интересами всего социалистического лагеря. «Намеченная специализация производства, – продолжал автор, – приведет к тому, что сократится количество стран, выпускающих однотипную продукцию, и количество типов машин и оборудования, выпускаемых в каждой стране. Например, оборудование для угольной промышленности европейских стран народной демократии будет производиться в ГДР, Польше, Чехословакии, угольные комбайны – в основном в Польше»⁶¹.

Статья П.В. Никитина, таким образом, шла параллельно с опубликованной двумя месяцами ранее в «Известиях» статьей Э. Ширы. И хотя на этот раз в центральном органе ЦК КПСС не говорилось прямо о важности «национальных» факторов во взаимоотношениях между европейскими социалистическими странами и

⁶⁰ См.: Документы и материалы... Т. XI. С. 48–50; Советский Союз – Народная Польша... С. 197–199.

⁶¹ Правда. 1956. 27 июля.

СССР, однако приведенные Никитиным аргументы вполне согласовывались с тезисами Шира. Разумеется, официальная статья в «Правде» напрямую не касалась польского кризиса, однако само ее появление свидетельствовало о том, что и советская сторона не планировала пересмотра курса на координацию народнохозяйственного развития социалистических стран, в том числе Польши как одного из ключевых звеньев «системы социализма».

Демонстрации рабочих и студенчества в Познани и последовавшие за ними трагические события знаменовали собой вступление страны в стадию острого политического кризиса, ибо впервые ПОРП и государственное руководство ПНР оказались в условиях конфронтации с общественными классами, которые рассматривались ими как социальная база правящей партии. Волнения охватили только один, хотя и весьма значительный, промышленный центр, однако власти сознавали опасность того, что подобные события могли произойти и в других экономических и политических центрах страны. Партийное руководство не могло не принять во внимание и звучавшие во время познанских событий антикоммунистические и антисоветские лозунги, хотя движение в целом выдвигало социально-политические требования, не выходявшие за рамки социалистической системы. Для польских властей было очевидно и то, что подавление рабочих и студенческих волнений в Познани не означает разрешения разразившегося в стране политического кризиса.

В этих условиях, чтобы выработать необходимые «ответные» меры, 18–28 июля собрался VII Пленум ЦК ПОРП. Первоначально на нем предполагалось заслушать доклады Э. Охаба о политическом положении и Ю. Циранкевича о проблемах хозяйственного развития. Однако в итоге доклад первого секретаря был озаглавлен «О политической и экономической ситуации и об узловых задачах партии». На пленуме обсуждался самый широкий круг проблем, вплоть до критики партийной печати и других средств массовой информации, в которых, по словам выступавших участников пленума, встречались публикации, в извращенном виде представлявшие достижения социалистического строительства, в том числе и в СССР. Важное место на пленуме заняли внутривнутрипартийные вопросы, получившие исключительное политическое и общественное звучание, в частности о восстановлении в рядах партии В. Гомулки. На пленуме наметилось противостояние двух политических течений в руководстве партии и страны, получивших в дальнейшем условные

названия «пулавян» и «натолинцев». В основе разногласий между ними лежали расхождения по вопросу о путях и методах преодоления социально-политического кризиса в ПНР. В то же время само противостояние между ними стало одним из проявлений указанного кризисного развития.

Экономические проблемы Польши остались в ходе работы пленума на втором плане. Большинство его участников склонились к тому, чтобы возложить ответственность за положение в народном хозяйстве на члена Политбюро ЦК Г. Минца, обвинив его «в провале экономической политики». Некоторые из выступавших требовали даже его отставки, что и произошло в октябре 1956 г. Определенность формулировок при отсутствии конкретных решений по народнохозяйственным проблемам свидетельствовала о том, что ситуация в экономике, да и в руководстве страной в целом не была столь «провальной». Не случайно принадлежавшие к «пулавянам» и отвечавшие за экономику Ю. Циранкевич, его заместитель С. Ендрыховский, первый заместитель председателя Комиссии экономического планирования и член ЦК ПОРП Л. Касман остались вне критики и сохранили свои посты, а Г. Минц оказался в этих условиях единственной жертвой разногласий внутри ЦК ПОРП.

21 июля, когда в Варшаве шел четвертый день работы VII пленума, глава правительства СССР Н.А. Булганин и министр обороны маршал Г.К. Жуков, находившиеся в Польше с государственным визитом, посетили польского премьер-министра Ю. Циранкевича. Разговор шел преимущественно об экономических отношениях СССР и ПНР. Циранкевич добивался перенесения на более поздний срок очередных платежей по займам 1940-х гг., просил о новом займе (в валюте), погашение которого польская сторона предлагала провести товарными поставками. Глава польского правительства просил также об отсрочке оплаты половины полученных ранее кредитов, по которым истек срок погашения. Булганин, по словам польского историка А. Сксипека, якобы обещал рассмотреть эти предложения и одновременно пригласил польского премьера с визитом в Москву⁶².

⁶² *Skrzypek A. Mechanizmy autonomii: stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Pułtusk; Warszawa, 2005. S. 63.*

3. Межправительственные польско-советские дискуссии по хозяйственным вопросам в сентябре 1956 г.

В сентябре 1956 г. польское руководство вновь обратилось к советскому правительству за помощью. Обсуждение при этом развернулось вокруг трех групп мероприятий. Во-первых, речь зашла о реализации мер, уже намеченных ранее – в июле 1956 г. Во-вторых, говорилось о дополнительных мерах поддержки с советской стороны польского народного хозяйства. В-третьих, и в этом была заключена центральная проблема, – о стоимостном балансе взаимных поставок продукции.

18 сентября 1956 г. в Москве министр внутренней торговли ПНР Т. Дитрих и министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов подписали протокол об экономической помощи советского правительства польскому правительству, где было прямо указано, что предусмотренные в нем меры предпринимаются по просьбе польской стороны. Согласно протоколу, Польше предоставлялся кредит на 100 млн руб. золотом и товарами из расчета 2% годовых. Погашение займа и процентов предусматривалось товарными поставками в 1957–1960 гг. На несколько лет устанавливалась отсрочка по предоставленным ранее кредитам. Было согласовано, что советские кредиты, выданные Польше в 1947–1949 гг. золотом, будут погашены польскими товарными поставками⁶³. Таким образом, советской стороной были исполнены все адресованные Н.А. Булганину в июле 1956 г. «просьбы» Ю. Циранкевича.

На следующий день после подписания протокола об экономической помощи ПНР, 19 сентября, И.Г. Кабанов доложил ЦК КПСС о содержании предшествовавших подписанию протокола советско-польских переговоров. Сначала представителем Министерства внешней торговли СССР был вручен польской стороне проект протокола. Одновременно с вручением этого проекта министерство распорядилось отгрузить полякам товары в кредит. Польская сторона, рассмотрев проект протокола, сразу же попросила «дать согласие на то, чтобы погашение золотых займов, предоставленных Советским Союзом в 1947 и 1949 гг., в части, подлежащей оплате в октябре» 1956 г. в сумме 9,22 млн руб., «было произведено товар-

⁶³ Известия. 1956. 23 сентября. Текст протокола см.: Документы и материалы... Т. XI. С. 68.

ными поставками, а не золотом или свободной валютой». Однако просьба польской стороны сводилась не только к этому. Поляки высказали пожелание получить в кредит товаров больше, чем предусматривалось ранее, «ссылаясь на то, что, по их подсчетам, стоимость товаров [...] должна быть ниже, чем это определено» советской стороной. На разницу стоимости они хотели получить дополнительные товары, – говорилось в докладе Кабанова. – В последние дни поляки сняли этот вопрос с обсуждения и попросили кредит вместо 8 тыс. т технических жиров соответствующее количество сливочного масла. Такая замена является для нас целесообразной, и по этому вопросу Минвнешторг внес предложение в Совет министров СССР». Когда подписывали протокол, поляки заявили, что «считают политически для них очень полезным» опубликовать в советской и польской печати коммюнике об оказанной Польше помощи.

Протокол от 18 сентября 1956 г. был посвящен конкретизации содержания соглашений, заключенных ранее, в июле этого года. Польская сторона, в частности, подтвердила следование принципам планомерного и скоординированного экономического сотрудничества с СССР. Однако обращает на себя внимание, что главными пунктами сентябрьского протокола были не вопросы объемов и номенклатуры встречных поставок, как было ранее в годы 6-летнего народнохозяйственного плана в Польше, а вопросы их стоимости и порядка оплаты.

Проблемы стоимостного эквивалента польско-советского товарообмена оказались в центре обсуждения в сентябре 1956 г. так называемой «угольной проблемы» и вопроса о польской доле в полученных СССР германских репарациях. 7 сентября 1956 г. в протоколе заседания Политбюро ЦК ПОРП (4-й пункт повестки дня) появилась запись: «Тов. Ендрыховский доложил вопрос репарационных расчетов с Советским Союзом. Решено обратиться к Советскому Союзу по вопросу расчетов на основе военных репараций, а также выравнивания цен за уголь, доставляемый в тот период Польшей Советскому Союзу по низким ценам»⁶⁴.

После заседания Э. Охаб стал готовиться к длительной поездке в Китайскую Народную Республику, где ему предстояло участво-

⁶⁴ Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Oprac. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 183.

вать в работе VIII съезда Коммунистической партии Китая. Пребывание в сентябре в Пекине польская делегация намеревалась использовать для укрепления позиций ПНР в отношениях с Советским Союзом, в частности и в экономической области, чтобы подтолкнуть советскую сторону к уступкам по спорным вопросам экономического сотрудничества, в частности для улаживания «угольной проблемы». Эти усилия Охаба и его коллег не пропали даром. В КНР руководители ПОРП получили заверения китайских товарищей в политической поддержке и обещание оказать Польше финансовую помощь (30 млн долл.). Об этом советский посол в Пекине уведомил Москву⁶⁵.

Направляясь в Китай, ранним утром 11 сентября первый секретарь ЦК ПОРП во главе польской партийной делегации остановился на несколько часов в Москве для встречи с А.И. Микояном, который, среди прочих своих должностей, ведал внешнеэкономическими связями СССР со странами народной демократии. Они обсудили широкий круг вопросов, однако Охаб стремился привлечь внимание собеседника главным образом к двум, так сказать, деликатным проблемам польско-советских отношений: к ликвидации института советских советников в польской системе государственной безопасности и к отказу от «специальной цены» в поставках польского угля в СССР. Обе проблемы доставляли много хлопот польской стороне как в политическом, так и в экономическом аспекте. Примечательно, что если ранее разногласия между сторонами возникали по вопросу об объемах поставок польского угля в СССР, а также в ГДР и Чехословакию, то теперь польский руководитель настаивал на обсуждении именно вопроса о цене на польский уголь. Отметим, что Охаб предложил также вынести на межгосударственный уровень «один тяжелый, сложный» вопрос – о послевоенных репарациях⁶⁶.

Информируя ЦК КПСС специальной запиской о встрече с польским государственным деятелем, А.И. Микоян, излагая доводы Охаба, отметил: поляки считают, что они «получили из ГДР репараций на сумму около 295 млн долл. за счет доли Советского Союза, а поставили угля взамен этого Советскому Союзу, по крайне заниженным ценам, стоимостью, примерно, 691 млн долл. Таким

⁶⁵ *Rowiński J.* ChRL a wydarzenia październikowe 1956 r. w Polsce // Polska – Chiny. Wczoraj, dziś, jutro. Toruń, 2009. S. 239–289.

⁶⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 46. Л. 71.

образом, по их расчетам, они не только не получили репараций с Германии, а даже заплатили нам репарации». Охаб, по словам Микояна, намекая на давление Москвы, подчеркнул, что решение о поставке угля «по заниженным ценам» в свое время было принято без обсуждения и согласия ЦК ПОРП и польского правительства. Излагая аргументы польской стороны, Микоян, однако, отметил, что «запрошенный им Минц сказал, что, когда это Соглашение заключалось, польские товарищи исходили из того, что это будет на 2–3 года. Тов. Охаб добавил, что они разъяснили своим людям [т.е. населению страны], что, когда вопрос о ликвидации этого невыгодного для Польши соглашения Польским правительством был поставлен перед Советским правительством в 1953 г., Советское правительство согласилось отменить это соглашение и перейти на коммерческие условия поставки угля, тем не менее, и сейчас распространяются провокационные слухи среди рабочих и служащих о том, что народу не хватает угля, так как уголь вывозится по заниженным ценам в Советский Союз. Поляки, – продолжал Микоян, – имеют в виду разъяснить, что вывоз угля в Советский Союз из Польши не занимает значительного места и производится по выгодным мировым ценам»⁶⁷. При прощании Охаб вручил Микояну записку, подготовленную в польском правительственном аппарате, и попросил проверить содержащиеся в ней количественные данные о поставках угля в СССР⁶⁸.

Президиум ЦК КПСС на ближайшем заседании (20 сентября 1956 г.) обсудил содержание беседы А.И. Микояна с Э. Охабом. Принятое решение состояло из трех пунктов. Два первых из них имеют прямое отношение к народнохозяйственному сотрудничеству СССР и ПНР: 1) М.З. Сабурову, И.Г. Кабанову, К.И. Ковалю и А.А. Громыко поручить в недельный срок проверить все расчеты, имевшиеся в записке Охаба, и свои предложения внести в ЦК КПСС; 2) подготовить докладную записку о советско-польских экономических отношениях и проект ответа в ЦК ПОРП; 3) министру

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Текст записки подготовлен Ст. Ендрыховским и озаглавлен «Поставка польского угля в СССР в 1946–1953 гг. по специальным ценам», не имеет ни подписи, ни даты. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 113. Л. 26–27. На документе помета: «Вручено т. Охабом т. Микояну 11 сентября 1956 года». Третий экземпляр хранится в варшавском Архиве новых актов (AAN. PZPR. KC. Sygn. XI/71. Т. I. К. 304–307). Польские архивисты ошибочно датировали документ 1957 г.

внешней торговли в суточный срок отредактировать для печати коммюнике «К советско-польским экономическим отношениям»⁶⁹. Московские «Известия» и варшавская «Трибуна люду» 23 сентября опубликовали его текст.

Тем временем в аппарате Совета министров ПНР готовились материалы по «угольной проблеме». 24 сентября 1956 г. премьер-министр Ю. Циранкевич представил Э. Охабу для ознакомления соответствующую подборку документов⁷⁰. В сентябре же польское правительство уведомило правительства ГДР, Чехословакии и СССР об объемах поставок угля из Силезии в эти страны на 1957 г. – 9,6 млн против 16,5 млн т («предусмотренных в рекомендациях берлинской сессии» СЭВ)⁷¹.

4. Решающий этап социально-политического кризиса. Октябрь 1956 г.

В октябре 1956 г. Польша стала ареной жесткой конфронтации между сторонниками и противниками реформ в стране. Столкновение между ними в конечном итоге стало кульминацией кризиса 1956 г., который разрешился довольно радикальными изменениями в общественно-политической жизни (прежде всего в сфере государственного управления), в экономике, в культуре, в интеллектуальной жизни и в отношениях с СССР.

В первой половине октября в Варшаве прошел ряд заседаний Политбюро ЦК ПОРП, где были рассмотрены принципиальные политические вопросы, сопровождавшиеся острой критикой экономического положения страны. Однако обсуждение сложившейся в народном хозяйстве ситуации послужило только поводом для выдвижения взаимных персональных политических обвинений. На заседании 2 октября руководство партии вновь решилось привлечь опального В. Гомулку (восстановлен в ПОРП 2 августа 1956 г.) к управлению страной и поручило «провести беседу» с ним Э. Охабу. 8 и 10 октября Политбюро ЦК ПОРП рассматривало положение в стране и в партии. Мнения высказали все без исключения его члены и секретари ЦК. В протоколе было записано, что «ситуация в

⁶⁹РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 59. Л. 2.

⁷⁰ААН. PZPR. KC. Sygn. XI A/71. Т. II. К. 255.

⁷¹РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 166. Л. 149.

Польше очень тяжелая, проявляются элементы кризиса, недоверие к руководству партии и правительства, демагогические требования повышения зарплаты, рост антисоветских настроений, распространение разных контрреволюционных теорий. В дискуссиях, которые проходят в партийных организациях и среди беспартийных, отчетливо обнаруживаются два течения: одно – это ориентация на демократию западного либерально-демократического типа, другое течение – демократия в социалистическом духе». Мнения участников о польско-советских отношениях также разделились и свелись в итоге к трем вопросам: по «угольной проблеме», о гражданстве советских генералов, служивших в Войске Польском, и о «недопустимости вмешательства» советского посла П.К. Пономаренко во внутренние дела Польши⁷².

Тогда же (8 и 10 октября 1956 г.) в руководстве ПОРП было решено добиваться пересмотра условий поставок угля из Польши в СССР. С этой целью Ю. Циранкевичу и Ст. Ендрыховскому поручили подготовить письмо в ЦК КПСС о польских поставках в Советский Союз 1946–1953 гг. «по заниженным ценам»⁷³. В польских архивах письмо отсутствует, так как, полагают польские исследователи, оно вовсе не было подготовлено. Возможно, со временем следы этого письма обнаружатся в российских архивах.

Обсуждение положения в стране было продолжено в Политбюро ПОРП 12 октября. На это заседание был приглашен В. Гомулка, в выступлении которого прозвучал по существу призыв к новому курсу. По его словам, партии следовало признать ошибки предшествовавшего периода, поскольку «политическая ситуация обусловлена ситуацией экономической». При этом бывший глава ПОРП, получивший вновь трибуну на высшем партийном уровне, сосредоточил критику на аграрной политике ПОРП, высказавшись, как и ранее, против коллективизации крестьянских хозяйств. «Для меня, – утверждал Гомулка, – ясно, что социализм в деревне мы поставили на голову», имея в виду замену естественного развития кооперативного движения снизу на административное навязывание сверху создания на селе крупного социалистического производства. Характеризуя политическую ситуацию в стране, Гомулка настаивал на необходимости «нормализации» польско-советских отношений. В этом его тезисе нашла недвусмысленное отражение

⁷² Польша в XX веке... С. 638–639.

⁷³ Centrum władzy... S. 189.

полемика с Э. Охабом, заявлявшим на этом же заседании Политбюро, что «мы всегда, при всех обстоятельствах пойдем с Советским Союзом»⁷⁴. Клятвы в верности СССР были своего рода элементом политического этикета, однако в противопоставлении с концепцией «нормализации» Гомулки они приобретали особое звучание, ибо верность союзническим обязательствам рассматривалась теперь в сочетании с курсом на укрепление национального суверенитета польского государства, в частности и в народнохозяйственных вопросах. Говоря об экономических связях с СССР, В. Гомулка, среди прочего, коснулся двух болезненных и сложных экономических вопросов – «угольной проблемы» и военных репараций. Весомо и подчеркнуто, без тени сомнений, он заявил: «Репарации за Возвращенные Земли были взяты в форме угля и в форме демонтажа [немецких промышленных предприятий]. Правда, дали мы это в условиях определенного давления. Я считаю, что советские товарищи должны это понять и возратить нам причитающуюся сумму. Я мог бы не ставить этого вопроса, если бы экономическая ситуация нас к этому не понуждала. Если советские товарищи этого не примут во внимание, то будет плохо, мы дыры не залатаем [...]»⁷⁵. Так, с предельной ясностью, прозвучала декларация о неких хозяйственных или финансовых претензиях к СССР. Это заявление, очевидно, преследовало и тактические цели, ибо должно было помочь опальному польскому лидеру в повторном восхождении на вершину власти. Оно имело и политическое звучание, поскольку в нем, хотя и со смягчающими оговорками, подчеркивалась неприемлемость для Польши политического давления со стороны советского руководства.

В первой декаде октября 1956 г. внимание советских правящих кругов привлекало не только обострение политической ситуации в ПНР, но и проявленное в Политбюро ПОРП недовольство некоторыми аспектами польско-советского экономического сотрудничества, прежде всего разногласия с СССР по «угольной проблеме». Тем не менее в Президиуме ЦК КПСС твердо придерживались курса на оказание Польше в кризисных условиях экономической помощи. 1 октября 1956 г. в Москве был рассмотрен вопрос о поставке зерна и одобрено два документа – проект письма главы советского

⁷⁴ Польша в XX веке... С. 639.

⁷⁵ Цит. по: Rozmowy polsko-radzieckie w maju 1957 roku / Przedmowa i opracowanie A. Korzon // Dzieje najnowsze. 1991. № 1. S. 119.

правительства и проект постановления ЦК КПСС «О поставке зерна из СССР в Польшу»⁷⁶.

Одновременно советская сторона готовилась к серьезным дискуссиям с польскими коллегами по спорным проблемам. 4 октября состоялось заседание Президиума ЦК КПСС по вопросу о поставках угля из Польши в СССР «по специальной договорной цене»⁷⁷. Содержание обсуждения неизвестно. Правда, текст рабочего протокола все же позволяет выявить некоторые существенные сюжеты имевшей место дискуссии. Во-первых, из заметок В.Н. Малина следует, что подготовленная в Совете министров и представленная М.З. Сабуровым записка не удовлетворила высшее партийное руководство. Во-вторых, окончательная редакция проекта постановления Президиума была поручена А.И. Микояну⁷⁸, опытнейшему и изворотливому политику, и он в дальнейшем умело довел дело до благополучного для советской стороны исхода.

Каждый участник заседания получил «раздаточный материал» – комплект документов для изучения советско-польских экономических отношений в послевоенный период. Помимо упоминавшейся уже Записки и «Справки об экономической помощи, оказанной Советским Союзом Польской Народной Республике за период с 1944 по 1956 г.», здесь были проект постановления ЦК КПСС «Об ответе Центральному Комитету ПОРП на вопросы, поставленные т. Охабом в беседе 11 сентября с. г.», проект памятной записки о поставках польского угля в СССР «по специальной цене», «Справка о поставке угля из Польши в СССР по соглашению от 16 августа 1945 г.», «Справка о репарационных поставках Польше»⁷⁹.

В справке об экономической помощи Польше представляют существенный интерес оценки, сформулированные составителями документа М.З. Сабуровым, Н.К. Байбаковым, И.Г. Кабановым, К.И. Ковалем и А.А. Громыко. «Советский Союз, – говорилось в справке, – предоставил Польше кредиты на оплату поставок оборудования для промышленных предприятий, продовольствия, товаров широкого потребления и сырья, а также вооружения и военного имущества на общую сумму 5,2 млрд рублей, из которых использовано до 1 июля 1956 года около 3,7 млрд рублей, осталь-

⁷⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 134. Л. 109–113.

⁷⁷ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 168.

⁷⁸ Там же. Т. 2. С. 423.

⁷⁹ Там же. С. 425–430.

ные 1,5 млрд рублей будут использованы в 1957–1960 годах. *Польше предоставлено почти столько же кредитов, сколько всем остальным европейским странам народной демократии, вместе взятым* (выделено мною. – А.О.). До 1 июля 1956 года Польшей погашено кредитов на 1,4 млрд рублей, остаток задолженности по кредитам составляет 2,3 млрд рублей»⁸⁰.

«Основную сумму кредитов, – отмечалось в справке, – Советский Союз предоставил Польше на цели развития промышленности, и главным образом для строительства предприятий тяжелой промышленности. Всего на оплату поставок оборудования для промышленных предприятий и технической помощи в их строительстве Польше предоставлено кредитов на сумму 2200 млн рублей, из которых до 1 июля 1956 года использовано 1450 млн рублей *Польше на эти цели предоставлено кредитов вдвое больше, чем всем другим европейским странам народной демократии, вместе взятым*» (выделено мною. – А.О.)⁸¹. В целях укрепления обороноспособности Польши ей были предоставлены кредиты на оплату поставок вооружения и военного имущества на 2204 млн руб. Кредитная помощь предоставлялась на льготных условиях из расчета 2% годовых или даже предоставлялась без процентов⁸². Таким образом, с точки зрения объема и условий реального кредитования страны Советским Союзом Польша находилась в весьма привилегированном положении.

В октябре того же года в аппарате Совета министров СССР была подготовлена «Справка по вопросу, затронутому в записке, составленной польскими организациями для тов. Охаба касательно поставки угля из Польши в СССР по льготным ценам»⁸³, которая сразу же дала импульс для дальнейших обсуждений экономических отношений между двумя странами и для принятия ими ответственных решений. Правда, немаловажно, что в октябре 1956 г., когда внутривластная борьба в ПОРП достигла наивысшей точки, экономические проблемы Польши, включая и отношения по народнохозяйственным вопросам с СССР, оставались на втором пла-

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 431.

⁸² Там же. С. 432.

⁸³ Текст справки см.: ААН. PZPR. KC. Sygn. XIA/71. Т. II. К. 297–303. Ротапринт на русском языке. Без даты и подписи. См. тот же самый документ с пометами и подчеркиваниями, принадлежащий Э. Ширу: ADH PRL. Kolekcja E. Szyra. Sygn. III/3с. К. 30–36.

не и использовались Гомулкой и его сторонниками либо как повод для нападков на своих политических противников, либо как обоснование необходимости и возможности восстановления польского суверенитета в рамках социалистического лагеря и союзнических взаимоотношений с СССР.

13 октября Президиум ЦК КПСС утвердил проект инструкций, в том числе и по экономическим вопросам, для советского посла в Польше П.К. Пономаренко. Он был, в частности, уполномочен вручить текст упомянутой справки польскому руководству⁸⁴. Было ли это сделано – тому нет никаких документальных подтверждений. Впрочем, это не имело существенного значения, так как Польша была уже охвачена политическим кризисом. Однако в этих инструкциях едва ли получила отражение реакция советских верхов на выступление В. Гомулки накануне, 12 октября, на заседании Политбюро ЦК ПОРП.

Осенью 1956 г. в Польше в обстановке массовых демонстраций в университетских городах, острых противоречий в правящей партии между сторонниками и противниками общественно-политических реформ состоялся 19–21 октября VIII пленум ЦК ПОРП, ознаменовавший, как теперь представляется, высшую фазу развития кризиса. В этот короткий, но крайне напряженный трехдневный период произошли события, определившие последующее социальное и политическое развитие Польши на ближайшие три десятка лет.

19 октября в Бельведере, резиденции председателя Государственного совета ПНР, состоялась встреча делегаций Политбюро ЦК ПОРП и Президиума ЦК КПСС. Встреча была весьма нежелательна для польской стороны. Фактически делегация руководителей СССР (Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, В.М. Молотов и Л.М. Каганович) появилась в Варшаве без официального приглашения, что крайне нервировало хозяев, ибо подливало масло в огонь антисоветских настроений и общественного недовольства в стране, а также обоснованно вызывало опасение в руководстве ПОРП, что прибывшие советские товарищи вмешаются в польские внутривнутрипартийные схватки, став на сторону одной из группировок.

Проблемы экономических взаимоотношений СССР и ПНР во время бельведерской «дискуссии» между руководителями КПСС и ПОРП занимали подчиненное положение. В центре внимания участников встречи находились вопросы политические – прежде всего

⁸⁴ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 67. Л. 38–45.

и главным образом, причины и следствия имевшего место охлаждения польско-советских отношений. А.И. Микоян по поручению делегации Президиума ЦК КПСС заявил: «Экономически нам от Польши ничего не нужно. Еще в 1953 г. мы по своей инициативе отменили заниженные цены на поставляемый Польшей уголь, а теперь этот вопрос поднимается вновь». Это заявление было сделано в опровержение распространявшихся в польском обществе толков о том, что якобы Советский Союз обирал Польшу точно так же, как немецкие оккупанты в годы войны. В течение 1956 г., продолжал Микоян, «вы дважды просили помочь вам хлебом и кредитами. Мы вам помогли, а вы сократили поставки угля. Несмотря на это, мы не уменьшили поставок руды и хлопка, хотя нам самим не хватает. Мы дали согласие на сокращение поставок угля на будущий год. Начиная с 1959 года мы не будем от вас брать ни одного килограмма угля»⁸⁵.

В ответ прозвучала реплика В. Гомулки: «Экономическое положение Польши связано с торговым обменом. Буржуазные элементы говорят, что СССР берет польский уголь в порядке репараций, и нас люди спрашивали об этом, а мы не отвечали. Это – одна из причин усиления антисоветских настроений в Польше»⁸⁶. На этом, собственно, и завершился обмен мнениями по актуальным экономическим проблемам. Вновь к ним вернулись менее чем через месяц. Правда, «угольная тема» в дальнейшем разговоре возникала еще трижды, но ничего принципиально нового к уже сказанному добавлено не было.

20 октября на VIII пленуме ЦК ПОРП В. Гомулка выступил с программной речью, обрисовав положение в стране и меры, которые, по его мнению, обязаны были предпринять партия и правительство, чтобы выйти из политического кризиса. Упоминания конкретных проблем экономических отношений ПНР и СССР в его речи отсутствовали.

21 октября, в последний день работы пленума, В. Гомулка подавляющим большинством голосов был избран первым секретарем ЦК ПОРП, в новый состав Политбюро и Центрального Комитета пришли его сторонники. Перемены в руководстве партии и страны были с одобрением восприняты в обществе. Все это означало, что Народная Польша вступала в новый период своей истории.

⁸⁵ См.: Орехов А.М. Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.) // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 467.

⁸⁶ Там же. С. 472.

5. Возвращение Владыслава Гомулки к власти. Новый курс руководства ПОРП в вопросах экономического сотрудничества с СССР

Пока на пленуме ЦК ПОРП его участники обсуждали политическое положение в стране, противостояние в партийной элите и перспективы польско-советских межгосударственных отношений, резко обострилась политическая ситуация в Венгрии. Предвестником венгерского кризиса стал раскол молодежного движения и возрождение по инициативе венгерских студенческих активистов 16 октября 1956 г. существовавшего еще до Второй мировой войны Союза студентов венгерских университетов и академий. 23 октября советский посол в Венгрии Ю.В. Андропов доносил в Москву, что студенческое движение «провоцирует перенесение борьбы на улицу». В обстановке массовых политических демонстраций 23 октября главой правительства Венгрии был назначен Имре Надь. В тот же день первый секретарь ЦК ВКП Эрнё Герё в телефонном разговоре с Москвой поставил вопрос о введении в страну советских войск. На следующий день эта просьба была повторена официально, и уже 24 октября в Будапешт вступил ограниченный контингент Советской армии⁸⁷. 25 октября в условиях продолжавшихся демонстраций и террористических актов в отношении сотрудников венгерской госбезопасности в столице произошли столкновения вооруженных повстанческих групп с силами безопасности и правительственными войсками, на помощь которым пришли подразделения Советской армии. Бои в Будапеште продолжались. В этих условиях СССР пошел на усиление военной интервенции в Венгрии, где боевые действия завершились только в начале ноября 1956 г.

События в Венгрии разворачивались на фоне международного конфликта на Ближнем Востоке, где разразился Суэцкий кризис, вылившийся в начавшуюся 29 октября войну Англии, Франции и Израиля против Египта, в защиту которого выступила советская дипломатия. Все эти события грозили началом новой мировой войны и применением ядерного оружия. Правда, правительствам СССР и США совместными усилиями удалось избежать катастрофы и сохранить мир, что в дальнейшем расценивалось правящими кругами СССР как свидетельство обоснованности политических

⁸⁷ Силы Отдельного корпуса Советской армии составили 6 тыс. чел. и 290 танков.

установок XX съезда КПСС на мирное сосуществование государств с различным общественным строем и вывода о возможности предотвращения мировых войн. Однако в тот период, в октябре – ноябре 1956 г., международное положение СССР и его союзников по Варшавскому договору выглядело критическим. Москва столкнулась с резкой критикой в ООН. Страны социалистического лагеря были окружены по периметру своих границ, от Центральной Европы до Дальнего Востока, возглавляемыми США военными блоками и американскими военными базами. Заявленная готовность советского правительства к решительному военному ответу на вызов Запада в условиях ядерного противостояния США и СССР грозила мировой катастрофой.

Описанную ситуацию октября – ноября 1956 г. следует принимать во внимание и с военно-политической точки зрения, рассматривая вопросы экономического сотрудничества социалистических стран, СССР и Народной Польши в конце 1956 г. Еще во время работы VIII Пленума ЦК ПОРП правительством ПНР было подготовлено письмо на имя председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, подписанное 22 октября Ю. Циранкевичем. В нем содержалась просьба о помощи зерном (900 тыс. т). Из Москвы поступил ответ: «Исходя из дружественных отношений между нашими государствами, советское правительство сообщает о своем положительном отношении к Вашему предложению о поставке зерна и об условиях этой поставки». И далее: «В порядке предварительном (имелась в виду предстоящая встреча партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР в Москве в середине ноября 1956 г. – А.О.) хотел бы обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство: Вы пишете, что Польша нуждается в импорте 1 миллиона т зерна, однако просите у Советского Союза 900 тыс. т, полагая остальные 100 тыс. т получить из стран народной демократии. Судя по сообщениям правительств стран нар[одной] демократии, у них в этом году, по всем данным, не будет возможности экспорта зерна». Учитывая последнее, советское правительство выразило готовность рассмотреть вопрос о поставке не 900 тыс., а 1 млн т зерна из СССР в Польшу⁸⁸.

Это решение вытекало из постановления ЦК КПСС, принятого еще 1 октября 1956 г., «О поставке зерна из СССР в Польшу»⁸⁹.

⁸⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 134. Л. 108.

⁸⁹ Там же. Л. 109–113.

Однако 10 ноября на заседании советского высшего политического руководства неожиданно было принято противоположное решение с формулировкой «Снять вопрос»⁹⁰. На заседании выступили А.И. Микоян и Н.С. Хрущев. Первый, как следует думать, обосновал причину «снятия вопроса», второй сформулировал решение⁹¹. Не располагая конкретными материалами, можно предположить, что такой поворот был связан с драматическими событиями в Венгрии.

Кризис 1956 г. в Польше и потрясения, выпавшие тогда на долю других социалистических стран, повлекли за собой сокращение объемов народнохозяйственного сотрудничества. Однако, что весьма важно, это не повлекло за собой сворачивания структур, обеспечивавших взаимодействие, прежде всего в технологически наиболее передовых областях. Так, 23 октября 1956 г. торговый советник польского посольства в Москве Б. Додзюк по поручению своего правительства обратился в Главное управление по экономическим связям со странами народной демократии со следующей просьбой: «Учитывая тяжелое положение народного хозяйства Польши, правительство Польской Народной Республики приняло решение об ограничении объема строительства Люблинского завода грузовых автомобилей в текущем пятилетии». Автор письма просил советскую сторону о согласии «на прекращение проектных работ, если это не будет идти вразрез с техническими соображениями», и «на прекращение поставок оборудования для механосборочного корпуса и прессового цеха» Люблинского автомобильного завода. Польская сторона гарантировала возмещение всех расходов, связанных с указанными мероприятиями⁹². При этом речь шла не об отказе от развития автомобилестроительной отрасли в Польше, а только о «приостановке» осуществления соответствующих планов в текущей пятилетке.

После того как высшая точка политического кризиса 1956 г. была пройдена, настало время принципиального рассмотрения стратегии советско-польского народнохозяйственного сотрудничества, что и произошло на состоявшихся в конце ноября в Москве советско-польских межгосударственных переговорах. Их особую важность должен был подчеркнуть приданный им высокий *межгосударственный* статус, что, несомненно, являлось новшеством не

⁹⁰ Там же. Д. 138. Л. 66.

⁹¹ Там же. Оп. 14. Д. 75. Л. 3.

⁹² РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 36. Л. 81.

только в практике, но и в международно-правовом оформлении отношений СССР с другими социалистическими странами.

Польская делегация во главе с В. Гомулкой отправилась в Москву достаточно подготовленной. Документы, необходимые для обсуждения с советской стороной, глубоко прорабатывались в Варшаве и в обязательном порядке редактировались лично первым секретарем ЦК ПОРП. В узком кругу государственных и партийных деятелей, непосредственно привлеченных к подготовке переговоров, крепла надежда на успех. Общественность Польши также с нетерпением готовилась к визиту польской делегации в советскую столицу. 11 ноября 1956 г. студенческий еженедельник «По prostu» напутствовал делегацию передовой статьей «Патриотизм и экономика», где говорилось: «Неправильный характер наших торговых отношений со странами социалистического лагеря был понят польским обществом тем более болезненно и горько, что в его сознании еще прочно сохраняется память о практике немецких оккупантов, забиравших большинство продуктов труда рабочего и крестьянина»⁹³. Что имел в виду редакционный коллектив молодых журналистов, зарекомендовавших себя в Польше смелой постановкой актуальных общественно-политических проблем? В прозвучавшем со страниц популярного еженедельника утверждении содержался намек на имевший хождение в польском обществе стереотип негативного восприятия польско-советских отношений послевоенного периода как неравноправных, невыгодных для Польши, ущемляющих ее национальную независимость. Проявление суверенности нации как совокупности народа и государства журналисты «По prostu» видели в прямой зависимости от материальных условий жизни населения, полагая, однако, что политические проблемы, самые важные в тот момент в межгосударственных отношениях Польши и Советского Союза, не могут разрешаться изолированно от экономических отношений двух соседних стран. Принимали ли во внимание авторы упомянутой передовой статьи, что Советский Союз и Польша являются ближайшими союзниками и стержневой осью Организации Варшавского договора? Ответ на этот вопрос остается предметом гадания между строк. Вместе с тем позиция еженедельника, будучи, разумеется, частным случаем, отразила весьма характерную тенденцию в общественном сознании (преимущественно в молодежной среде) европейских социалисти-

⁹³ Po prostu. 1956. 11 listopada.

ческих стран середины и второй половины 1950-х гг.: ощущение, что идейная мотивированность общественной деятельности постепенно уступает место этике материального достатка. При этом трудности повседневной жизни поляков весьма прозрачно увязывались журналистами с «неправильным характером торговых отношений ПНР со странами социалистического лагеря».

Правительственная делегация направилась в Москву 14 ноября 1956 г., вскоре после празднования в советской столице годовщины Октябрьской революции. Возглавляли делегацию В. Гомулка, Ю. Циранкевич, А. Завадский и Ст. Ендрыховский, которых сопровождали советники М. Верна, Э. Шир, председатель Польского национального банка В. Тромпчиньский, генеральный директор Министерства финансов Г. Котлицкий. В Москве к ним присоединился эксперт по военным вопросам Т. Пюро, представлявший Министерство обороны ПНР в советской столице⁹⁴. Персональный состав делегации позволяет сделать вывод, что на переговорах основными для рассмотрения были накопившиеся экономические сюжеты. Между тем надо подчеркнуть, что за их разрешением стояло содержание новых политических отношений двух стран.

Утром 15 ноября на Белорусском вокзале в Москве поляков приветствовала возглавляемая Н.С. Хрущевым советская делегация: Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, советники И.Г. Кабанов, К.И. Коваль, А.Г. Зверев, Б.П. Бещев, Г.К. Жуков, А.И. Антонов. Церемония встречи призвана была подчеркнуть высокий межгосударственный статус визита. Польских гостей разместили в особняках МИД СССР в Еропкинском и Померанцевом переулках, и уже в 15.30 состоялась вступительная часть переговоров – прием в Кремле у председателя Президиума Верховного Совета СССР⁹⁵, в 18.00 советская и польская делегации встретились для обсуждения окончательного плана предстоявшей работы.

Официальный протокол переговоров пока не доступен исследователям. Предположительно, он хранится либо в Архиве Прези-

⁹⁴ *Pióro T. Armia ze skazą. Warszawa, 2002. S. 254–257.*

⁹⁵ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 142. Л. 28–30; ADN PRL. Kolekcja E. Szyga. Sygn. III/3. K. 1. По непонятным причинам первая страница этого документа, содержащая значимую информацию, не вошла в известную публикацию Э. Шира (*Dziś. 1993. № 7. S. 78*). Повторно та же работа опубликована 13 лет спустя (*Dziś. 2006. № 11. S. 161*).

дента Российской Федерации, либо среди материалов Президиума Верховного Совета СССР, а может быть – в архиве Совета министров СССР. К данной работе привлечена неофициальная запись хода переговоров, выполненная переводчицей польской делегации⁹⁶. Этот документ содержит ценные сведения относительно порядка работы и содержания тех или иных вопросов, поставленных в ходе переговоров. Как пишет первый публикатор и комментатор документа Э. Шир (он же – участник переговоров), в общей оценке их итогов на первый план следует поставить «достижение, по крайней мере на тогдашнем этапе, совпадения взглядов по вопросам суверенитета и равенства прав в польско-советских отношениях»⁹⁷.

Как показывает анализ текста протокола, из пятнадцати статей документа не менее одиннадцати непосредственно касались экономических и финансовых вопросов. В своей совокупности ноябрьские переговоры можно условно назвать дискуссией о том, сколь важную роль играют экономические проблемы в государственной политике и как они обуславливают друг друга. Переговоры шли напряженно, иной раз в не лишенных элементарной демагогии спорах, желании без достаточных оснований доказать свою правоту в ходе обсуждения того или иного вопроса. Все это довольно живо напоминало атмосферу дискуссии в Бельведере почти месячной давности.

В основном разделе протокола (статья 1-я) констатировалось, что «обе стороны, исходя из взаимных интересов, согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 года по использованным суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом Польше (за исключением задолженности по кредиту по Соглашению от 3 ноября 1955 года) в оплату полной стоимости угля по соответствующим мировым ценам, поставленного из Польши в СССР в 1946–1953 годах в соответствии с Соглашением от 16 августа 1945 года и Протоколом к нему от 5 марта 1947 года»⁹⁸.

Таким образом, Советский Союз согласился списать задолженность по кредитам, предоставленным Польше в период восстановления народного хозяйства и в годы 6-летнего плана, за исключением кредита, предоставленного в текущей пятилетке. По вопросу экспорта польского угля из Польши в СССР было констатировано,

⁹⁶ Dziś. 2006. № 11. S. 155, 161–175.

⁹⁷ Ibidem. S. 161.

⁹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 142. Л. 11.

что поставки «по специальным ценам» ограничивались 1953 г., что даже в этом случае польская сторона поставила угля меньше, чем было предусмотрено и компенсировано встречными товарными поставками, вследствие чего возникла польская задолженность советской стороне. Эта констатация имеет большое значение, так как подтверждает вывод о том, что товарообмен между Польшей и СССР носил эквивалентный характер и даже льготный для польской стороны. Тем не менее и эта задолженность ПНР была списана. В протоколе подтверждалось также, что впредь поставки угля будут осуществляться по мировым ценам, правда, не оговаривалось, будут ли пересмотрены «специальные цены» встречных советских поставок. Таким образом, создавалось впечатление, будто в решении вопроса об угле «по специальным ценам» наконец-то будет поставлена точка.

С этим же кругом вопросов и в известной мере с угольной проблематикой была связана статья 6-я протокола, в которой говорилось, что представители Советского Союза и Польши «на основе имеющихся документов о ежегодных поставках в счет репараций подпишут заключительный Протокол о произведенных поставках Польской Народной Республике в счет ее доли репараций с Германии, определенной Советско-Польским Соглашением от 16 августа 1945 года и Протоколом от 5 марта 1947 года к указанному Соглашению»⁹⁹.

К экономической тематике относилась и статья 12-я протокола о согласии Советского Союза поставить своему западному соседу в 1957 г. 1 400 тыс. т зерна. То есть по сравнению с первым послевоенным десятилетием, когда ежегодные советские поставки зерна в Польшу составляли примерно 200 тыс. т, согласованный объем поставок на 1957 г. был увеличен в 7 раз. В полтора раза он возрос даже по сравнению с тем объемом, который был предметом обсуждения всего месяц назад, в октябре 1956 г. В этом случае советская позиция явно свидетельствовала о том, насколько высоко расценивалась в Москве наметившаяся политическая стабилизация в Польше.

13-я статья протокола предусматривала предоставление ПНР кредита в сумме 700 млн руб. из 2% годовых для оплаты товаров, которые поступят из Польши в СССР. В итоге 14-я статья устанавливала, «что поставка зерна из СССР в ПНР, так же как и поставки

⁹⁹ Там же. Л. 13.

угля из ПНР в СССР, будут осуществляться на базе мировых цен, т. е. на базе, на которой осуществляется вся внешняя торговля между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, исходя из принципов взаимной выгоды»¹⁰⁰.

В протоколе были зафиксированы результаты обсуждения и ряда иных народнохозяйственных вопросов и других актуальных проблем советско-польских отношений. Было решено продлить репатриацию поляков и других лиц, имевших польское гражданство или проживавших на польской территории до начала Второй мировой войны. Был установлен порядок обеспечения размещенных в ПНР в рамках Организации Варшавского договора советских войск. Причем статус советских войск в Польше предстояло определить особым соглашением. Протокол также предусматривал согласованные условия транзита через территорию Польши грузов, направляемых из СССР в Германию и обратно. Все эти соглашения, несомненно, имели важное значение для советско-польских двусторонних отношений, но одновременно требовали серьезной проработки документов на подготовительной стадии.

После напряженного периода 1956 г. ноябрьский визит польских руководителей и московские переговоры продвинули вперед двустороннее налаживание отношений СССР и Польши. Польская делегация по завершении своей миссии возвращалась на родину с чувством исполненного долга, на каждой остановке поезда ее встречали цветами, рукоплесканиями, спонтанными выступлениями и выражениями народной признательности новому руководителю ПОРП. Несомненно, это был триумф В. Гомулки как лидера правящей партии и Польши. Его личный авторитет оценивался в стране необычайно высоко. В глазах польской общественности он отстаивал понятные каждому патриотически настроенному поляку национальные интересы Польши и добился на этом поприще впечатляющего успеха¹⁰¹.

20 ноября Сейм ПНР заслушал информацию главы правительства Ю. Циранкевича об итогах кремлевских переговоров. Обращаясь к национальным чувствам польского народа, он чрезвычайно высоко оценил это событие, подчеркнул оказанную советской стороной реальную материальную помощь Польше для преодоле-

¹⁰⁰ Там же. Л. 15.

¹⁰¹ См.: Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 230.

ния экономических трудностей, заявил, кроме того, что вопрос о дальнейшем пребывании советских войск на польской территории пока сохраняет свою актуальность¹⁰². Имелось в виду непризнание польской границы по Одеру и Нейсе (по Одре и Нысе) со стороны ФРГ. Циранкевич свидетельствовал, что «московские переговоры протекали в духе взаимопонимания и равенства сторон и польская программа, провозглашенная на VIII Пленуме, получила одобрение со стороны советских руководителей». Таким образом, он акцентировал внимание на том, что с советской стороны В. Гомулка и его сторонники в ПОРП получили полную политическую поддержку, как и новый курс правящей партии на поддержание суверенитета ПНР в отношениях с СССР и в рамках социалистического лагеря.

Циранкевич сказал далее об урегулировании экономических отношений и финансовых расчетов между Варшавой и Москвой. Эти решения, по его словам, явились переломным моментом в развитии взаимоотношений и экономического сотрудничества, «основанных теперь на принципах равенства и уважения суверенитета каждой страны». Кроме того, премьер-министр говорил об экономической помощи Советского Союза, «выразившейся в предоставлении Польше кредита и поставке зерна»¹⁰³.

Эти же тезисы, выдвинутые в Сейме, были положены в основу интервью Ю. Циранкевича, опубликованного в издававшейся в г. Катовице газете «Трыбуна роботнича», в котором премьер-министр специально для рабочих разъяснил суть «угольной проблемы», как она понималась польской стороной¹⁰⁴, подчеркнув, что впредь вопрос о ценах на уголь будет решаться на взаимовыгодной основе, а это в свою очередь должно позитивно сказаться как на работе соответствующих отраслей народного хозяйства, так и на условиях труда и жизни рабочих. 23 ноября состоялось совещание первых секретарей воеводских комитетов и руководителей отделов ЦК ПОРП, на котором рассматривались задачи партийных организаций по подготовке к выборам в Сейм второго созыва. В ходе избирательной кампании рассматривались и обсуждались и такие

¹⁰² Trybuna ludu. 1956. 21 listopada.

¹⁰³ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 1637. Л. 17–18. «Информация о работе X сессии Сейма ПНР» неизвестного автора.

¹⁰⁴ Цит. по: Развитие экономических отношений между европейскими странами народной демократии и Советским Союзом // Коммунист. 1957. № 1. С. 106.

вопросы, как отношение польского населения к «угольной проблеме» и советским военнослужащим в Польше¹⁰⁵.

Однако проявления всеобщего торжества и радужных надежд отнюдь не свидетельствовали об устранении всех трудностей и недопонимания, сопровождавших дальнейшее развитие советско-польских взаимоотношений, экономических в том числе. Фигурально выражаясь, едва поднявшись из-за стола переговоров в Кремле, польская делегация, точнее та ее часть, которая вплотную занималась экономическими проблемами, принялась размышлять над тем, какую еще выгоду для Польши можно извлечь, используя благоприятную ситуацию.

6. Экономические отношения ПНР и СССР и кризис 1956 г. в Польше

Кризис 1956 г. в Польше и в целом в социалистическом лагере существенно отразился на характере советско-польских народнохозяйственных связей. Однако проявившиеся в этой области тенденции носили достаточно противоречивый характер.

Во-первых, это касается оценки экономического положения ПНР в 1956 г. Если исходить из высказываний польских руководителей и общественных настроений того времени, то состояние польского народного хозяйства выглядело катастрофически. В дальнейшем это мнение закрепилось в оппозиционной властям публицистике и мемуарной литературе, что в целом легло в основу господствующей точки зрения в новейшей историографии. Однако объективные данные не подтверждают такого мнения. Разумеется, итоговые показатели 6-летнего плана существенно отставали от плановых заданий. Как уже говорилось, план предусматривал рост промышленной продукции на 159% (в действительности рост составил 80–90%), в сельском хозяйстве – на 50–60% (в действительности – около 18%). То есть в пересчете на год рост по промышленности составил 13–15%, по сельскому хозяйству – около 3%, что с экономической точки зрения можно охарактеризовать как высокие достижения в промышленности и приемлемые – применительно к сельскому хозяйству. Это как с точки зрения результата, так и долговременной тенденции вполне соответствовало показателям других европейских стран.

¹⁰⁵ См.: AAN. PZPR. KC. Sygn. 237/V–244.

Развитие промышленного производства в Польше и в ряде других стран Европы в 1950–1990 гг.¹⁰⁶
(в % к 1963 г. – 100%)

	1950 г.	1960 г.	Прирост в среднем за год 1950–1960 гг. в %	1970 г.	1980 г.	1990 г.
Польша	23	79	5,6	175	345	279
Чехословакия	31	87	5,6	154	268	322
ГДР	29	85	5,6	155	268	–
Франция	45	85	4,0	145	197	225

Из данных таблицы следует, что во второй половине 1950-х гг. темпы прироста промышленного производства в Польше в сравнении с предшествовавшим пятилетием несколько снизились, однако они были достигнуты от более высокого уровня, что чисто статистически ведет к снижению относительного показателя, и, главное, не указывает на существование промышленной рецессии.

К аналогичному заключению приводит и сопоставление важнейших показателей по отдельным ключевым отраслям промышленности.

Выплавка стали (в млн т)¹⁰⁷

Годы \ Страны	1950 г.	1970 г.	1990 г.
Польша	2,5	11,8	13,6
Чехословакия	3,1	11,5	8,0
ГДР	1,3	5,4	–
Франция	8,7	23,8	19,0

¹⁰⁶ Historia Polski w liczbach. Т. 3. S. 324.

¹⁰⁷ Ibidem. S. 338.

Выработка электроэнергии (в млрд квт/ч)¹⁰⁸

Годы \ Страны	1950	1970	1990
Польша	9,4	64,5	136,0
Чехословакия	9,3	45,2	86,1
ГДР	19,5	67,7	–

Об этом же свидетельствуют данные по производству важнейших видов промышленной продукции. При этом можно также указать на опережающий рост производства стали и кокса по сравнению с темпами роста добычи угля, что свидетельствует о повышении эффективности и о росте производительности труда в металлургии. Эти данные могут также служить доказательством того, что экономические проблемы Народной Польши не были непосредственно обусловлены экономическим кризисом, который всегда сопровождается падением уровня производительности труда. Опираясь на данные новейших (2000-х годов) статистических публикаций по истории народного хозяйства Польши, можно говорить о выраженных кризисных явлениях в промышленности и в экономике в целом только начиная с рубежа 1970–1980-х гг.

Производство важнейших видов промышленной продукции 1946–1999 гг.¹⁰⁹

Виды продукции	1946 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1999 г.
Каменный уголь (млн т)	447,3	778,0	1104	1140	1193	1148	1112
Кокс (млн т)	33,6	66,0	111,9	116,5	119,8	113,7	88,5
Сталь (тыс. т)	11 219	22 515	66 681	111 795	119 485	113 625	88 853
Серная кислота (тыс. т)	1124	2285	6685	11 901	33 019	11 721	11 482
Химические волокна (тыс. т)	88,7	224,8	777,8	1138	2256	1150	888,5

¹⁰⁸ Ibidem. S. 361.

¹⁰⁹ Historia Polski w liczbach. T. 2. Gospodarka. Warszawa, 2006. S. 455–459.

В отличие от промышленности, наиболее серьезные трудности в народном хозяйстве ПНР в середине 1950-х гг. проявились именно в аграрном секторе, что стало предметом наиболее острой критики в адрес партийного и государственного руководства и ожесточенных споров в правящих верхах. В известной мере объективно оценить состояние польского сельского хозяйства позволяет его сопоставление с аграрным сектором соседней Чехословакии. Важнейшим интегральным показателем развития сельского хозяйства является динамика используемого земельного фонда сельскохозяйственного назначения.

Землепользование в ПНР и в Чехословакии

(Площадь земель сельскохозяйственного использования в отношении к земельному фонду страны в целом в %) ¹¹⁰

	Годы	Всего	В том числе сельскохозяйственного использования	В том числе	
				Посевные площади	Луга и пастбища
Польша	1931	100	67,5	49,0	18,5
	1960	100	65,5	52,0	13,5
	1990	100	59,9	46,9	13,0
Чехословакия	1960	100	57,3	40,1	14,9
	1990	100	52,7	39,2	12,6

Сокращение аграрного земельного фонда свидетельствует об упадке сельского хозяйства вследствие либо ускоренного индустриального развития (пролетаризации крестьянского населения), либо существенных негативных социальных факторов (войн, массовых миграций и т.п.). В отдельных частных случаях, например, вблизи больших городов или в ходе реализации крупных инфраструктурных проектов, такое сокращение может быть компенсировано за счет интенсификации хозяйственной деятельности. Однако в общенациональном масштабе подобного рода модель исключается в принципе и применима только к небольшим странам или только к отдельным районам с крайне специфической ситуацией с земельными ресурсами. Правда, и тут относительное аграрное перенаселение компенсируется за счет перенесения производства

¹¹⁰ Historia Polski w liczbach. T. 3. S. 223.

на территорию других стран или регионов, что позволяет восстановить нарушенный баланс землепользования.

Что касается Польши и Чехословакии, то в 1950–1960-х гг. сокращения доли земель, используемых в аграрном производстве, явно не наблюдалось даже в сравнении с кануном Второй мировой войны, когда в состав польской территории входили преимущественно аграрные области на востоке страны. Поэтому нет никаких оснований говорить об упадке сельского хозяйства названных стран под влиянием аграрной политики установленных после Второй мировой войны правящих режимов. Разумеется, опережающие темпы индустриального развития, административное насаждение социалистических форм хозяйствования на земле и т.д. не могли не сказаться на положении крестьянства Польши и Чехословакии, однако в обеих странах сохранялся уверенный рост аграрного производства, хотя в Польше он был невелик.

Принципиальные отличия в сельском хозяйстве Польши и Чехословакии проявились в структуре собственности. Если в Польше на долю обобщественных хозяйств в 1960 г. приходилась примерно только 1/5 сельскохозяйственных земель, то в Чехословакии она превышала 90%.

Количество земли в обобщественных хозяйствах и госхозах в Польше и Чехословакии (в % к общему объему земель сельскохозяйственного использования)¹¹¹

Страны	Формы хозяйств	1960 г.	1988 г.
Польша	Всего в обобщественных хозяйствах	22,8	18,8
	В том числе в госхозах	13,1	4,0
Чехословакия	Всего в обобщественных хозяйствах	93,9	63,6
	В том числе в госхозах	88,0	30,3

Как уже было отмечено, руководство ПОРП на рубеже 1940–1950-х гг. отказалось от политики «коллективизации» по советскому образцу, взяв курс на развитие малых крестьянских хозяйств. Поэтому за все годы существования ПНР те решительно преобладали в аграрном секторе экономики страны. Для них были характерны низкая производительность труда и низкая товар-

¹¹¹ Ibidem. S. 228.

ность, что в совокупности давало невысокую долю прибавочного продукта. Интегрированным показателем такого положения является применение в сельском хозяйстве передовой техники. Так, в 1960 г. в Польше 1 сельскохозяйственный комбайн приходился на 2833 га обрабатываемых площадей, в то время как в Чехословакии – на 394 га, в ГДР – на 362 га¹¹².

Таким образом, из приведенных материалов следует, что главной причиной экономических трудностей в ПНР в 1950-е годы была низкая товарность, низкая техническая вооруженность и низкая производительность труда в сельском хозяйстве, что косвенно признается и современными польскими исследователями. То есть наблюдалась ситуация, в известной степени аналогичная положению в аграрном секторе СССР во второй половине 1920-х гг., выход из которой тогда сталинское руководство нашло на пути так называемой «сплошной коллективизации» сельского хозяйства. Власти ПНР, учитывая негативный опыт Советского Союза и настроения в польском обществе, отказались от массовой «коллективизации», желая избежать ее социальных и политических последствий. Учитывалась также опасность разрыва с Крестьянской партией, которая являлась важным звеном политической системы народной демократии в Польше. Специфика аграрного развития ПНР была одной из существенных особенностей «польского пути к социализму», сторонником и проводником которого выступал В. Гомулка.

Однако отказ от «коллективизации» не означал для руководства ПНР освобождения от необходимости изыскания средств для поддержания баланса между промышленными и аграрными секторами польской экономики. Эти средства были получены на пути развития экономического сотрудничества с СССР, когда, начиная со второй половины 1950-х гг., поставки советской аграрной продукции в Польшу возросли многократно. С советской стороны создавалось впечатление, что якобы колхозы и совхозы СССР «кормили» Польшу, общественность которой категорически протестовала против их существования на польской земле. С этим упрощенным представлением нельзя не считаться, тем более что за ним было скрыто гораздо более существенное явление. На приведенное мнение можно было бы возразить, что советские поставки в Польшу не были безвозмездны, что они были составной частью общего баланса экономического, политического и военного взаимодействия между двумя странами. Поэтому упреки в «неэквивалентности» взаи-

¹¹² Ibidem. S. 296.

моотношений в равной мере надуманны и необоснованны как с польской, так и с российской (советской) стороны.

Для экономических отношений Польши и СССР важно в этом случае другое: в современном обществе, основу экономики которого составляет крупная промышленность, так называемый «малый бизнес» выступает только придатком последней, способом доведения ее продукции до конечного потребителя, и не более этого. В свою очередь, для поддержания баланса между промышленным и аграрным подразделениями народного хозяйства крупной промышленности должно соответствовать крупное («индустриализированное») сельское хозяйство. В экономических взаимоотношениях Народной Польши и СССР крупное советское сельское хозяйство (колхозы и совхозы) дополнительно обеспечивало указанный баланс между промышленностью и аграрным подразделением экономики ПНР. Это позволяет заключить, что уже в рассматриваемый период, а именно в 1950-е гг., сложились фундаментальные предпосылки для формирования единого народнохозяйственного комплекса СССР и Народной Польши, который послужил примером для всего лагеря стран народной демократии.

Второй важнейшей особенностью экономических отношений СССР и Народной Польши в середине 1950-х гг. стала «угольная проблема», которая в действительности выходила далеко за рамки собственно вопроса о поставках польского угля в СССР, Чехословакию и ГДР. В период кризиса 1956 г. она приобрела политическое звучание, когда В. Гомулка, правда, ссылаясь на «происки враждебных сил», демагогически обвинил советское руководство в экономической эксплуатации Польши путем неэквивалентного по стоимости товарообмена и даже в стремлении получить с нее «контрибуцию» якобы за освобождение от фашистской оккупации в годы войны.

Возможные противоречия в области советско-польского товарообмена вполне могли быть урегулированы в рамках действовавших цен путем сбалансирования объемов встречных товарных поставок, как это делалось ранее, как это было сделано в 1953 г. и как не раз делалось впоследствии, вплоть до конца 1980-х годов. Из этого следует, что существо разногласий и цель выдвинутых польской стороной обвинений состояли в ином.

Для понимания сути проблемы следует вернуться к выдвинутой на XX съезде КПСС обновленной концепции «мирного сосуществования», из которой следовало, что страны социалистического

лагеря намерены развивать экономическое сотрудничество с капиталистическим миром, включиться в международное разделение труда и мировой рынок. Именно в этот период получает развитие концепция, согласно которой социалистическая система хозяйства, в отличие от сталинских представлений, являет собой социально обособленную часть мировой системы хозяйства, а последняя основывается на законе стоимости. Следовательно, закон стоимости (хотя и ограниченно) должен применяться и в отношениях между социалистическими странами (странами народной демократии). Поэтому, поднимая вопрос об экономически обоснованных ценах в отношениях с СССР, В. Гомулка и польское правительство рассчитывали обеспечить не только более выгодные условия для развития угольной отрасли в своей стране, но и стремились, с одной стороны, в большей степени согласовать развитие польского народного хозяйства с тенденциями развития мирового рынка, а с другой – укрепить народнохозяйственные основы суверенитета Польши в рамках социалистического лагеря.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПНР И СССР В ПЕРИОД ПОСТКРИЗИСНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ (КОНЕЦ 1956 – 1957 г.)

1. На пути к политической стабильности

По прошествии более двух лет после ноябрьских событий 1956 г. В. Гомулка, оценивая на III съезде ПОРП весной 1959 г. общественные потрясения кризисного 1956 г., говорил, что «VIII пленум ЦК положил конец временному, но серьезному политическому кризису в партии и в обществе. Этот кризис, – по его словам, – выразился в недовольстве части рабочего класса и в продолжавшейся несколько месяцев неспособности руководящих органов партии вести единую и последовательную работу [...]»¹ Очевидно, что, говоря о преодолении кризиса, первый секретарь имел в виду прежде всего восстановление единства правящей партии и возрождение способности ПОРП на деле осуществлять свою руководящую роль в стране и в обществе. Однако для стабилизации политического положения и народного хозяйства ПНР предстояло проделать немалую работу.

В конце 1956 и в 1957 гг. в Польше еще вспыхивали спорадические волнения, антиправительственные и антисоветские выступления (в Плоцке – 11 ноября, в Быдгощи – 18 ноября, в Щецине – 10 декабря 1956 г.²), продолжалась публичная агитация антиправительственных сил. Материальные трудности повседневной жизни вызывали недовольство большинства польского населения, а протестные акции с трудом сдерживались властями. И после подавления волнений 1956 г. рабочие промышленных предприятий решались на выступления, на перерывы в работе, на забастовки и другие проявления недовольства. По неполным данным, только с марта до середины октября 1957 г. имели место более 70 забастовок. Самая крупная забастовка состоялась 12–14 августа в трамвайных парках Лодзи. В ответ 16 августа 1957 г. Совет министров ПНР принял по-

¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 666.

² Там же. С. 651.

становление о порядке и дисциплине на государственных предприятиях, направленное на пресечение стихийных акций трудящихся. В 1957 г. власти столкнулись и с широкой волной протестов студенчества и учащейся молодежи под лозунгами защиты демократических свобод³.

В таких условиях начиная с ноября – декабря 1956 г. руководством ПОРП и Правительством ПНР был осуществлен ряд мер, направленных на восстановление дееспособности органов государственной власти. При этом главное внимание было уделено совершенствованию правовой и правоохранительной системы, «соблюдению норм социалистической законности», что, с одной стороны, служило укреплению легитимности формировавшегося политического режима, а с другой – способствовало в полной мере восстановлению атрибутов суверенного Польского государства, к которым, в частности, относится наличие дееспособных национальных органов исполнительной власти. Решение этих задач было связано с известным расширением и углублением демократических свобод в рамках социалистической государственности, на что власти ПНР должны были пойти под давлением общественности. В первые месяцы после возвращения Гомулки к власти было проведено обновление кадрового состава правоохранительных органов, осуществлена реабилитация представлявших правые антикоммунистические силы участников движения сопротивления периода Второй мировой войны (прежде всего солдат и офицеров Армии Крайовой и Батальонов Хлопских). Работали реабилитационные комиссии в партиях правящей коалиции, были пересмотрены приговоры большинству участников июньских волнений 1956 г. в Познани, ответственность за которые была возложена новыми властями в первую очередь на прежнее партийное руководство.

13 ноября 1956 г. было сформировано обновленное Правительство Польши, в состав которого были включены и беспартийные министры. В тот же день было принято решение об упразднении Комитета общественной безопасности, карательного органа власти, дискредитировавшего себя в глазах многих поляков политическими преследованиями и надуманными приговорами. Его функции были переданы МВД. 22 ноября был обновлен состав и восстановлена деятельность межпартийной Центральной согласительной комиссии ПОРП, Объединенной крестьянской партии

³ Там же. С. 660–661.

и Демократической партии. Многие представители партий – союзниц ПОРП заняли ответственные посты в органах власти в центре и на местах. Эти меры были призваны подчеркнуть коалиционный принцип формирования нового кабинета министров и восстановление статуса партий рабочего класса, крестьянства и народной интеллигенции, политический союз которых, согласно тогдашней интерпретации марксизма-ленинизма, соответствовал классовой основе системы народной демократии. Из правящих структур были удалены многие люди, скомпрометированные в глазах общественности поддержкой режима Берута и его партийного окружения⁴.

Этот курс нового руководства ПОРП получил развитие с созданием в стране на рубеже 1956–1957 гг. широкой общенациональной общественно-политической организации – Фронта единства народа. В него вошли представители ПОРП, ОКП, ДП, а также профсоюзов и общественных организаций⁵. По мнению руководства страны, так создавалась массовая опора коалиционной власти в обществе, был сформирован институт, призванный обеспечивать взаимодействие граждан Польши, хотя и при условии различия их политических позиций, социального положения и мировоззрения.

Существенные изменения произошли и в системе управления народным хозяйством. По требованию рабочих и служащих в промышленном секторе экономики Сейм 19 ноября принял закон о Рабочих советах на предприятиях. Эти новые органы были призваны прежде всего регулировать взаимоотношения между администрацией заводов и фабрик и трудовыми коллективами. Однако, помимо выполнения сугубо профсоюзных задач, советы обладали некоторыми функциями рабочего контроля, что вносило в работу предприятий элементы относительной хозяйственной самостоятельности как во взаимоотношениях трудовых коллективов с руководством заводов и фабрик, так и последнего с вышестоящими планирующими и директивными органами. В дальнейшем, уже в 1970-е гг., эта наметившаяся тенденция получила двоякое и специфическое развитие, выразившееся в ослаблении инструментов планового управления народным хозяйством, а значит, и влияния директивных органов, и в постепенном втягивании польской экономики в сферу рыночных отношений. Важная роль в конце 1956 и в 1957 гг. отводилась политическим руководством страны соз-

⁴ Там же. С. 649.

⁵ Там же. С. 651–652.

данному Экономическому совету, задачей которого был анализ политики государства в хозяйственной сфере. В рамках этого совета видные польские экономисты провели дискуссию о модели экономического развития Польши⁶.

Ключевую роль в процессе посткризисного «успокоения» социально-политической ситуации играли взаимоотношения Польши с СССР и позиция советского руководства по отношению к курсу новых польских властей. 20–24 октября 1956 г. в Москве состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждались положение в ПНР и итоги пребывания в Варшаве советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым. Сначала первый секретарь ЦК КПСС не исключал даже применения крайних мер для преодоления кризиса в Польше, заявив на пленуме: «Выход один – покончить с тем, что есть в Польше». Однако в дальнейшем его позиция смягчилась. Хрущев высказался за то, чтобы «отказаться от вооруженного вмешательства» и «проявить терпимость»⁷. Сдержанность советских властей объяснялась угрозой свержения власти венгерских коммунистов. Именно на этом пленуме ЦК КПСС было принято решение о вводе в ВНР советских войск, которые и перешли венгерскую границу в последний день его работы (24 октября).

Свою роль в выборе советскими руководителями выжидательно-осторожной тактики в отношении Польши сыграла, вероятно, и сдержанная позиция союзников СССР по Варшавскому договору, не склонных к применению крайних мер и опасавшихся как возможных последствий для себя такого рода прецедента, так и негативной реакции общественного мнения в своих странах. Для согласования позиций правящих компартий параллельно с пленумом ЦК КПСС в Москве было собрано закрытое совещание руководителей стран социалистического лагеря. В нем принимала участие и делегация КНР во главе с Лю Шаоци, который поддерживал постоянную связь по телефону с председателем КНР Мао Цзэдуном. Экстренность в работе совещания подчеркивалась и тем, что, хотя получивший приглашение приехать в Москву В. Гомулка и убеждал советских товарищей, что не сможет прибыть ранее 8 ноября, то есть по традиции к годовщине Октябрьской революции, совещание собралось даже в отсутствие польской делегации. По поводу событий в ПНР и учитывая итоги переговоров в Варшаве, Хрущев заявил участни-

⁶ См.: Dyskusja o polskim modelu gospodarczym. Warszawa, 1957.

⁷ Польша в XX веке... С. 647.

кам совещания: «У ЦК КПСС сложилось мнение, что в отношениях с Польшей следует избегать нервозности и торопливости. Надо помочь польским товарищам выработать уравновешенную партийную линию и все сделать в интересах того, чтобы связи между Польшей и СССР, а также между Польшей и другими странами народной демократии снова упрочились»⁸. Участники Совещания приняли к сведению позицию советского руководства. Своего рода подтверждением и демонстрацией «уравновешенного подхода» Москвы и Варшавы к формированию курса взаимоотношений на основе равноправия и взаимного уважения сторон стал ряд принципиально важных действий Москвы, и среди них решение о завершении начатого еще в 1953–1954 гг. отзыва из Войска Польского всех советских офицеров и генералов, а также советников госбезопасности⁹. Их присутствие в силовых ведомствах страны негативно воспринималось большинством польского населения, и теперь приняты советской стороной меры правомерно расценивались как восстановление суверенитета страны. Позитивное воздействие на польское общественное мнение оказал и подписанный 17 декабря 1956 г. в польской столице протокол о правовом статусе советских войск на польской территории¹⁰.

2. Первоочередные меры в области польско-советских хозяйственных связей (ноябрь – декабрь 1956 г.)

Вместе с тем успех курса руководства ПНР на нормализацию политического положения в стране в немалой мере зависел от стабильного функционирования народного хозяйства, подорванного к тому же многочисленными забастовками, протестами и митингами. В этих условиях требовалось в целом продолжать курс на сохранение и развитие экономических связей с Советским Союзом, Чехословакией и ГДР, поскольку уже в 1950-е гг. экономика трех этих ведущих стран – членов СЭВ начинала приобретать черты единого народнохозяйственного комплекса. Однако особое значе-

⁸ Там же. С. 648.

⁹ По просьбе польской стороны временно продолжили службу в польской армии несколько советских генералов и старших офицеров (Там же. С. 599).

¹⁰ Там же. С. 651.

ние по-прежнему сохраняли экономическая помощь со стороны СССР и в целом экономическое взаимодействие обеих стран. На расширение масштабов народнохозяйственного сотрудничества был ориентирован подробно проанализированный во второй главе Протокол от 18 ноября 1956 г., подписанный в Москве в результате состоявшихся тогда советско-польских партийно-правительственных переговоров¹¹.

1 декабря 1956 г. премьер-министр ПНР Ю. Циранкевич письменно уведомил Э. Ширу о назначении его полномочным представителем польского правительства по вопросам реализации этого Протокола. Однако организационные мероприятия и кадровые перестановки в руководстве народным хозяйством ПНР на этом не закончились. 9 декабря 1956 г. получил назначение на пост министра внешней торговли опытный управленец В. Тромпчинский – заместитель министра финансов и председатель Польского национального банка¹². 31 декабря вместо Государственной комиссии экономического планирования была создана Комиссия планирования при Совете министров ПНР под председательством Ст. Ендрыховского¹³. В довоенное время он закончил Виленский университет, получил научную степень доктора права и был одним из наиболее видных профессионалов в группе деятелей, близких к В. Гомулке. Ендрыховский обладал опытом работы в области экономики, финансов и планирования, отлично владел русским языком. В Политбюро ЦК ПОРП он курировал экономическое направление, связанное с отношениями Польши и стран народной демократии. Польский «Госплан» непосредственно подчинялся Правительству ПНР, что свидетельствовало не только о применении в ПНР советского опыта построения структуры органов управления народным хозяйством, но и о намерении польского руководства сосредоточить все функции по руководству экономикой страны и ответственность за проводимую в этой области политику в правительстве республики, то есть в исполнительном, а не в политическом органе, каким был ЦК ПОРП. Разумеется, решающую

¹¹ Bez serwilizmu. Notatka z rozmów delegacji polskiej z kierownictwem ZSRR w listopadzie 1956 r. / Opracował i przedmową poprowadził E. Szyr // Dziś. Przegląd społeczny. 2006. № 11. S. 175.

¹² *Mołdawa T.* Ludzie władzy 1944–1991. Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28.II.1991. Warszawa, 1991. S. 112.

¹³ Ibidem. S. 365–366.

роль в выработке проводимого экономического курса по-прежнему играло руководство ПОРП.

7 декабря 1956 г. по поручению премьер-министра Э. Шир представил в ЦК ПОРП для рассылки членам Политбюро «Записку по вопросам, связанным с польско-советскими переговорами и польско-советским протоколом от 18 ноября 1956 г.»¹⁴, содержащую информацию об итогах работы польской стороны в период подготовки и проведения переговоров и в определении вопросов, которые в ближайшей перспективе требовали согласования. Имелся в виду весьма широкий круг актуальных политических, экономических, военных, военно-экономических и социальных проблем, в той или иной мере осложнявших, в чем было убеждено руководство ПОРП, польско-советские взаимоотношения.

В ноябрьском протоколе был согласован ряд наиболее актуальных вопросов, непосредственно касавшихся реализации народнохозяйственных связей СССР и ПНР: 1) использование польской стороной советских кредитов и списание по ним задолженности; 2) готовность СССР удовлетворить потребности Польши в поставках зерна из СССР; 3) предоставление Польше очередного советского товарного кредита; 4) объем экспортных поставок польского угля и согласование сторонами цены на уголь; 5) распределение между СССР и ПНР германских репараций; 6) условия оплаты транзита через польскую территорию грузов из СССР в ГДР и обратно.

Помимо этих сугубо экономических вопросов, в протоколе содержались положения: 7) о статусе размещенных в Польше советских войск; 8) о продлении репатриации польских граждан, не воспользовавшихся правом на переезд в Польшу, действовавшем согласно двусторонним советско-польским соглашениям в первые послевоенные годы, и желающих выехать из СССР в ПНР.

В записке Шира первые три группы вопросов были обозначены как уже разрешенные упомянутым протоколом (аннулирование двусторонних задолженностей, кредитные поставки зерна, товарный кредит на 700 млн руб.).

Вопросы, по которым, с точки зрения польской стороны, требовались дополнительные переговоры и согласование позиций, можно условно разделить на две группы: а) экономические (пп. 4–6) и

¹⁴ ААН. КС PZPR. Sygn. XI/71. Т. I. К. 190–195.

б) политические (пп. 7–8). Среди экономических проблем, подлежащих дальнейшему обсуждению, Широ́м были указаны¹⁵:

- репарационные расчеты;
- расчеты за эксплуатацию советской стороной польских железных дорог;
- расчеты по связи;
- расчеты за обеспечение пребывания частей Советской Армии на польской территории;
- участие других стран в инвестициях в угольную промышленность Польши.

Из политических вопросов, упомянутых Широ́м, два (о статусе советских войск и репатриации польских граждан) были сформулированы достаточно конкретно и вскоре урегулированы: первый – в декабре 1956 г.¹⁶, второй – в марте 1957 г.¹⁷ Третий вопрос, «о деятельности Варшавского договора», также поставленный в Записке, был очень широк и охватывал практически необозримый круг проблем от задач военно-технического сотрудничества до политических вопросов высшего уровня, поэтому трудно себе представить, что именно имел в виду Широ́м как составитель Записки,

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ См.: Договор о правовом статусе войск СССР, временно находящихся в ПНР. 17 декабря 1956 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960. С. 101–107.

¹⁷ Первая волна репатриации из СССР в Польшу проходила в 1944–1947 гг. В 1950-е гг. репатриация была продолжена, главным образом благодаря настойчивым просьбам польской стороны, пытавшейся, в частности, этим путем содействовать освобождению соотечественников из ссылки и из заключения. Несмотря на особенный интерес к возможности выезда из СССР, проявляемый поляками и евреями, в основном – жителями западных областей СССР и гражданами довоенной Польши, – этот процесс носил ограниченный характер. Согласно подписанному 25 марта 1957 г. межправительственному соглашению о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР лиц польской национальности, процесс репатриации планировалось завершить к концу 1958 г. Однако сроки переносились несколько раз, и последние репатриированные покинули СССР в канун 1960 года. (См. подробнее: *Полян П.* Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением / Под ред. О. Глезер и П. Поляна // *Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции.* М., 2005. С. 536–544; *Вялікі А.* Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя 1955–1959 гг. Мінск, 2007.)

предназначенной для информирования членов партийного руководства ПНР. Следовательно, именно народнохозяйственные проблемы были, очевидно, в центре его внимания, в частности и в силу занимаемой должности.

Круг предназначенных для дальнейшего обсуждения экономических проблем, очерченный в Записке, был существенно шире, нежели он был представлен в Протоколе от 18 ноября 1956 г. Польской стороной к нему были добавлены вопросы платежей за эксплуатацию Советским Союзом польских железных дорог и систем связи, расчеты за обеспечение советских войск. Присутствовала в Записке и давняя тема дискуссий о распределении между СССР и ПНР продукции, оборудования, сырья, поступавших в счет советской доли германских репараций. Предлагая для обсуждения с советскими партнерами названные проблемы, польская сторона стремилась, во-первых, получить дополнительные средства, крайне необходимые в то время польскому народному хозяйству, и рассчитывала на понимание со стороны СССР ее трудностей. Во-вторых, польское руководство ставило своей целью наполнить конкретным содержанием правительственный курс на восстановление национального суверенитета в области экономических связей с СССР. Этот стратегический курс польских властей не в последнюю очередь был направлен и на укрепление авторитета нового государственного руководства ПНР во главе с В. Гомулкой и на его одобрение польской общественностью.

3. Дискуссии по «угольной проблеме» в январе 1957 г.

Центральное место в Записке Шира принадлежало именно «угольной проблеме», для разрешения которой польское руководство вновь поднимало вопрос об участии СССР и других стран – членов СЭВ в чрезвычайно необходимых для ПНР инвестициях в угольную промышленность Польши.

Советские руководители расценивали экономическую ситуацию в Польше как неблагополучную. Информация о положении дел в польской экономике поступала в Москву из разных источников. Трудности в народном хозяйстве ПНР подчеркивали и сами «польские товарищи», оправдывая нарушения в сроках и объемах экспортных поставок в СССР и рассчитывая таким образом обосновать выделение дополнительной советской помощи. Во время офи-

циального приема по случаю подписания договора о правовом статусе советских войск в Польше, устроенного премьер-министром Ю. Циранкевичем в правительственной резиденции на Краковском Предместье в Варшаве 17 декабря 1956 г., присутствовавший на приеме в недавнем прошлом первый секретарь, а ныне член Политбюро и секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб, беседа с одним из советских дипломатов, рассказал о напряженном положении в стране и серьезных экономических трудностях, в том числе о неудовлетворительной работе угольной промышленности. Производительность труда в угледобыче, по его словам, «не только не возрастает, а, наоборот, за последнее время падает. План добычи угля на шахтах не выполняется». Из этого следовало, что осложнения отношений Польши со странами советского блока напрямую связывались польскими властями с работой угольной промышленности. Далее Охаб подчеркнул: «Недостаток угля вынудил правительство ПНР значительно сократить поставки угля в другие страны, в том числе в Советский Союз, ГДР, Чехословакию и Венгрию, чем поставил наших друзей в затруднительное положение. Мы это понимаем, но увеличить поставки угля в эти страны не можем. Более того, в будущем году мы должны пойти на дальнейшее свертывание экспорта угля в эти страны»¹⁸.

И действительно, 24 декабря 1956 г. В. Тромпчинский сообщил торговому представителю СССР в Варшаве Е.И. Бабарину, что в 1957 г. польская сторона сможет поставить в Советский Союз «всего лишь 2 млн т угля» вместо намечавшихся ранее 5,5 млн т. Согласно принятым решениям польского правительства, Польша была обязана поставить в том же году в ГДР 4 млн т угля, в Чехословакию 800 тыс. т и в Венгрию 300 тыс. т. Остальные 400 тыс. т «имелось в виду поставить в СССР, из которых 100 тыс. для находящихся в Польше советских войск»¹⁹.

Советское правительство обратилось к угольной проблеме в начале 1957 г., 3 января Совет министров СССР представил в ЦК КПСС записку о том, что Чехословакией были заданы вопросы о взаимных поставках в 1957 г. Практика ежегодных соглашений о товарообмене была уже за многие годы вполне отработана и требовала от высших партийных органов только формального согла-

¹⁸ АВП РФ. Ф. 0112. Оп. 40/1956. П. 335. Д. 4. Л. 22–23.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 166. Л. 165. См. также письмо ЦК КПСС в ЦК ПОРП на имя В. Гомулки от 14 января 1957 г. (Там же. Л. 149).

сования. Однако в данном случае дело обстояло иначе. В записке Совета министров СССР речь шла не столько о торговых взаимоотношениях Советского Союза и Чехословакии и о перспективах их дальнейшего развития, сколько о противоречиях между странами в рамках Совета экономической взаимопомощи. Причиной тому было «крайне тяжелое положение с поставками угля и кокса из Польши в Чехословакию, ГДР и СССР на 1957 год»²⁰. Разработчики проектов народнохозяйственных планов в аппарате СЭВ исходили из того, что в 1957 г. Польша поставит в СССР, Чехословакию и ГДР 9,6 млн т угля, в том числе в СССР – 5,5; в Чехословакию – 2,3 и ГДР – 1,8 млн т. Составители Записки ссылались при этом на письмо польского премьера Ю. Циранкевича и на обещание В. Гомулки, данное в ноябре 1956 г., когда продолжались советско-польские межгосударственные переговоры, о поставках Советскому Союзу – 5,5 млн т²¹.

В Записке было указано, что в конце декабря 1956 г. польская сторона поставила в известность советских руководителей об уменьшении поставки угля на ближайший год в Советский Союз и европейские страны народной демократии на 5 млн т против ранее согласованных объемов²². Это обосновывалось уменьшением добычи угля в ПНР вследствие невыполнения государственного плана и одновременно возросшим потреблением его населением. Одна из причин, сдерживавших выполнение государственного плана по углю в Польше, согласно представленной Записке, состояла в том, что «профессиональные союзы и рабочие советы отказываются работать в выходные дни»²³.

Сокращение экспортных поставок угля, на чем настаивала польская сторона, было также связано с уменьшением экспорта и продукции коксохимии для металлургических заводов ГДР и Венгрии на 1,7 млн т. В данном случае дефицит в металлургическом коксе составил бы для ГДР 1,3 млн т²⁴. «Такой дефицит угля и металлургического кокса, – констатировалось в январской Записке,

²⁰ Там же. Л. 152. Записку подписали Н.А. Булганин и его первые заместители А.И. Микоян и М.З. Сабуров.

²¹ Там же.

²² Там же. В СССР вместо обещанных 5,5 млн т – только 2 млн т, в ГДР вместо 1,8 млн т – 1,3 млн т, в Чехословакию вместо 2,3 млн т – 1,3 млн т.

²³ Там же. Л. 153.

²⁴ Там же.

– приведет к очень серьезным осложнениям в народном хозяйстве Чехословакии и ГДР уже начиная с января 1957 года»²⁵.

Изложенные выше сведения Министерства внешней торговли ПНР от 24 декабря 1956 г. и Записки Совета министров СССР от 3 января 1957 г. приведены в нижеследующей таблице.

Скорректированные планы экспортных поставок каменного угля из Польши в страны СЭВ в 1957 г. (млн т)

		План на 1957 г.	Корректировка плана 1957 г. польской стороной
Данные Министерства внешней торговли ПНР (декабрь 1956 г.)	Всего по плану 1957 г.	–	–
	В том числе в СССР	5,9	2,0
	в ГДР	4,0	–
	в Чехословакию	0,8	–
	в Венгрию	0,3	–
	Итого	11,0	–
Записка Совета министров СССР (январь 1957 г.)	Всего по плану 1957 г.	9,6	4,6
	В том числе в СССР	5,5	2,0
	в ГДР	2,3	1,3
	в Чехословакию	1,8	1,3
	Итого	9,6	4,6

Из приведенных данных следует, что руководители народного хозяйства Польши настаивали на сокращении поставок каменного угля в страны СЭВ примерно в 1,5 раза. При этом наибольшее сокращение выпадало на долю СССР и ГДР, а поставки в Чехословакию уменьшались не столь значительно. Вместе с тем доля экспортных поставок польского угля в страны СЭВ, в сравнении с общим объемом его добычи в Польше, была относительно невелика.

Согласно сведениям, полученным советской стороной в феврале 1957 г. от польского посла в Москве Т. Гедэ²⁶, добыча камен-

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 166. Л. 153.

²⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 4/1957. П. 344. Д. 6. Л. 9–11.

ного угля в ПНР составила в 1956 г. 95 млн т, а в 1957 г. должна была сократиться до 93 млн т, то есть составить 97,9% от предыдущего года. При этом экспортные поставки угля сокращались более значительно: с 24 (в том числе в страны СЭВ 9,6 млн т) до 13 млн т (в том числе в страны СЭВ 4,6 млн т). Доля стран – членов СЭВ в общем объеме экспорта уменьшалась соответственно с 40 до 35 %. Таким образом, бóльшая часть экспортных поставок каменного угля приходилась на долю европейских капиталистических стран. Выгода для Польши была очевидной – она получала валюту за проданный уголь.

Доля стран – членов СЭВ в импортных поставках польского угля по плану составляла примерно 10% от объемов его добычи в стране, а с учетом ее сокращения и того меньше. Обращает на себя внимание и то, что на рубеже 1956–1957 гг. в дискуссии по угольным проблемам вопрос о цене на поставляемое топливо не возникал, а обсуждались исключительно объемы скорректированных плановых поставок.

Начиная с 1950-х гг. трудности в польской угледобыче были постоянной темой обсуждения между польскими и советскими руководителями различного ранга. Техническая отсталость угольной отрасли, как уже отмечалось выше, была причиной низкой производительности труда и тяжелейших условий работы на польских шахтах: 12-часовые смены, сверхурочные работы, высокий уровень травматизма, нередкие несчастные случаи и катастрофы, уносившие жизни шахтеров. Развернувшееся в стране промышленное строительство и ликвидация безработицы, более выгодные условия работы и оплаты труда в передовых отраслях промышленности и относительное технологическое отставание угледобычи способствовали оттоку квалифицированной рабочей силы и в целом текучести кадров в угольной отрасли. Ситуация усугублялась еще и тем, что в шахтерских городках не было работы для женщин. Они были заняты преимущественно домашним трудом в традиционно многодетных шахтерских семьях. Поэтому на шахтеров ложилась основная забота по материальному обеспечению семьи. В повседневной жизни польских шахтеров немаловажную роль играли и специфические обстоятельства. Например, они возникали, когда администрация предприятий ввиду производственной необходимости требовала выхода шахтеров на работу в нерабочие дни. Горняки, поголовно религиозные, всячески отказывались выполнять это распоряжение, ссылаясь на необходимость посещать вос-

кресные богослужения. Профсоюзы и рабочие советы на предприятиях поддерживали в этом шахтеров. Таким образом, трудности в угольной отрасли польского народного хозяйства объяснялись не столько падением объемов производства, сколько исчерпанием экстенсивных источников его дальнейшего развития. Речь шла о ее технологической отсталости, с одной стороны, и вызываемых этим социальных проблемах – с другой. Причем в условиях кризиса 1956 г. именно социальные факторы (недовольство шахтеров условиями труда и уровнем заработной платы) имели решающее значение.

Какой же способ преодоления разногласий по угольной проблеме между ПНР и польскими партнерами – членами СЭВ, в том числе и СССР, предлагали первые лица Совета министров СССР? В Москве, не полагаясь только на собственный авторитет и влияние, решили использовать для этого многостороннее давление на Польшу со стороны союзников по социалистическому лагерю. По крайней мере, международные совещания представителей Советского Союза и европейских стран народной демократии, проведенные в 1956 г., подсказывали именно такой, вполне надежный тактический ход. Любопытно, что сама мысль о совещании по указанному вопросу зародилась отнюдь не в Москве, а в столицах ГДР и Чехословакии. О. Гротеволь и А. Новотный обратились к советскому руководству с просьбой «поставить вопрос о необходимости созыва заинтересованных стран по вопросам поставки угля, так как резкое сокращение поставок угля из Польши создало чрезвычайно тяжелое положение в экономике этих стран с обеспечением их потребности в каменном угле и коксе уже с января 1957 г.». Руководители Чехословакии и ГДР предупреждали советских товарищей, что «из-за недостатка угля и кокса эти страны будут вынуждены остановить большое количество предприятий, в том числе ряд металлургических и газовых, ограничить работу железнодорожного транспорта, отключить отдельные электростанции и резко сократить отпуск газа населению». По крайней мере, именно на приведенное мнение Праги и Берлина в итоге ссылались составители адресованного В. Гомулке письма Президиума ЦК КПСС от 14 января 1957 г.²⁷

²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 166. Л. 150. (Из письма ЦК КПСС в ЦК ПОРП на имя В. Гомулки. Рассматривалось на заседании Президиума ЦК КПСС 14 января 1957 г.)

Этому письму предшествовало очередное обсуждение в правительстве «угольной проблемы». Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин и его ближайшие сотрудники считали целесообразным в короткие сроки созвать совещание представителей коммунистических и рабочих партий СССР, ГДР, Чехословакии и Польши для обсуждения угольной проблемы, направив в ЦК КПСС соответствующую Записку с предложением договориться с правительством ПНР о сокращении поставок угля из Польши в капиталистические страны и за счет этого увеличить поставки в европейские страны народной демократии. Предлагалось также «обсудить вопрос о максимально возможном увеличении добычи угля в Чехословакии и ГДР»²⁸. К Записке прилагался проект постановления ЦК КПСС «О взаимных поставках товаров СССР и Чехословакии на 1957 год и созыве совещания представителей ЦК ПОРП, ЦК СЕПГ, ЦК КПЧ и ЦК КПСС по обеспечению углем и коксом европейских стран народной демократии»²⁹. Предложение Н.А. Булганина было принято без поправок.

11 января 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление по этому вопросу³⁰. Запись рабочего протокола заседания до сих пор недоступна. Состоялась ли полноценная дискуссия – это можно только предполагать. Сохранился, правда, довольно любопытный документ, свидетельствующий, что о единодушии участников обсуждения говорить нет оснований. О чем там шла речь? На следующий день М.Г. Первухин (первый заместитель председателя Совета министров СССР и одновременно председатель Государственной экономической комиссии Совета министров СССР по текущему планированию народного хозяйства) направил А.И. Микояну и М.З. Сабурову письменные замечания. Имея в виду проект постановления Совета министров о взаимных поставках товаров из Советского Союза и Чехословакии на 1957 г., он писал: «Баланс угля на 1957 г. сложился чрезвычайно напряженно. В этом балансе учтена поставка реэкспортом в европейские страны народной демократии 5,4 млн т силезского угля. В Советский Союз ничего не завозится, и при этом потребность народного хозяйства СССР в топливе не удовлетворяется. В этих условиях никакой возможности нет, чтобы дополнительно поставить странам народной

²⁸ Там же. Л. 152–154.

²⁹ Текст проекта постановления ЦК КПСС см.: Там же. Л. 155.

³⁰ Там же. Д. 163. Л. 32.

демократии 3,2 млн т угля и 500 тыс. т кокса за счет внутренних [резервов] Советского Союза». М.Г. Первухин предлагал вернуться к рассмотрению вопроса после проведения совещания представителей правящих партий европейских социалистических стран³¹.

В итоге Президиум ЦК 14 января 1957 г. утвердил закрытое Постановление ЦК КПСС «О взаимных поставках товаров СССР и Чехословакии». Пункт 4-й документа был оформлен следующим образом: «Утвердить проект письма ЦК КПСС в ЦК ПОРП, ЦК СЕПГ, ЦК КПЧ, ЦК РРП, ЦК ВСРП по вопросу обеспечения углем и коксом народного хозяйства европейских стран народных демократий в 1957 г. и последующие годы. В случае согласия польских товарищей на созыв этого совещания утвердить делегацию от ЦК КПСС в составе тт. Сабурова, Байбакова и Оника». Состав участников совещания расширялся за счет представителей Румынии и Венгрии, но в тексте письма ЦК КПСС В. Гомулке упоминания о них (по неясным причинам) не было. Кроме того, в Москве предполагали дать указание советскому послу в Польше П.К. Пономаренко встретиться с польским лидером «и выяснить его отношение к вопросу о созыве в январе с. г. (фактически – во второй половине января. – А.О.) в г. Варшаве упомянутого совещания». Однако совещание так и не состоялось. Вероятно, это было вызвано отказом польской стороны прибыть в Москву, ввиду того, что в Польше предстояли парламентские выборы, и польским руководителям необходимо было находиться в стране, ибо внутреннее политическое положение оставалось напряженным, даже угрожающим для власти фактически монополюно правившей партии³².

После принятия постановления 14 января А.И. Микоян представил в ЦК КПСС свою записку о поставках угля из Польши в ГДР и СССР³³. Это означало очевидное желание советского политического руководства располагать необходимой информацией по болезненным проблемам советско-польских экономических отношений и одновременно свидетельствовало об осознании им того, что спорные вопросы окончательно так и не разрешены и по ним еще предстоят серьезные дискуссии. С польской стороны также настойчиво стремились решить все спорные вопросы. 30 января 1957 г. премьер-

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 166. Л. 158.

³² См.: Kampania wyborcza i wybory do Sejmu 20 stycznia 1957 / Wybór, wstęp i opracowanie P. Machcewicz. Warszawa, 2000.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 165. Л. 60–61.

министр Польши Ю. Циранкевич назначил Э. Ширу руководителем польской делегации в ранге полномочного министра для поездки в Москву и проведения переговоров по «угольной проблеме».

Польско-советские дискуссии по угольным вопросам в январе 1957 г., казалось бы, внесли немного нового по сравнению с предшествовавшими обсуждениями, проходившими в течение ряда лет. Однако они все же содержали два, на наш взгляд, существенных обстоятельства. Во-первых, вопрос о «специальной цене» на уголь не поднимался. А это свидетельствовало, что в конкретных расчетах она была не так уж и важна, но имела свое значение для обоснования концепции экономического суверенитета ПНР. Во-вторых, намерение советского руководства обсудить вопрос об угольных поставках на совещании «братских партий» указывало на то, что, по его мнению, народнохозяйственный суверенитет не обладал универсальным качеством абсолютной субъектности каждой из социалистических стран в рамках мирового рынка. Он предполагал только ограниченное взаимодействие отдельных стран социалистического содружества с международным рынком. Интересы национальных внешнеэкономических связей должны были ограничиваться народнохозяйственной солидарностью и взаимной ответственностью социалистических стран. В будущем эта концепция получила дальнейшее развитие.

4. Выборы в Сейм и развитие политики стабилизации

Важнейшую роль в период политической стабилизации призваны были сыграть выборы в сейм ПНР. Положение об очередных парламентских выборах сейм утвердил еще 24 октября 1956 г. и назначил голосование на 20 января 1957 г. В преддверии выборов на рубеже 1956–1957 гг. в стране был образован Фронт единства народа. В него вошли представители ПОРП, ОКП, ДП, а также профсоюзов и общественных организаций³⁴. В период избирательной кампании правительство заручилось официальной поддержкой католической церкви, о чем свидетельствовало обращение епископата во главе с кардиналом Стефаном Вышиньским³⁵.

³⁴ Польша в XX веке... С. 651–652.

³⁵ См. подробнее: *Носкова А.Ф.* Римско-католическая церковь и кризис 1956 г. в Польше // Государство и церковь в СССР и странах

Выборы проходили в напряженной политической обстановке и сопровождались враждебной агитацией со стороны остатков антикоммунистического подполья середины – второй половины 1940-х гг. Листовки антиправительственного содержания распространялись в ряде воеводств страны. Вместе с тем выборы носили свободный демократический характер, а проведение голосования и его результаты вполне соответствовали соотношению политических сил в обществе³⁶. В ходе избирательной кампании Гомулка публично выступал четыре раза. За день до голосования, 19 января 1957 г., он обратился к согражданам по радио и заявил, что «только Польша социалистическая может фигурировать на карте Европы как государство независимое и суверенное»³⁷.

По официальным данным, в выборах приняли участие почти 17 млн избирателей, что составляло 94,1% от имевших право голоса. В итоге возглавляемый ПОРП Фронт единства народа одержал решительную победу с подавляющим превосходством. За его кандидатов было отдано 99,4% голосов. В сейм были избраны 459 депутатов. Из них 237 (51,1%) представляли ПОРП, 119 – Объединенную крестьянскую партию, 39 – Демократическую партию, 63 депутата были беспартийными³⁸.

Выдающийся успех на выборах несомненно укрепил позицию польских властей в отношениях с союзниками по Организации Варшавского договора и СЭВ. Он не мог не сказаться и на ходе польско-советских переговоров по экономическим вопросам, основой для которых по-прежнему служила Польско-советская декларация от 18 ноября 1956 г. Им предшествовало подписание 31 января 1957 г. советско-польского Протокола о ликвидации советской стороной контроля и приемки товаров, изготавливаемых на польских промышленных предприятиях и доставляемых в СССР. Значительная доля упомянутой в протоколе польской продукции относилась к железнодорожному транспорту и его инфраструктуре³⁹. Польские публикаторы документа придерживаются

Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 160–188.

³⁶ Польша в XX веке... С. 653.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 652–653.

³⁹ См.: *Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р.* Осуществление Советским Союзом репарационных положений Потсдамского дого-

мнения, что «именно с этого момента началось устранение советских инспекторов», контролировавших работу польских промышленных предприятий. Такого рода оценки представляются слабо аргументированными и поэтому достаточно поверхностными. Во всяком случае, деятельность советских представителей в этой области была связана исключительно с задачей соблюдения технологической дисциплины и советских стандартов для железнодорожного транспорта, от чего зависели не только бесперебойность перевозок, но и безопасность на железнодорожных линиях, соединявших СССР со странами СЭВ. Поэтому указанное решение свидетельствовало, с одной стороны, о том, что технологическая и организационная согласованность в работе польских и советских железных дорог уже достигла необходимого уровня и не нуждалась более в специальном контроле, а с другой – о воплощении в жизнь курса ПОРП на суверенность польского народного хозяйства.

Для продолжения переговоров по экономическим вопросам в соответствии с Польско-советской декларацией от 18 ноября 1956 г., 6 февраля 1957 г. в Москву прибыла специальная делегация во главе с Э. Широм, к которой присоединился и министр внешней торговли ПНР В. Тромпчиньский⁴⁰. Делегация направлялась, в частности, «для ведения расчетов», вытекающих из 5-й статьи Декларации⁴¹. Согласно этой статье, министерства железнодорожного транспорта Польши и Советского Союза должны были произвести «уточнение расчетов по транзитным коммерческим перевозкам из Германии в СССР и обратно за время с 1 января 1946 г. по 1 июля 1954 г., учитывая при этом эксплуатационные расходы, которые несло Министерство путей сообщения при пропуске по железным дорогам Польши поездов, сформированных из подвижного состава СССР». Помимо этого при окончательном расчете предполагалось учесть 50% расходов, произведенных до 1946 г. советским Министерством путей сообщения на восстановительные работы и оплату материалов для польских железных дорог⁴².

Расчеты по транзитным коммерческим перевозкам были только частью более широкого проблемного комплекса, ставшего уже

вора в отношении Польши // Европа. Журнал Польского института международных дел. Т. 5. № 2 (15). С. 119.

⁴⁰ AMSZ. Z. 7. T. 44. W. 6. K. 24–25.

⁴¹ Ibidem. K. 27.

⁴² Внешняя торговля. 1957. № 7. С. 34.

традиционным для польско-советских дискуссий по хозяйственным вопросам, в котором неизменно присутствовали проблема репараций и угольная проблема, которые также предполагала рассмотреть в Москве польская делегация. Однако переговоры в советской столице не оправдали надежд польской стороны. Согласно отчетам советских участников, заседания проходили в напряженных, неуступчивых спорах, только мешавших поиску взаимоприемлемых решений, а аргументация польской стороны расценивалась как «недостаточно убедительная»⁴³.

Польским участникам переговоров во главе с Э. Широм, по их словам, пришлось встретиться с довольно прохладным отношением советских представителей к польским расчетам. В польской делегации создавалось впечатление, будто в Москве не доверяют своим польским партнерам. Советская сторона отказалась предоставить полякам какие-либо сведения о репарациях, получаемых Советским Союзом из Германии, что осложняло изучение проблемы. Глава польской делегации вынужден был отметить, что «вопрос о выполнении репараций в соответствии с обязательством Советского Союза не подтвержден каким-либо документированным двусторонним расчетом»⁴⁴.

На встрече польских и советских представителей 24 февраля советская сторона, не принимая никаких аргументов польской делегации, предложила свести расчеты, связанные с железнодорожным транзитом, к нулю, а затем выдвинула, как ей казалось, решающий контраргумент. Было заявлено, что СССР все время оказывает полякам необходимую помощь и что «освобождение Польши обошлось в 35 млрд рублей и в тысячи жертв». Однако, по мнению советских представителей, «несмотря на все это, польская [сторона] торгуется по мелочам»⁴⁵. 7 марта, когда обсуждение вопроса о репарациях было передано на уровень экспертов, произошел инцидент, который польской стороной был расценен как недружествен-

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 142. Л. 12–13.

⁴⁴ Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р. Указ. соч. С. 134; ADN PRL. Kolekcja E. Szyga. Sygn. S III/3с. К. 37–43. «Записка по вопросам, затронутым в справке касательно поставки угля из Польши в СССР по льготным ценам». Датируется предположительно 16 февраля 1957 г. Документ на русском языке.

⁴⁵ Цит. по: Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р. Указ. соч. С. 119. Из записки Т. Гедэ и Э. Шира в МИД Польши о ходе упомянутых переговоров.

ный. Поляки хотели вручить документ, содержащий просьбу предоставить необходимые для работы сведения о ценах некоторых товаров в американских долларах. В ответ эксперты Министерства внешней торговли СССР возвратили его польской стороне, с ним даже не ознакомившись⁴⁶. Позднее об этом случае польский премьер-министр Ю. Циранкевич с неудовольствием напомнил высшим советским руководителям.

На февральских переговорах в Москве не было достигнуто взаимопонимания и по угольной проблеме. Об этом свидетельствует запись беседы 20 февраля 1957 г. заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина с недавно назначенным польским послом в Москве Т. Гедэ⁴⁷. Посол объяснял собеседнику, почему польская сторона была вынуждена сократить поставки угля в СССР и в другие страны СЭВ, из чего следовало, что и по данному вопросу переговоры советской и польской делегаций оказались безрезультатными.

В беседе с Зориным Т. Гедэ подчеркнул, что положение в угольной промышленности – «в настоящее время в Польше это главный вопрос». По его словам, здесь «было допущено много ошибок». Далее советский дипломат записывал в свой служебный дневник высказывание польского коллеги: «План капиталовложений за шестилетку выполнен лишь на 60–70%. Однако даже и выполнение плана капиталовложений не могло бы резко улучшить положения дел в угольной промышленности. За 10 лет были полностью исчерпаны угольные запасы 30 шахт. Увеличение добычи угля достигалось в основном за счет работы в выходные дни и удлиненного рабочего дня. В 1955 г. шахты работали 30 воскресных дней, а продолжительность рабочего дня равнялась 9 часам, что, как подчеркнул Гедэ, недопустимо в социалистическом государстве. В настоящее время указанные ошибки исправляются, хотя это, сказал он, вызывает значительные трудности в выполнении экспортных планов и удовлетворении внутренних нужд. Для снабжения населения в 1956 г. было выделено дополнительно 1,5 млн тонн угля за счет экспортных фондов». Здесь крылась причина уменьшения угольной добычи в 1957 г. – до 93 млн т против 95 млн т в предшествующем

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Т. Гедэ вручил верительные грамоты председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову 4 февраля 1957 г. (Известия. 1957. 5 февраля).

году. Польский посол утверждал, что если прежде Польша экспортировала в среднем 24 млн т угля в год, то в 1957 г. предполагалось сократить экспорт угля до 13 млн т. Вследствие этого валютные поступления должны были уменьшиться, согласно расчетам, на 1 млрд рублей. «Гедэ заметил, – пишет В.А. Зорин, – что они понимают, что сокращение поставок угля вызовет трудности в странах народной демократии, в частности в ГДР, но сейчас они ничего не могут сделать, так как Польша вынуждена поставлять некоторым западным странам [уголь] за зерно, которое она в предыдущие годы не смогла получить в достаточном количестве у Советского Союза и получила его в кредит у западных стран»⁴⁸.

Февральский раунд переговоров в Москве по экономическим проблемам завершился безрезультатно. Однако польское правительство настаивало на их продолжении уже весной 1957 г., когда предстояло окончательное согласование народнохозяйственных планов экономического сотрудничества текущего года в преддверии VIII сессии СЭВ в Варшаве, намеченной на июнь 1957 г.

5. Подготовка к московским переговорам на высшем уровне

Во второй половине апреля 1957 г. премьер-министр ПНР Ю. Циранкевич посетил с официальным визитом Пекин. На обратном пути на родину польская правительственная делегация 18–20 апреля 1957 г. остановилась в Москве. Как сообщала московская «Правда», польский премьер-министр 19 апреля встретился с Н.С. Хрущевыми и Н.А. Булганиным. С польской стороны в беседе участвовали министр легкой промышленности ПНР Э. Ставиньский, заместитель министра иностранных дел М. Нашковский и посол Польши Т. Гедэ; с советской стороны – первый заместитель председателя Совета министров СССР А.И. Микоян и министр иностранных дел А.А. Громыко⁴⁹. Сохранилась запись беседы, составленная польским послом⁵⁰. Перед завершением обмена мнениями

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 4/1957. П. 344. Д. 6. Л. 9–11.

⁴⁹ Правда. 1957. 20 апреля.

⁵⁰ Впервые запись беседы опубликована польским историком А. Корзоном (AAN. KC PZPR. Sygn. XIA/71. T. I. K. 231–241). См.: *Korzona A. Rozmowa Cyrankiewicza z Chruszczowem w kwietniu 1957 r.* //

Ю. Циранкевич, «как бы невзначай», сказал своим советским собеседникам, что есть еще два вопроса, вытекающих из московского Протокола от 18 ноября 1956 г. Имелись в виду расчеты за железнодорожные перевозки и окончательные расчеты по репарациям. Советские участники встречи в том же духе ответили, что не вполне представляют суть дела. Вероятно, Хрущев и Булганин не были готовы рассматривать их по существу, хотя аппарат Совета министров СССР ранее получил задание выявить необходимые документальные материалы и подготовить соответствующие рекомендации. Тем не менее, в заключение встречи польский премьер заявил, что после его отчета на Политбюро ЦК ПОРП Польша обратится к советскому политическому руководству с просьбой решить упомянутые неурегулированные вопросы⁵¹. Таким образом, польская делегация недвусмысленно продемонстрировала намерение перенести обсуждение указанных проблем на самый высокий уровень партийного руководства.

В это время в Варшаве Э. Шир оказался в центре подготовительной работы к советско-польским переговорам на высшем уровне, запланированным на вторую половину мая. Поэтому многие документы к переговорам были подготовлены именно им. Предположительно в середине мая он представил В. Гомулке три самых важных документа: 1) записку о ходе переговоров по вопросу взаимных расчетов по железнодорожным перевозкам на польской территории; 2) проект письма (в Президиум ЦК КПСС или Совет министров СССР), касающегося переговоров по репарациям; 3) проект меморандума по вопросу репараций. Одновременно Э. Шир сообщил В. Гомулке, что Министерство железнодорожного транспорта СССР обещало 23 апреля 1957 г. передать «окончательное предложение, согласованное с тов. Микояном. Сейчас Министерство железнодорожного транспорта обратилось с просьбой продлить срок *еще на 5 дней*, поскольку вопрос все еще «изучают». Одновременно они хотели бы знать наше окончательное мнение. В вопросах репараций переговоры были прерваны потому,

Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowowschodniej. Warszawa, 1994. T. 29. S. 110–116. Судя по имеющейся пометке на документе («Czytał t. Wiesław», К. 227), В. Гомулка был одним из тех, кто правил текст, знакомясь с его содержанием. Недавно запись беседы опубликована повторно: *Polskie dokumenty dyplomatyczne (PDD). 1957 / Red. K. Ruchniewicz, T. Szumowski. Współpraca P. Długołęcki. Warszawa, 2006. S. 250–260.*

⁵¹PDD. 1957. S. 259–260.

что я предупредил, что обращаюсь к руководству Правительством. После получения предложений Министерства железнодорожного транспорта можно было бы выступить совместно по вопросу железных дорог и репараций (если предложения Министерства железнодорожного транспорта СССР окажутся неприемлемыми)⁵². Чем было обусловлено «промедление» советской стороны с подготовкой «окончательных предложений» – сегодня сказать вряд ли возможно.

Подготовка к польско-советским переговорам, проводившаяся в Варшаве в апреле – мае 1957 г., совпала по времени с проходившим в польской столице 15–18 мая 1957 г. IX пленумом ЦК ПОРП⁵³, ознаменовавшим последовательный этап политической стабилизации в ПНР. В докладе «Узловые проблемы политики партии» В. Гомулка подробно остановился на концепции «польского пути к социализму», говорил о задачах рабочих советов и крестьянского самоуправления, о сотрудничестве ПОРП и ОКП, о взаимоотношениях государства и церкви. Но самое большое внимание первый секретарь уделил проблеме ревизионизма и догматизма в партии. По существу пленум положил конец внутривнутрипартийным разногласиям и определил допустимые рамки общественно-политического плюрализма и политических дискуссий в стране. Обсуждения народнохозяйственных проблем в повестке дня пленума не было.

Экономические проблемы польско-советских отношений были рассмотрены руководством ПОРП уже после завершения пленума, когда 21 мая состоялось заседание Политбюро ЦК ПОРП. На нем присутствовали все члены высшего политического руководства, а также приглашенные министр национальной обороны ПНР М. Спыхальский и Э. Шир. Обсуждались вопросы, связанные с предстоящими через три дня советско-польскими переговорами: 1) «специальные дела, требующие обсуждения с Советским Союзом» (в данном случае имелись в виду военно-экономические вопросы); 2) расчеты по вопросу «надлежащих Польше репарационных поставок и расчетов по железным дорогам»; 3) «вопросы торгового обмена с СССР». По первому пункту выступал М. Спыхальский. Он говорил о необходимости ускорить доставку из Москвы технической документации для танковой пушки реактивного самолета нового типа, настаивал на предоставлении Польше

⁵² AAN. KC PZPR. Sygn. XIA/71. T. II. K. 143.

⁵³ Польша в XX веке... С. 654–655.

в аренду советских военных кораблей. Второй и третий пункты относились к компетенции Э. Ширы. Он представил информацию о ходе обсуждений железнодорожных расчетов и о надлежащей Польше доли в репарационных поставках из Германии. Политбюро ЦК ПОРП утвердило предложения Министерства внешней торговли, касающиеся актуальных проблем в области торгового обмена с СССР и вопроса о заключении соответствующего договора с Советским Союзом на период до 1960 г.⁵⁴

Одновременно с «польскими товарищами» к переговорам на высшем уровне готовились и в столице СССР. Исходя из предложений, высказанных на заседании Политбюро ЦК ПОРП 21 мая, среди подлежащих рассмотрению в Москве экономических проблем особо были выделены вопросы взаиморасчетов по германским репарациям и по железнодорожному транспорту. Они уже начиная с апреля 1957 г. обсуждались в советской столице польским представителем Э. Широм и руководством соответствующих министерств и ведомств. О содержании переговоров Министерство внешней торговли СССР проинформировало ЦК КПСС 10 мая 1957 г. специальной запиской министра И.Г. Кабанова. Министр указал на две группы вопросов, по которым имелись расхождения: «1. Об определении общей суммы репарационных поставок Советскому Союзу, с которой должна исчисляться доля репараций Польше» и «2. О зачислении в счет репарационных поставок Польше трофейного железнодорожного подвижного состава». По первому пункту польский представитель просил советскую сторону ознакомить его с документами, подтверждающими правильность первоначальной общей стоимости советских предприятий, полученных по репарациям с Германии (746 млн долл.). Кабанов доложил, что соответствующих документов не имеется. Он только предлагал разъяснить польскому представителю, что в указанную сумму входит стоимость немецких патентов на 200 млн долл.

Причины советско-польских разногласий по данному вопросу были достаточно очевидны обеим сторонам, хотя они, по соображениям социалистической солидарности, прямо и не назывались. Объективно оценить вывезенные с территории Германии в

⁵⁴ Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Oprac. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak // Dokumenty do dziejów PRL. Z. 13 / Oprac. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak; red. serii A. Paczkowski. Warszawa, 2000. S. 263.

счет репараций предприятия и иное промышленное оборудование было невозможно, да и никто не ставил перед собой такой задачи. Исключение составляла только патентная документация, в которой была указана цена патента. Поэтому все претензии польской стороны по пересмотру стоимости репарационных поставок для ее увеличения означали по существу не что иное, как только рост польской доли репараций. В условиях же согласованных размеров репарационных поставок с ГДР и ФРГ номинальное увеличение польской доли означало только признание со стороны СССР дополнительной задолженности перед ПНР. Возмещение этой задолженности, как считали польские специалисты, должно было позитивно отразиться на польском торговом и платежном балансе.

Аналогичного рода причина лежала и в основе разногласий по поводу железнодорожного транспорта. В упомянутой Записке Кабанова в ЦК КПСС отмечалось, что по советско-польским соглашениям от 7 сентября 1945 г. и 5 марта 1947 г. «в счет репараций Польше был передан подвижной состав, взятый в качестве трофеев Советской Армией на территории Польши». Стоимость подвижного состава была условно определена обеими сторонами в 111,9 млн долл. в ценах 1938 г. Между тем Э. Шир настаивал, что «железнодорожный подвижной состав не должен был зачисляться в счет репараций, а его необходимо было вернуть Польше в порядке реституции» (то есть неправомерно захваченного и вывезенного с территории противника имущества. – А.О.). Кроме того, польский представитель полагал завышенной стоимость переданных Польше паровозов. Советская же сторона считала, что пересматривать их стоимость нет оснований, поскольку эти паровозы и вагоны являлись немецкой собственностью и взяты советской армией в ходе войны как трофеи⁵⁵.

При изучении сохранившихся источников создается впечатление, что в Москве взаиморасчетам по железнодорожному транспорту большого значения не придавали, полагая, что аргументация советской стороны в предстоявшей встрече руководителей двух стран вполне достаточна, чтобы с уверенностью говорить о своей правоте. Куда большее внимание придавалось подписанию заключительного протокола о репарационных поставках Польше. Это видно из упомянутой записки Министерства внешней торговли

⁵⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. 1954–1958. М., 2006. С. 655–658.

СССР от 10 мая 1957 г. И.Г. Кабанов информировал высшее руководство о том, что «Минвнешторг подготовил проект заключительного Протокола и вручил его польской стороне, а также ознакомил польских экспертов с имевшимися документами. Однако польский представитель до сих пор не дал согласия на подписание нашего Протокола и не представил своего проекта»⁵⁶.

Комиссия Президиума Совета министров СССР по внешнеэкономическим вопросам одобрила линию министра и нашла полную поддержку в Президиуме ЦК КПСС⁵⁷. Об этом свидетельствуют «Директивы делегации ЦК КПСС к переговорам с делегацией ЦК ПОРП по вопросам расчетов по транзитным коммерческим перевозкам через Польшу поездами СССР». Советской делегации поручалось вести переговоры по транзитным коммерческим перевозкам, имея в виду период с 1 января 1946 г. по 3 июня 1954 г., причем общая сумма платежей за них должна была составить «до 155 млн рублей вместо 333 млн рублей, заявленных польской стороной»⁵⁸.

Вместе с тем отмеченные разногласия, которые предстояло преодолеть в ходе переговоров на высшем уровне, не повлияли ни на общие тенденции развития экономических отношений СССР и ПНР, ни на темпы их развития. Об этом свидетельствуют межправительственные соглашения между Москвой и Варшавой по двум другим принципиальным вопросам народнохозяйственного сотрудничества, отмеченным на заседании Политбюро ЦК ПОРП 21 мая: в военно-технической области и в сфере двусторонней торговли. 6 апреля 1957 г. в Москве М.З. Сабуров и П. Ярошевич по уполномочию своих правительств подписали соглашение об условиях расчетов за «специальные поставки» для польских вооруженных сил и оборонной промышленности на период 1957–1960 гг. Причем, согласно документу, по решению советской стороны поставки осуществлялись на льготных для польской стороны условиях⁵⁹. 9 апреля министры внешней торговли И.Г. Кабанов и В. Тромпчинский подписали протокол о взаимных поставках

⁵⁶ Там же. С. 656.

⁵⁷ Там же. С. 658–659.

⁵⁸ Там же. С. 662.

⁵⁹ Текст соглашения см.: *Polsko-radziecka współpraca wojskowa w latach 1950–1957 / Teksty przygotowali do druku, opatrzyli wstępem i przypisami A. Kochański i A. Kupich // Sprawy Międzynarodowe. 1993. № 3. S. 142–144.*

товаров между СССР и ПНР на 1957 г.⁶⁰ Подготовка протокола, по мнению польских участников переговоров, сопровождалась некоторыми трудностями, но все же закончилась подписанием документа, выгодного для польской стороны⁶¹.

Одним из конкретных примеров осуществления планов военнотехнического сотрудничества могло послужить находящееся в архиве Министерства национальной обороны ПНР письмо В. Гомулки и Ю. Циранкевича к Н.С. Хрущеву и Н.А. Булганину от 14 февраля 1957 г., содержавшее просьбу об аренде до 1965 г. 12 военных кораблей⁶²; просьба объяснялась отсутствием в Польше в ту пору собственного военного судостроения. В рамках программы развития военно-морских сил ПНР на Балтике 1 августа 1957 г. в Москве было подписано соглашение между правительствами ПНР и СССР об аренде двух эскадренных миноносцев и четырех катеров⁶³.

В позитивном духе продолжались переговоры и по болезненной «угольной проблеме». В Москве в период 21–27 мая в Министерстве угольной промышленности СССР прошла встреча первого заместителя министра угольной промышленности Д.Г. Оника с первым заместителем министра угольной промышленности и энергетики ПНР Я. Митренгой. Приезд поляков, как они утверждали, состоялся по инициативе польской стороны. Цель заключалась в том, чтобы выяснить отношение советской стороны «к вопросу о возможности долевого участия Советского Союза в развитии польской угольной промышленности, для подготовки предложений польской делегации при рассмотрении этого вопроса на предстоящей сессии Совета экономической взаимопомощи»⁶⁴. VIII сессия СЭВ должна была пройти в столице Польши 18–22 июня 1957 г.

В день начала переговоров Я. Митренга проинформировал советских коллег о состоянии угольной промышленности в ПНР. Он сообщил, что финансовых средств на ее дальнейшее развитие не хватает, и руководители отрасли вынуждены прибегать «к по-

⁶⁰ Текст опубликован в издании: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI: январь 1956 г. – декабрь 1960 г. М., 1983. С. 109–110.

⁶¹ PDD. 1957. S. 581–582.

⁶² Ibidem. S. 21.

⁶³ *Kochański A.* Polska 1944–1991: Informator historyczny. T. II. Ważniejsze akty prawne, decyzje i enuncjacje państwowe (1957–1970). Warszawa, 2000. S. 55.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 66. Л. 198.

лучению кредитов, в первую очередь из стран народной демократии и СССР, хотя переговоры о предоставлении кредитов ведутся также и с капиталистическими странами». Правительство Польши заключило соглашение с ГДР о предоставлении ПНР кредита «путем проектирования и поставки оборудования для строительства буроугольных разрезов» в некоторых польских регионах. Ведутся переговоры с Чехословакией «о возможности строительства путем предоставления кредитов [...] на энергетические угли в Верхней Силезии». В ходе переговоров было заявлено, что польская делегация «располагает необходимыми материалами и расчетами о возможном строительстве новых шахт в Восточной Силезии, которые могут быть предоставлены советским специалистам, и что польская сторона имеет конкретные предложения о размерах и условиях предоставления кредита Польше со стороны СССР». Один из членов польской делегации подчеркнул в своем выступлении, что «если другие страны, особенно капиталистические, будут участвовать путем предоставления кредита в строительстве новых шахт в Польше, а Советский Союз участия в развитии польской угольной промышленности принимать не будет, то такое явление политически будет необъяснимо и [...] его трудно будет разъяснить польским рабочим, учитывая к тому же заявление советского руководства о возможности оказания помощи Польше в развитии добычи угля». В заключение первого дня переговоров прозвучал такой обескураживающий вывод польской делегации: «Если Польше не будет оказана помощь и не будут предоставлены кредиты для строительства новых шахт, то угольная промышленность Польши не сможет получить серьезного развития, и добыча угля после 1960 года будет ограничена в основном в пределах удовлетворения собственных потребностей»⁶⁵.

На следующий день переговоры были продолжены. Рассматривались те же проблемы, но с бóльшей их конкретизацией⁶⁶. В том же духе переговоры продолжались до 23 мая и после небольшого перерыва завершились 27 мая. Привлекает внимание запись в протоколе переговоров: «Развитие угольной промышленности в Польше, как сообщили польские товарищи, связано с занятостью населения и привлечением кредитов от стран – участниц СЭВ, поможет Польше предотвратить рост незанятого населения

⁶⁵ Там же. Л. 198–199, 202.

⁶⁶ Там же. Л. 203–205.

в стране. Тов. Митренга сообщил доверительно о том, что для Польши важен сам факт участия СССР в оказании помощи Польше в развитии угольной промышленности и что размер кредита может быть уменьшен»⁶⁷. Примечательно, что делегация Министерства угольной промышленности и энергетики ПНР оставалась в Москве и тогда, когда в советской столице проходили советско-польские переговоры на самом высоком уровне. Было ли это случайным совпадением или диктовалось необходимостью заручиться решением на высшем уровне? Во всяком случае, ход переговоров польских и советских угольщиков и энергетиков свидетельствовал о том, что решение угольной проблемы может быть достигнуто только путем существенной перестройки структуры угольной промышленности, энергетики и металлургии социалистических стран, что для этого требуется реализация долгосрочной (в рамках пятилетки) многосторонней программы на основе экономической интеграции социалистических стран.

6. Май 1957 г. Советско-польские переговоры в Москве

24 мая 1957 г. в Москве начались закрытые советско-польские переговоры. Они были посвящены военно-экономическим вопросам. В советскую делегацию входили Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, министр обороны СССР Г.К. Жуков, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, И.Г. Кабанов, начальник Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии и одновременно заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям П.В. Никитин, заместитель министра путей сообщения СССР Н.А. Гундобин, посол СССР в Польше П.К. Пономаренко. Советской делегации оказывала помощь группа экспертов, в которую, в частности, входили заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по внешним экономическим связям П.А. Малетин, начальник отдела экономики Министерства путей сообщения СССР И.В. Ивлиев. Польшу представляли В. Гомулка, Ю. Циранкевич, министр национальной обороны М. Спыхальский, уполномоченный правительства по вопросам репараций Э. Шир, председатель Комиссии планирования при Совете министров ПНР

⁶⁷ Там же. Л. 212.

Ст. Ендрыховский, заместитель начальника Генерального штаба Войска Польского М. Гранёвский и заместитель председателя Комиссии планирования при Совете министров М. Валуховский. Экспертом по военным вопросам был представитель Министерства национальной обороны ПНР в Москве Т. Пюро.

Об этой встрече в польской исторической литературе упоминалось неоднократно. Опубликована советская протокольная запись переговоров⁶⁸ – самый существенный документ, зафиксировавший содержание столь важного события. Ряд иных относящихся к переговорам исторических источников, в том числе неопубликованных, хранится в польских архивах. Таким образом, исследователи могут составить представление о том, какой тактической линии придерживались стороны, на какие конкретные факты опирались, какими аргументами оперировали и т.п.

Как следует из протокола, первый день встречи целиком был посвящен обсуждению военных вопросов. Во второй день, утром 25 мая, заседала военная комиссия (ее работа в протоколе не отражена), а с 10.00 и почти весь день работала экономическая комиссия. В 18.00 польская и советская делегации собрались на заключительное заседание, на котором продолжилась дискуссия по вопросам экономических связей СССР и ПНР, после чего были подведены общие итоги двухдневной работы.

Что касается содержания первого дня переговоров, то из протокола следует, что обсуждались вопросы обеспечения польских вооруженных сил новым типом реактивного истребителя, танками (в том числе оснащенными пушкой, не имевшей аналога в мировом танкостроении), возможность аренды Польшей советских военных кораблей (ввиду отсутствия в Польше необходимых материальных ресурсов для строительства собственного военного флота)⁶⁹ и ряд других вопросов военного и военно-технического сотрудничества. Рассматривались в тот день и политические проблемы, связанные с военно-политической ситуацией в Европе. Затронуты были, например, темы политической ситуации в Венгрии и подготовки судебного процесса над И. Надем, а также встречи Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова с И. Броз Тито на острове Брион 2 ноября 1956 г. и некоторые другие вопросы.

⁶⁸ PDD. 1957. S. 366–370.

⁶⁹ Имелись в виду 4 эскадренных миноносца, 4 средних подводных лодки и столько же больших катеров (AAN. KC PZPR. Sygn. XI A/71. Т. II. К. 194).

Существенные разногласия проявились во время заседаний экономической комиссии. Судя по протоколу, стороны не могли достичь взаимопонимания по вопросу взаиморасчетов по железнодорожным перевозкам, поскольку каждая опиралась на собственные количественные данные и применяла различные методы их формирования и оценки⁷⁰. Это нашло отражение в докладах экспертов Э. Ширы и И.В. Ивлиева⁷¹. Разногласия по вопросам оценки затрат, связанных с железнодорожным сообщением между двумя странами и транзитом через польскую территорию грузов для СССР, неизменно присутствовали в отношениях между двумя странами в течение всего предшествовавшего десятилетия. Тот факт, что за все эти годы так и не была выработана общая методика их оценки, что ее не удалось согласовать в апреле 1957 г., накануне переговоров, указывает только на то, что и советская, и польская стороны рассматривали вопрос о железнодорожных перевозках в качестве предмета торга. При этом именно польская сторона, выдвигая каждый раз новые претензии, стремилась выторговать для себя более выгодные финансовые условия.

Атмосферу дискуссии характеризовало и то, что польские руководители использовали в спорах преимущественно доводы правового и хозяйственного характера. Столкнувшись с такого рода аргументами, их советские оппоненты апеллировали к чувству солидарности между социалистическими странами и призывали учитывать тяжелейшие последствия Второй мировой войны для СССР, масштаб понесенных советским народом потерь в годы военного лихолетья. В этой связи не лишним будет процитировать характерный фрагмент протокола: «*Микоян*: У нас утраты самые большие. *Гомулка*: Если подсчитать, то в Польше был самый большой процент утрат. *Хрущев*: Сколько советских могил на польской земле и в какой пропорции пролита кровь. *Гомулка*: Кровь не подсчитывают. У нас тоже много пролито. *Ендрыховский*: У нас 6 миллионов человек погибло. *Хрущев*: Поэтому надо забыть вчерашний день. Товарищ Ендрыховский, тогда нужно сказать, что мы должны вам поклониться за то, что это вы оттолкнули немецкие войска от нашей границы»⁷².

⁷⁰ См. подробнее: PDD. 1957. S. 366–373.

⁷¹ Ibidem. S. 366–370.

⁷² Ibidem. S. 391.

Споры такого рода не способствовали выработке взаимоприемлемых решений. Переговоры медленно, но верно заходили в тупик. Их участники вновь и вновь возвращались к уже обсужденным темам, повторяя прежние аргументы. Звучавшие же в ходе дискуссии новые ноты только усугубляли взаимное отчуждение: так, Н.С. Хрущев не раз упрекал поляков за появление в польской печати антисоветских материалов.

В какой-то момент, вероятно 25 мая (об этом в протоколе нет никаких записей), в завершение переговоров, Ю. Циранкевич вручил советской стороне документ, озаглавленный «Записка по вопросу подписания окончательного протокола о полученных Польшей репарационных поставках»⁷³. Суть дела поляки сформулировали предельно четко: «Польская сторона не может подписать окончательного Протокола, не имея согласованной суммы стоимости репарационных поставок из Германии, а также без согласования стоимости репарационных поставок для Польши, основанной на одинаковых для обеих сторон принципах определения стоимости этих поставок»⁷⁴.

Когда сейчас – спустя более чем полвека – еще и еще раз возвращаешься к тексту протокола, приходишь к неизбежному выводу, что, если не считать военных вопросов, которые были довольно скоро полностью разрешены, по вопросу железнодорожных перевозок и репарациям стороны топтались на одном месте. А нужно было искать позитивный выход. И он был найден.

7. Урегулирование разногласий по германским репарациям. Новые принципы экономического сотрудничества

27 мая по указанию А.И. Микояна упомянутую «Записку» Циранкевича разослали советскому политическому руководству для оз-

⁷³ Текст см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 49. Л. 131–140. Машинопись на русском языке. Без даты. Однако по имеющемуся штамپелю канцелярии ЦК ПОРП датировать документ можно довольно точно: не позднее 16 мая 1957 г. Опубликовано в кн.: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 667–672.

⁷⁴ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 672. На первой странице записки сделана делопроизводственная запись: «Вручена т. Циранкевичем 25 мая во время переговоров».

накомления. 31 мая на заседании Президиума ЦК КПСС с участием почти всех высших советских руководителей – Н.С. Хрущева, Н.А. Булганина, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, А.И. Микояна, В.М. Молотова, М.З. Сабурова, А.Б. Аристова, Л.И. Брежнева, Е.А. Фурцевой, Н.М. Шверника и Д.Т. Шпилова – было заслушано сообщение о переговорах с делегацией ЦК ПОРП. Во время обсуждения выступили Микоян, Хрущев, Булганин, Маленков, Каганович, Молотов, Сабуров. Исследователям приходится сожалеть, что слишком кратко записывалось содержание дискуссии. Впрочем, немного «повезло» Н.А. Булганину как председателю Совета министров, прямо ответственному за экономические вопросы. Его выступление по существу содержало формулировку решения Президиума. Согласно протокольной записи, он сказал следующее: «Не идти на уступки по частям. Разногласия по ремонтным платежам увязать. Поручить тт. Микояну, Сабурову на основе доклада подготовить предложения и памятную записку. Послать т. Микояна инкогнито (так в документе. – А.О.)»⁷⁵.

Отправиться в Варшаву Микояну предписывалось незамедлительно – 2 июня. Из высказываний Булганина следовало, что советские предложения Польше рассматривались в Москве как значительная уступка, однако советское руководство видело в них основу модернизации механизма экономического сотрудничества. На это указывало намерение «увязать» вопрос о репарациях с другими областями народнохозяйственных связей между двумя странами. Речь, таким образом, шла не столько о тактике преодоления разногласий, хотя и существенных, но по частному вопросу, сколько о совместной разработке польской и советской сторонами новых принципов экономических взаимоотношений союзных стран в Европе, принимая во внимание, что инициатива в этой области первоначально исходила от поляков.

В итоге в решении Президиума ЦК говорилось: «Поручить тт. Микояну и Сабурову на основе обмена мнениями на заседании Президиума ЦК подготовить предложения о взаимной ликвидации претензий между СССР и Польшей и проект памятной записки ЦК ПОРП по этому вопросу и представить эти документы в ЦК КПСС к 3 июня с. г. Направить т. Микояна в Варшаву для инфор-

⁷⁵ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 126. Л. 1. Подлинник. Подготовленную краткую запись обсуждения см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 256–257.

мирования ЦК ПОРП о принятых ЦК КПСС решениях в связи с переговорами»⁷⁶.

С опозданием на один день, 4 июня 1957 г., А.И. Микоян и М.З. Сабуров представили в Центральный Комитет проект памятной записки, адресованной в ЦК ПОРП, по двум вопросам: об уточнении расчетов за транзитные коммерческие перевозки через Польшу за период с 1 января 1946 г. по 30 июня 1954 г. и о подписании заключительного протокола о поставках Польше в счет ее доли репараций с Германии⁷⁷. К документу прилагались проект протокола об уточнении расчетов за коммерческие перевозки из Германии в СССР и обратно транзитом по железным дорогам и заключительный протокол о произведенных поставках Польше в счет ее доли репараций с Германии⁷⁸. 5 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект памятной записки польской стороне («по вопросам взаимной ликвидации претензий между СССР и Польшей»)⁷⁹. Тогда же Президиум ЦК утвердил проект постановления ЦК КПСС «Об обмене письмами между Правительством Союза ССР и Правительством Польской Народной Республики по военным вопросам». В документе говорилось: «Принять прилагаемый проект обменного письма. Поручить Министерству иностранных дел СССР оформить обмен письмами»⁸⁰.

«Обменное письмо» Н.А. Булганина польскому премьер-министру Ю. Циранкевичу содержало развернутую программу военно-экономического сотрудничества двух союзных стран, связанных взаимными обязательствами в рамках Варшавского договора⁸¹. Вопросы военно-технического сотрудничества, поставленные в Записке Микояна и в Письме Булганина (см. Приложения № 5 и № 6), имели принципиальное значение для экономического взаимодействия ПНР и СССР, на чем следует остановиться отдельно. В частности, председатель Совета министров СССР указал на на-

⁷⁶ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 655.

⁷⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 229. Л. 145–148.

⁷⁸ Там же. Л. 142–144.

⁷⁹ Там же. Л. 5. К пункту XXVIII протокола № 96 приложена «Памятная записка», состоящая из двух частей: «I. Об уточнении расчетов за коммерческие перевозки» и «II. О заключительном Протоколе о поставках Польше в счет ее доли репараций с Германии» (Там же. Л. 138–141).

⁸⁰ Там же. Л. 154.

⁸¹ Там же. Л. 155–157.

зревшую необходимость для стран народной демократии согласования мобилизационных планов, в том числе и в области народного хозяйства, что открывало дорогу к планомерной координации хозяйственного строительства и развития экономики стран – членов СЭВ и ОВД. Не менее важны для польского народного хозяйства были решения, намеченные в военно-технической области. Впервые, они касались поставок в Польшу бронетанковой техники, в частности танков Т-54 и гусеничных артиллерийских тягачей. При этом производство новейших танков намечалось и в ПНР. Хотя и не без колебаний, советское военное ведомство передало Польше и новую танковую пушку со специальной уникальной системой стабилизации, позволявшей вести огонь сходу. Производство и эксплуатация этой техники обеспечивали существенный технологический прогресс польской машиностроительной промышленности, что имело важное экономическое значение. Это же можно сказать и о польской авиационной промышленности в связи с передачей польской стороне истребителей МиГ-19 и транспортных самолетов конструкции О.К. Антонова, производство последних намечено было развернуть в Польше. Наконец, перевооружение польских ВВС и ПВО новейшей советской техникой потребовало создание в ПНР системы их радиолокационного обеспечения, которая также была основана на советских технологических разработках. Ее введение в строй (производство и эксплуатация в Польше соответствующих систем, например локаторов «Ныса») положило начало польской радиоэлектронной промышленности.

Возвращаясь к заседанию Президиума ЦК КПСС 5 июня 1957 г., укажем, что на нем были утверждены текст постановления ЦК КПСС «О поставке в Польшу двух танкеров грузоподъемностью по 10 тыс. т» и текст одноименного распоряжения Совета министров СССР⁸², а также проект «Заключительного протокола о производственных поставках Польской Народной Республике в счет ее доли репараций с Германии»⁸³.

Во второй половине дня Президиум ЦК продолжил работу, обсудив «Проект памятной записки ЦК ПОРП по вопросам взаим-

⁸² Там же. Л. 90–91. Министерству судостроительной промышленности СССР поручалось «построить в экспортном исполнении» на одном из судостроительных предприятий указанные танкеры для поставки их в Польшу в 1959 г.

⁸³ Там же. Л. 144. Дата документа отсутствует.

ной ликвидации претензий между СССР и Польшей (тт. Микоян, Сабуров)»⁸⁴, состоящей из двух разделов: «I. Об уточнении расчетов за коммерческие перевозки» и «II. О Заключительном протоколе о поставках Польше в счет ее доли репараций с Германии»⁸⁵.

Десять дней спустя, 15 июня 1957 г., Президиум ЦК КПСС заслушал информацию А.И. Микояна о поездке в Польшу и «о переговорах с ЦК ПОРП». Было «принято к сведению» его сообщение, что «в результате переговоров с польскими товарищами ими были приняты предложения ЦК КПСС о ликвидации взаимных претензий по транзитным железнодорожным перевозкам и по репарациям с Германии». Коммюнике о подписании соглашений решено было не публиковать, вероятно, потому, что майские переговоры на высшем уровне в Москве, итогом которых и стали варшавские соглашения, носили секретный характер. Свою роль сыграл и упомянутый статус «инкогнито» Микояна⁸⁶.

Куда труднее ответить на вопрос, что происходило в Варшаве на встрече московского эмиссара с представителями ЦК ПОРП и когда она состоялась. Место хранения протокола переговоров, если таковой имелся, неизвестно. Что касается даты проведения встречи, то за неимением достоверных источников можно предположить, что она состоялась не ранее 5-го и не позднее 15-го июня.

Из письма Ю. Циранкевича Н.А. Булганину от 17 июля 1957 г. следует, что он присутствовал на встречах с А.И. Микояном. Польский премьер писал, что «о существующих трудностях и вытекающих из них потребностях мы информировали» А.И. Микояна «*во время его пребывания в Варшаве*, уведомляя одновременно о том, что правительство Польской Народной Республики обратится к правительству Союза ССР [с просьбой] об оказании кредитной помощи»⁸⁷. В итоге в ходе неофициального визита А.И. Микояна в Польшу было выработано принципиальное решение об урегулировании разногласий между СССР и ПНР по проблемам германских репараций и взаиморасчетов в области железнодорожного транспорта.

4 июля 1957 г. в Варшаве был подписан протокол о расчетах по торговым перевозкам из ГДР в СССР и обратно транзитом по поль-

⁸⁴ Текст записки см.: Там же. Л. 5.

⁸⁵ Утвержденный текст записки см.: Там же. Л. 138–141.

⁸⁶ Там же. Д. 233. Л. 9.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 41/1957 г. П. 344. Д. 5. Л. 4. (Выделено мною. – А.О.)

ской железной дороге⁸⁸. Из текста протокола следует, что в соответствии со статьей 5-й Протокола от 18 ноября 1956 г., подписанного в ходе советско-польских переговоров в Москве, состоялись также переговоры между представителями министерств путей сообщения ПНР и СССР, в результате которых стороны договорились произвести расчеты за торговые перевозки с 1 января 1946 г. по 30 июня 1954 г. Величина всех упомянутых перевозок, включая перевозки через порт в Щецине, составила по взаимному соглашению 25,8 млн т. Оплата за торговые перевозки устанавливалась на сумму 582,6 млн руб., оплата перевозок пассажиров и почтового багажа – 12 млн руб. Советская сторона обязывалась возместить польской стороне также эксплуатационные издержки за доставку товаров по железным дорогам СССР (297,7 млн руб.), оплатить эксплуатационные издержки по дорогам Польши (105,4 млн руб.) и оплатить 50% стоимости рабочей силы, использованной при восстановлении польских железных дорог (9,5 млн руб.). Наконец, удалось определить окончательную сумму (182 млн руб.) для передачи Министерством путей сообщения СССР польскому МПС с занесением ее на клиринговый счет для товарного обмена между ПНР и СССР⁸⁹.

Последний пункт названного Протокола гласил, что с момента его подписания «считаются полностью урегулированными взаимные претензии, касающиеся расчетов за транзитные торговые перевозки товаров и пассажиров польскими железными дорогами, а также за все услуги, оказываемые Советскому Союзу в связи с выполнением этих перевозок польскими железными дорогами до 30 июня 1954 г.»⁹⁰ Советское и польское правительства поручили подписать протокол министру путей сообщения СССР Б.П. Бещеву и министру путей сообщения ПНР Р. Стшелецкому⁹¹.

⁸⁸ См.: «Protokoł o dokonaniu ścisłych rozliczeń za przewozy handlowe z Niemiec do ZSSR i odwrotnie, tranzytem przez koleje polskie»: Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1945–1956 / Oprac. A. Kupich, A. Kocharński // Sprawy międzynarodowe. 1993. № 2. S. 150–151. См. также: PDD. 1957. S. 334–335.

⁸⁹ Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004. T. II. Dokumenty / Pod red. S. Dębskiego i W.M. Góralskiego. Warszawa, 2004. S. 334–335.

⁹⁰ См. текст протокола (перевод на русский): Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze... S. 150–151.

⁹¹ Problem reparacji... T. II. S. 334–335.

Тогда же, 4 июля, Э. Шир и П.Н. Никитин по уполномочию своих правительств подписали «Заключительный протокол о произведенных поставках для Польской Народной Республики в счет ее участия в репарациях с Германии». Из документа следовало, что: 1) в период с 16 августа 1945 г. до 31 декабря 1953 г. из Германии в СССР и Польшу в счет репарации доставлено товаров, оборудования, разных материалов и услуг на сумму 3081,9 млн американских долларов (в ценах 1938 г.), из коих Польше надлежало 7,5%, или 231,1 млн американских долларов; 2) действительные поставки в Польшу в счет ее участия в репарациях с Германии в виде оборудования, железнодорожного подвижного состава, судов и разных материалов составляли 228,3 млн американских долларов; 3) на основе этих данных ПНР принадлежит квота 22,4 млн рублей. Последнюю решено было передать на клиринговый счет в товарном обороте между Польшей и СССР; 4) с подписанием Заключительного протокола обязательства Советского Союза, вытекавшие из советско-польского соглашения от 16 августа 1945 г. и из Протокола к этому соглашению от 5 марта 1947 г., считались «полностью погашенными»⁹². Урегулирование противоречий в вопросе распределения германских репараций и в расчетах по железнодорожному транспорту должно было позитивно сказаться на развитии важнейших отраслей польской экономики, правда, только в течение следующих нескольких лет.

Однако кризисный 1956 г. поставил перед польским народным хозяйством ряд серьезных проблем, связанных в первую очередь с социальным недовольством городского населения уровнем жизни и в первую очередь продовольственным снабжением. Преодоление политического кризиса должно было быть дополнено мерами социального характера по удовлетворению первоочередных материальных требований трудящихся. А собственных ресурсов для этого в стране не доставало. Это побудило правительство ПНР вновь обратиться к советскому руководству за экстренной помощью.

В вышеупомянутом письме Ю. Циранкевича председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину от 17 июля 1957 г. была высказана просьба предоставить Польше кредит на сумму 300 млн рублей («в золоте или свободной валюте») в связи с экономическими трудностями страны⁹³. «Мотивируя просьбу польского прави-

⁹² Ibidem. S. 336.

⁹³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 41. 1957. П. 344. Д. 5. Л. 3–4.

тельства, – указано в советской записи беседы, – Гедэ сказал, что в Польше создались большие экономические трудности, в связи с чем страна стоит на грани финансовой катастрофы. Образовался большой разрыв (около 4 млрд злотых) между количеством денег, находящихся в обращении, и товарной массой, которой явно не хватает для покрытия потребностей рынка. К этому надо добавить, сказал Гедэ, что в ПНР образовался большой дефицит во внешней торговле. В этом году Польша по ранее полученным кредитам должна уплатить западноевропейским странам около 350 млн руб. Этих средств взять неоткуда, так как все ресурсы, в том числе все запасы золота, исчерпаны. Единственная надежда, сказал Гедэ, это получение помощи от СССР»⁹⁴. Таким образом, помимо необходимости удовлетворения спроса населения на потребительские товары (дефицит около 4 млрд злотых), в Польше возник внешнеторговый дефицит платежного баланса. Польский посол не раскрыл ни причин его появления, ни того, за какой период времени он образовался.

2 августа Гедэ сообщил в Министерство иностранных дел ПНР об отказе правительства СССР предоставить кредит Польше ввиду необходимости оказания помощи другим союзным странам, «особенно Венгрии»⁹⁵. Однако в итоге экстренная экономическая помощь со стороны СССР была Польше все же предоставлена, о чем свидетельствует протокол заседания Политбюро ЦК ПОРП от 4 сентября 1957 г., на котором польское политическое руководство заслушало информацию В. Гомулки «об экономической ситуации [в Польше] и о возможностях получения помощи от Советского Союза»⁹⁶.

Вопрос об упомянутом польском послом в беседе с советскими представителями внешнеторговом дефиците ПНР, о его характере и величине, а также о связи последнего с кризисом 1956 г. нуждается в прояснении. В новейшей публикации 2006 г. Главного управления статистики Польши приведены сведения о балансе внешней торговли Народной Польши, помещенные в таблице на с. 196–197.

К сожалению, имеющиеся данные достаточно трудно сопоставимы. Во-первых, использованные в расчетах стоимостные показатели, указанные в конвертируемых злотых, не согласуются непосредственно с объемами встречных товарных поставок, зафик-

⁹⁴ Там же. Л. 1–2.

⁹⁵ PDD. 1957. S. 546–547.

⁹⁶ AAN. KC PZPR. Sygn. V/50. K. 81. Из неопубликованного протокола заседания № 175.

сированными в натурально-вещественных единицах. Во-вторых, в имеющихся польских статистических данных не выделен товарооборот с СССР, включенный в раздел товарооборота со странами СЭВ. Поэтому, оперируя имеющимися сведениями, мы исходим из допущения, что преобладающая часть внешней торговли Польши приходилась на долю СССР и что наблюдаемые явления в количественном отношении носят приблизительный характер и, главное, отражают относительно долговременную тенденцию.

Из данных статистики следует, что дефицит платежного баланса во внешней торговле ПНР существовал на протяжении всей истории республики, нарастая систематически от десятилетия к десятилетию. Из этого, в частности, можно заключить, что кризис 1956 г. не оказал на внешнюю торговлю ПНР существенного влияния, хотя и оставил след в торговле как с социалистическими, так и с капиталистическими странами – с последними вплоть до 1980-х гг. у Польши сохранялся перевес экспорта над импортом. Только кризисные периоды конца 1950-х гг. и 1980 г. ознаменовались в торговле с капиталистическими странами дефицитным сальдо. Поэтому применительно к ситуации во внешней торговле Польши можно вполне согласиться с оценками Гедэ в беседе с советскими представителями.

В торговле ПНР со странами СЭВ (прежде всего с СССР) с 1946 по 1980 г. ежегодный объем внешней торговли увеличился в 80 раз, а объем польского импорта за тот же период – примерно в 70 раз. Соответственно росту объемов возрастал в абсолютных значениях и дефицит внешнеторгового баланса ПНР со странами СЭВ. Данные приведены в таблице.

Дефицит внешнеторгового баланса ПНР
со странами СЭВ в 1946–1980 гг. (млн злотых)

	1946 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Объем импорта (в млн злотых)	456,3	1633,2	3797,9	9892,3	302408,9
Дефицит торгового баланса (в млн злотых)	-153,4	-189,9	-579,2	-588,7	-3412,9
%	33,6	11,6	15,25	6,0	11,3

Доля указанного дефицита была относительно невелика и составляла в среднем немногим более 10%, хотя в абсолютных вели-

Обороты и сальдо внешней торговли ПНР по группам стран в текущих ценах в конвертируемых злотых (млн злотых)⁹⁷

Год	Всего	Импорт	Экспорт	Сальдо		Всего	импорт	экспорт	сальдо
1946	1089,3	583,1	506,2	-76,9	Социалистические страны	759,2	456,3	302,9	-153,4
1950	5209,6	2672,6	2537,0	-135,6	Другие страны	330,1	126,8	203,3	+76,5
1960	11 282,0	5979,9	5302,1	-677,8	Социалистические страны	3076,5	1633,2	1443,3	-189,9
					Другие страны	2133,1	1039,4	1093,7	+54,3
					Социалистические страны	7118,7	3797,9	3320,8	-477,1
					в том числе СЭВ	6463,9	3521,2	2942,7	-578,5
					Другие страны	4163,3	2182,0	1981,3	-200,7
					в том числе развитые	3357,4	1775,2	1582,2	-193,0
					в том числе ЕЭС	1991,0	997,0	994,0	-3,0
					в том числе развивающиеся страны	805,9	406,8	399,1	-7,7

1970	28 620,6	14430,1	14 190,5	-239,6	Социалистические страны	18956,3	9892,3	9064,0	-828,3
					в том числе СЭВ	18102,2	9502,5	8599,7	-902,8
					Другие страны	9664,3	4537,8	5126,5	+588,7
					в том числе развитые	7748,6	3721,1	4027,5	+306,4
					в том числе ЕЭС	4832,8	2409,4	2423,4	+14,0
					В том числе развивающиеся страны	1915,7	816,7	1099,0	+282,3
1980	110 206,9	58 298,в	51 908,3	-6390,3	Социалистические страны	61425,7	32 408,9	29 016,8	-3392,1
					в том числе СЭВ	5879,3	31 061,1	27 648,2	-3412,9
					Другие страны	48 781,2	25 889,7	22 891,5	-2998,2
					в том числе развитые	38 295,8	20 432,8	17 863,0	-2569,8
					в том числе ЕЭС	22 092,4	11 057,1	11 053,3	-21,8
					в том числе развивающиеся страны	10 485,4	5456,9	5028,5	-428,4

Historia Polski w liczbach. T. 2. Gospodarka. Warszawa, 2006. S. 552.

чинах была весьма значительна. Исключение составляют только первые послевоенные годы, когда существенное превышение импорта над экспортом объяснялось состоянием польской экономики восстановительного периода. Этот дефицит сформировался за счет поставок из Советского Союза и может послужить еще одним доказательством важной роли СССР в восстановлении народного хозяйства возрожденной Польши. Несколько возрос внешнеторговый дефицит и в конце 1950-х гг., в период, когда страны СЭВ, прежде всего СССР, Чехословакия и ГДР, оказали помощь Польше для преодоления кризиса 1956 г.

Правда, применительно к анализу баланса экспорта и импорта необходимо задаться вопросом: насколько условные стоимостные показатели («конвертируемые злотые») соответствовали реальному движению товаров? В условиях плановой экономики и прямого товарообмена между странами СЭВ ценовые диспропорции, обусловленные конъюнктурой мирового рынка, сглаживались с помощью так называемых специальных цен, системы приоритетных поставок, товарного кредитования и иными способами, призванными направить ресурсы на решение определенных народнохозяйственным планом приоритетных задач и исключить спекулятивные рыночные колебания. Поэтому реальный, вещественный товарный баланс импорта и экспорта мог существенно отличаться от его условно рассчитанного на основе мировых цен стоимостного эквивалента.

Однако если исходить из того, что отмеченный статистикой на протяжении сорока лет постоянно возраставший дефицит внешнеторгового баланса ПНР со странами СЭВ отражал реальную тенденцию развития польской экономики, то возникает два вопроса: во-первых, из каких источников он компенсировался, и во-вторых, какова была его роль в народном хозяйстве. Очевидно, что ПНР не имела внешней задолженности перед странами СЭВ (СССР), помимо текущей, следовательно, образовавшиеся в результате дефицита торгового баланса средства были направлены в польскую экономику в качестве инвестиций, более того, прибыль по этим инвестициям также была вновь вложена в народное хозяйство Польши. Таким образом, дефицит польской внешней торговли был одним из существенных средств дополнительного стимулирования развития народного хозяйства страны со стороны СССР и других стран СЭВ, что было, несомненно, выгодно для Польши. Разумеется, такой экономический курс не следует трактовать как

филантропию. Он имел целью развитие экономики стран социалистического содружества в целом и был также обусловлен политическими задачами укрепления экономического базиса Организации Варшавского договора.

8. VIII сессия СЭВ в Варшаве

Достигнутые в итоге советско-польских переговоров летом 1957 г. позитивные решения по «угольной» и «транспортной» проблемам, а также тесно связанному с ними вопросу о распределении германских репараций, означали преодоление продолжавшихся в течение десятилетия разногласий. Это имело исключительно важное значение не только для польско-советских народнохозяйственных связей, но также и для развития экономических отношений между странами в рамках всего социалистического лагеря. Урегулирование хозяйственных противоречий между ПНР и СССР стало важнейшим итогом разрешения кризиса 1956 г. в Польше, в результате чего был утвержден принцип суверенитета ПНР как в политической области, так и в сфере народного хозяйства и внешнеэкономических связей.

Опыт взаимодействия СССР и Народной Польши убедительно продемонстрировал, что и в плановой социалистической экономике сохраняет свое фундаментальное значение закон стоимости, который продолжает действовать в рамках планового государственного регулирования, и его влияние не может быть устранено административными методами. В практике народнохозяйственных отношений это находило выражение в стоимостном балансе производства и потребления, в объективных единых принципах учета производственных затрат, себестоимости производства и производительности труда. Реализация этих принципов была возможна только в рамках согласованного единого народнохозяйственного баланса двух стран, а в перспективе и в его распространении на многосторонней основе на все страны в пределах всего социалистического содружества.

Накопленный опыт советско-польского экономического сотрудничества был положен в основу решений VIII сессии СЭВ, прошедшей в Варшаве 18–22 июня 1957 г.⁹⁷ В них были зафиксированы

⁹⁷ См.: *Skobelski R.* PRL w Radzie wzajemnej pomocy gospodarczej w latach 1956–1970 // *Kwartalnik Historyczny*. 2007. Z. 3. S. 49–90.

принципы «полного равноправия и взаимной помощи», естественно вытекавшие из установки на национальный суверенитет социалистических стран. Участниками сессии были согласованы объемы производства в важнейших сырьевых и перерабатывающих отраслях (по углю и коксу, нефти и нефтепродуктам, черной и цветной металлургии). Таким образом, предполагалось создание общей сырьевой базы для тяжелой промышленности. Решениями сессии было постановлено ускоренными темпами наращивать научно-техническое сотрудничество, что имело принципиальное значение для развития передовых отраслей польской экономики. Сравнительные данные об обмене научно-технической документацией между СССР и ПНР в 1949–1960 гг. приведены в следующей таблице⁹⁸.

Обмен научно-технической документацией между СССР и социалистическими странами в 1946–1960 гг.
(комплекты документов)

	Поступило из СССР	Передано в СССР
Страны СЭВ в целом	12 522	6477
Польша	2476	901
ГДР	1217	1114
Чехословакия	2731	2891

Из этих данных следует, что в целом Советский Союз передал членам СЭВ патентов и другой технической документации почти в 2 раза больше, чем получил от них на взаимной основе. При этом такой обмен с наиболее экономически развитыми странами – ГДР и Чехословакией – осуществлялся практически на паритетной основе. В то же время ПНР, которая по своему экономическому и научно-техническому потенциалу была сопоставима с ГДР и Чехословакией, получила от СССР в два с половиной раза больше комплектов технической документации, или 20,0% от общего объема, переданного Советским Союзом странам СЭВ. В этом, в частности, нашел выражение курс советского руководства на опережающее научно-техническое развитие ПНР как своего важнейшего союзника в Европе.

⁹⁸ Weltgeschehen 1945–1966: Internationale Zeitgeschichte. Berlin, 1967. S. 20.

Однако главным в Постановлении варшавской сессии СЭВ стало принятое решение о координации народнохозяйственных планов на текущую пятилетку до 1960 г. и на среднесрочную перспективу до 1975 г.⁹⁹ В ходе сессии, 20 июня 1957 г., в Варшаве был подписан договор о многостороннем товарообмене, заключенный между Болгарией, Чехословакией, ГДР, Польшей, Румынией, Венгрией и СССР¹⁰⁰.

VIII сессия СЭВ приняла очень важное с точки зрения советского руководства решение о координации перспективных планов развития народного хозяйства стран – членов СЭВ¹⁰¹. Тем самым предполагалось сделать существенный шаг на пути интеграции европейских стран, вставших на путь строительства социализма. С целью расширения многостороннего сотрудничества в рамках СЭВ 1 июля 1957 г. в системе государственного управления СССР была создана специальная структура, призванная соответствовать новым требованиям времени, и издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии в Государственный комитет Совета министров СССР по внешним экономическим связям»¹⁰². 5 июня Совет министров назначил председателем комитета П.Н. Никитина, до той поры занимавшего пост первого заместителя председателя Госэкономкомиссии СССР¹⁰³.

15 июня 1957 г. Президиум ЦК рассмотрел подготовленный правительством проект постановления «О размещении в странах народной демократии заказов на поставку в СССР оборудования и машин в 1958 году». Текст его не вызвал энтузиазма высшего политического руководства, и было принято решение: «Отложить рассмотрение вопроса до следующего заседания Президиума ЦК КПСС. Поручить Комиссии Президиума Совета министров СССР по внешнеэкономическим вопросам представить обоснованную записку о намечаемых к размещению в странах народной демократии

⁹⁹ *Skobelski R.* Op. cit. S. 49–90.

¹⁰⁰ *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-bułgarskich.* T. 2. Wrocław, 1985. S. 140.

¹⁰¹ *Skrzypek A.* Mechanizmy autonomii: stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Pułtusk; Warszawa, 2005. S. 131.

¹⁰² Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 15.

¹⁰³ Постановления Совета министров СССР за июль 1957 г. [Б. м. и г.] С. 87.

заказах на поставку в СССР оборудования и машин в 1958 году»¹⁰⁴. Позитивное разрешение вопрос получил позднее – 4 июля 1957 г., когда был принят проект соответствующего постановления Совета министров СССР. В обсуждении вопроса участвовали Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, первый заместитель председателя Совета министров И.И. Кузьмин, А.И. Микоян и первый заместитель министра внешней торговли СССР С.А. Борисов. Запись с изложением содержания обсуждения к проекту приложена не была.

VIII Сессия СЭВ совпала по времени с работой в Москве 22–28 июня 1957 г. объявленного «историческим» пленума ЦК КПСС, официально осудившего «культ личности». На пленуме из Президиума ЦК и Центрального Комитета были исключены Г.М. Маленков, Л.М. Каганович, В.М. Молотов и Д.Т. Шепилов. Исход пленума свидетельствовал о том, что все внимание Н.С. Хрущева и его сторонников в высшем партийном руководстве на некоторое время было приковано к внутривнутрипартийной борьбе, проблемы экономики и народнохозяйственного сотрудничества социалистических стран оказались пока на втором плане.

¹⁰⁴ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 674–675.

Десятилетие экономического развития ПНР после Второй мировой войны охватило в истории страны два важнейших периода: послевоенного восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства. Последняя предполагала решение двух связанных между собой фундаментальных экономических и социальных задач. Во-первых, была проведена реиндустриализация страны, во-вторых, предпринята попытка кооперирования сельского хозяйства, следовавшая в известной мере советскому образцу. Социально-экономические, как и социально-политические, задачи были обусловлены, с одной стороны, объективными потребностями социально-экономического развития страны, а с другой – вытекали из ленинско-сталинской доктрины «переходного периода от капитализма к социализму», принятой тогда международным коммунистическим движением. Об объективности этих процессов (формирование так называемого «индустриального общества» путем концентрации производительных сил как города, так и деревни) свидетельствует хотя бы то, что, помимо официальной советской доктрины, они в той или иной мере признаются существующими теориями модернизации, так или иначе направленными как раз на опровержение марксизма и опыта «модернизации по-советски». Разумеется, решение упомянутых задач переходного периода, свойственных для экономики всех без исключения социалистических стран, осуществлялось при учете как конкретно-исторической ситуации, так и их национальной традиции и специфики. В частности, в Народной Польше в аграрном секторе было сохранено преобладание частных крестьянских хозяйств.

В связи с этим возникает вопрос, в какой мере эта стратегия экономического развития Народной Польши была объективно обусловлена, а в какой мере вытекала из необходимости следования советским образцам? Поставленный вопрос допускает два ответа, представляющие две крайние точки зрения. Первый ответ состоит в том, что народное хозяйство ПНР развивалось, исходя из

объективных потребностей страны, на основе собственного фундамента производительных сил с учетом хозяйственного опыта СССР и во многом с использованием советской экономической помощи. Второй содержит утверждение, что в ПНР экономическая модель была скроена по советским образцам, подчинена гегемонистским планам СССР и противоречила польским национальным интересам. Как один, так и второй ответы на этот вопрос фундаментально обоснованы в историографии, а выбор между ними зависит не столько от введенного в научный оборот фактического знания, сколько от политической позиции отдельных исследователей и влияния сложившихся историографических школ. В задачу нашего исследования не входит разрешение отмеченного противоречия как такового. Однако резонно было бы заметить, что в рассматриваемый период экономическая политика СССР и его восточноевропейских союзников формировалась как на основе фундаментальных (объективных) народнохозяйственных и социальных процессов и их закономерностей, так и под воздействием субъективных факторов (перенимания и копирования имевшегося советского опыта хозяйственного строительства и управления экономикой, опыта, подтвержденного победой СССР, в том числе и в экономической области, в войне с Германией).

Для исследователя экономических взаимоотношений ПНР и СССР после Второй мировой войны и до конца 1950-х гг. принципиальное значение имеет тот факт, что восстановление народного хозяйства в обеих странах началось с тяжелой промышленности, которая и в дальнейшем развивалась ускоренными темпами. Только на первый взгляд это было обусловлено потребностями противостояния в развернувшейся холодной войне и гонке вооружений. Указанное обстоятельство имело место, но не являлось решающим. Главное состояло в том, что страны народной демократии, вслед за СССР, в выработке стратегии экономического развития исходили из того представления, что экономический рост зависит от опережающего роста производства средств производства, то есть, упрощенно говоря, преимущественно от темпов наращивания потенциала тяжелой промышленности в качестве базовой составляющей экономики в целом. Общеизвестно и то, что ресурсы, необходимые для этого, могут быть получены либо из внешних источников (иностранские инвестиции и технологии), либо из внутренних – за счет, в основном в данном случае, несоциалистических укладов народного хозяйства. В конкретной практике решения народнохо-

зайственных задач как СССР, так и странами народной демократии использовались оба источника, но для Польши преимущественное значение и по объему ресурсов, и по их технологическому качеству имела внешняя помощь со стороны СССР, включая и германские репарации. Советский Союз при этом отнюдь не принимал на себя роль благодетеля. Советское руководство осознавало принципиальное значение расширения общего экономического «фронта» социалистического строительства, участия в нем новых стран и народов и в итоге роста могущества социалистического лагеря в условиях противостояния «двух мировых систем». Приведенные в книге документальные материалы, касающиеся отношений СССР и Польши, служат тому подтверждением.

Характер и особенности экономических связей ПНР и Советского Союза определялись многими факторами и обстоятельствами. Среди них особое значение имело стратегическое положение Польши, через территорию которой пролегли кратчайшие пути по всем направлениям Европейского континента. Это объективно придавало Народной Польше статус важнейшего союзника Москвы в Европе. Этим, наряду с другими причинами, во многом объяснялась ключевая военно-политическая и экономическая роль страны в системе Варшавского договора, на что указывали хотя бы место его подписания в Варшаве и исторически закрепившееся название самой организации, обеспечивавшей баланс сил между двумя мировыми системами и относительное военно-стратегическое равновесие в Европе. Констатация отмеченного факта важна еще и потому, что от него зависел взаимный статус СССР и ПНР как союзников.

Разумеется, что отношения Москвы и Варшавы развивались в рамках взаимоотношений старшего и младшего партнеров, в высшей степени заинтересованных друг в друге и связанных после Второй мировой войны общностью национально-государственных интересов. К ним следует отнести обеспечение взаимной безопасности границ и новых территорий, приобретенных как Польшей, так и СССР по решению глав «Большой тройки» на конференциях в 1945 г. в Ялте и Потсдаме, сохранение системы международных отношений и статус-кво в Европе после Второй мировой войны. Общность интересов Советского Союза и Народной Польши диктовала тесное взаимодействие, но не гарантировала равноправия в отношениях двух стран, неравновеликих по ряду параметров, прежде всего по экономическому потенциалу и оборонному ком-

плексу, по способности самостоятельно отразить внешнюю агрессию, по статусу и роли на международной арене. В рамках такого партнерства ведущая роль СССР обусловила для Польши де-факто ограниченное право на не согласованные с СССР действия, как на международной арене, так и во внутренней политике, особенно в первое послевоенное десятилетие.

Проведенное исследование документальных, как правило, еще недавно сугубо секретных, материалов позволяет сделать вывод, что под воздействием кризиса 1956 г. в Польше (и Венгрии) ситуация в советско-польских отношениях существенно изменилась. Новое польское руководство во главе с В. Гомулкой последовательно добивалось и фактически добилося права достаточно самостоятельно принимать решения, касавшиеся внутренней, а в перспективе и внешней политики. В отношениях Москвы и Варшавы установилось относительное равноправие сторон, что позволяло ПНР успешно отстаивать собственные национальные интересы и принципы суверенности своей политики, добиваться экономических преференций, что особенно ярко проявилось в ходе как самого кризиса 1956 г., так и его последующего урегулирования, в том числе и в области советско-польского экономического сотрудничества. Достаточно рельефно это нашло выражение в стратегии экономической помощи со стороны СССР и в решении таких существенных для ПНР вопросов, как угольная и транспортная проблемы, а также вопрос о распределении германских репараций.

Однако в стратегических вопросах, связанных с проблемами государственной и международной безопасности, в частности в деятельности СССР и ПНР на международной арене по поддержанию военно-политического баланса в Европе, а также в вопросе незыблемости европейских границ, мнениям и решениям советского руководства неизменно принадлежала приоритетная роль. Это же касалось и сфер военного строительства, и проблем оборонно-промышленного комплекса. Правда, в этих областях заметных расхождений в позиции советских властей и властей Народной Польши не наблюдалось, так как общность политики обоих государств определялась их общей социально-политической природой, обоюдной заинтересованностью в тесном военно-политическом союзе, противостоявшем блоку капиталистических держав и гарантировавшем, в частности, жизненно важную для Польши Ялтинско-Потсдамскую систему.

Стратегия социально-экономического развития социалистического лагеря, в том числе и Народной Польши, направленная на ускоренный рост промышленного потенциала, и прежде всего тяжелой промышленности, закономерно имела своим последствием существенную диспропорцию в экономике отдельных стран между производством и потреблением, нарушение принципа эквивалентности товарообмена между городом и деревней, между взаимодействовавшими хозяйственными укладами и отраслями народного хозяйства. Все это негативно сказывалось на материальном положении трудящихся, создавало почву для социального недовольства. Эти тенденции усиливались исходной ситуацией послевоенной разрухи и необходимостью серьезных экономических усилий и материальных жертв ради восстановления народного хозяйства, что в разной мере имело место во всех странах социалистического лагеря и стало одной из причин кризисных явлений в политической области и в области социальных отношений. В полной мере они нашли выражение и в Польше, будучи усилены в польском обществе ощущением ограничения ее суверенности.

Однако главной причиной общественных волнений в ПНР в 1956 г. стал остро ощущаемый рабочим классом Польши разрыв между содержанием программно-политических обещаний со стороны правящей ПОРП, между уровнем социальных ожиданий народа и реальным экономическим положением в стране, прежде всего материальными трудностями повседневности, особенно остро воспринимавшимися в сравнении с условиями жизни партийно-хозяйственной номенклатуры. Немаловажной причиной этого общественного кризиса был кризис власти, порожденный противоречиями в ПОРП и в правящих верхах по ряду принципиально важных вопросов: о социально-политической модели польского общества («о польском пути к социализму»), о реформе сталинской модели государства и в целом о преодолении административно-репрессивной «сталинской» практики государственного управления, о новых формах и методах руководства страной. Свою роль в польском кризисе 1956 г. сыграл вопрос о восстановлении национального суверенитета ПНР, в том числе и в области международных экономических связей, что имело немаловажное значение для развития польско-советского народнохозяйственного сотрудничества.

В современной Польше большинство исследователей склоняется к мысли о «фундаментальной зависимости» Народной Польши

от СССР, в частности, и в сфере экономики¹, и считает, что ее неравноправие в экономических отношениях с СССР превращало страну в объект «советской эксплуатации». Всем своим содержанием книга, а главное, приведенные и привлеченные к работе над ней советские и польские исторические источники опровергают подобные утверждения. Документы, как польские, так и советские позволяют констатировать, что в первое десятилетие после освобождения Польши от гитлеровской оккупации, в 1940–1950-е гг., экономические отношения СССР и ПНР развивались не столь односторонне, как это видится адептам нынешней «исторической политики» в Польше. В действительности все выглядело намного сложнее и развивалось извилистым путем. Вопреки официально насаждаемым нынешними властями Польши представлениям о пагубном для страны влиянии «тяжелой руки» Москвы, в 1940–1950-е гг. экономическое сотрудничество с СССР, как свидетельствуют приведенные в работе материалы, приносило для Польши позитивные результаты. Отметим, что среди современных польских историков сторонники негативной по отношению к восточному соседу «исторической политики» – это только часть историографического спектра, далеко не всегда стремящаяся к объективному описанию польского исторического прошлого.

Преодоление последствий социально-политического кризиса 1956 г. в Польше, в частности и в народнохозяйственной области, не замыкалось рамками 1957 г., как нередко формально принято считать в современной историографии. Процесс нормализации положения в стране продолжался до конца 1950-х годов. Одним из свидетельств этого стал созванный весной 1959 г. III съезд ПОРП. Он был призван продемонстрировать единство правящей партии и польского общества, верность ПОРП марксистско-ленинским принципам в теории и на практике, неуклонное следование партии самостоятельным курсом социалистического строительства². Накануне 15-летия Народной Польши решения съезда были адресованы общественности как внутри страны, так и за ее пределами,

¹ См., например: *Skobelski R. PRL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956–1970 // Kwartalnik Historyczny. R. CXIV. Warszawa, 2007. Z. 3; Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002; Idem. Mechanizmy autonomii. Stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Pułtusk; Warszawa, 2005.*

² Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 666–668.

в первую очередь – братским партиям и странам – союзникам по Варшавскому договору и СЭВ.

Съезд проходил в Варшаве. В отчетном докладе В. Гомулка констатировал, что ПОРП успешно преодолела ревизионизм и догматизм в своих рядах и подтвердила «верность принципам марксизма-ленинизма». Оценивая «Октябрьский кризис», Первый секретарь заявил, что «VIII пленум ЦК ПОРП положил конец временному, но серьезному политическому кризису в партии и в обществе. Этот кризис выразился в недовольстве части рабочего класса и продолжавшейся несколько месяцев неспособности руководящих органов партии вести единую и последовательную работу [...]»³.

Перед делегатами съезда с докладом о развитии народного хозяйства выступил председатель Комиссии планирования при Совете министров ПНР, член Политбюро ЦК С. Ендрыховский. Говоря об экономических связях с СССР и социалистическими странами, он указал, что их доля в общем внешнеторговом обороте ПНР составляет около 60%. «Из Советского Союза и стран народной демократии мы ввозим основное количество необходимого сырья для нашей промышленности и около 70% машин и оборудования. Так, например, в 1958 г. из социалистических стран мы получили 100% импортируемой нефти, 100% нефтепродуктов, 76% железной руды, 95% марганцевой руды, 100% цинковых концентратов, 24% меди, 32% проката черных металлов, 92% синтетического каучука, 50% хлопка, 34% пшеницы, 100% калийных удобрений и апатитов. [...] Взамен этого Польша поставила социалистическим странам 83% общего количества экспортируемых ею машин и оборудования, 47% каменного угля, 92% кокса, 60% проката, 64% цинка, 59% соды, 73% шерстяных тканей [...]»⁴.

В докладе Э. Охаба «Директивы сельской политики партии» отмечался низкий уровень товарности аграрного сектора экономики, говорилось о необходимости предпринять дальнейшие усилия для увеличения выпуска сельскохозяйственной продукции и ее поставок на рынок. Указывая, что уровень жизни населения непосредственно зависит от увеличения сельскохозяйственного производства, Охоб определил условия для дальнейшего развития земледелия: это «увеличение поставок машин, удобрений, строи-

³ Там же. С. 667.

⁴ III съезд Польской объединенной рабочей партии (Варшава, 10–19 марта 1959 г.). М., 1959. С. 184–185.

тельных материалов для села, внедрение новых методов хозяйствования, развитие аграрного просвещения, укрепление позиций социалистических хозяйств и пропаганда их достижений»⁵.

На исходе 1950-х гг. экономическое сотрудничество СССР и ПНР, как и народнохозяйственные связи в рамках всего социалистического содружества, вступили в стадию глубокого реформирования на основе принципов национального суверенитета и социалистической экономической интеграции. Этот политический курс был провозглашен на VIII сессии СЭВ в Варшаве в 1957 г. В его основе на первом этапе были заложены принципы координации народнохозяйственных планов социалистических стран в рамках единого стоимостного баланса и согласованной номенклатуры продукции в системе разделения труда между странами – участниками СЭВ. Осуществление этого курса создавало бы более благоприятные условия как для взаимовыгодного товарообмена между социалистическими странами, так и для их равноправного участия в международной торговле, когда СЭВ выступал бы коллективным гарантом внешнеторговых интересов отдельных стран.

Конец 1950-х годов был связан со значительными хозяйственными реформами в социалистических странах, прежде всего в СССР. Концентрированным выражением этого стало решение Москвы о приостановке осуществления советского 6-го пятилетнего плана и о составлении нового народнохозяйственного плана, рассчитанного на 7 лет, с 1959 до 1965 г. Это решение было продиктовано необходимостью преодоления существенных экономических диспропорций и относительного замедления темпов развития народного хозяйства СССР. «Семилетка» предполагала кардинальное изменение структуры советского энергетического комплекса за счет строительства крупных объектов гидроэнергетики в европейской части и на востоке страны, а также на основе развития системы АЭС. К программе мирного использования атомной энергии были активно привлечены и союзники СССР, в первую очередь Народная Польша. «Семилетка» была направлена на совершенствование угольного баланса за счет сокращения доли угля в энергетике и введения в эксплуатацию новых месторождений в Казахстане и в Сибири. «Семилетка» положила начало многим новейшим отраслям советской промышленности, введению в хозяйственный обо-

⁵ III Zjazd Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej. Warszawa 10.III.–19.III. 1959 r. Stenogram. Warszawa, 1959. S. 577 etc.

рот целинных и залежных земель и т.д. Важным аспектом экономических реформ в СССР на рубеже 1950–1960-х годов стала попытка внедрения территориальных форм управления народным хозяйством. Возврат к системе отраслевого министерского управления в СССР в 1965 г. не означал отказа от стратегии экономического развития на основе территориально-производственных комплексов, что играло существенную роль при реализации планов экономического развития социалистических стран, для которых территориальный принцип планирования и координации в рамках СЭВ имел принципиальное значение.

Все эти грандиозные перемены не могли не сказаться на качестве сотрудничества социалистических стран, в том числе на развитии народнохозяйственных связей СССР и ПНР. Уже в декабре 1958 г. на пражской сессии СЭВ была принята программа создания единого нефтехимического комплекса СЭВ на основе поставок из СССР сырья по нефтепроводу «Дружба», а в 1959 г. – программа организации единой энергосистемы европейских социалистических стран. С начала 1960-х гг. экономическое сотрудничество СССР и ПНР развивается вширь, углубляется технологически, в частности за счет развивавшегося опережающими темпами научно-технического взаимодействия. Выражением этого стало, в частности, Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской академией наук, подписанное в конце 1957 г.⁶ Таким образом, уже с первых шагов осуществления программы координации народнохозяйственных планов стран СЭВ она реализовывалась не только в сфере товарооборота, но и в области производственной и научно-исследовательской кооперации.

Планы социально-экономического развития и народнохозяйственного сотрудничества СССР и других стран СЭВ на рубеже 1950–1960-х гг. дышали подчеркнутым оптимизмом, ставшим своего рода отражением существовавших тогда настроений в странах социалистического содружества. Успехи послевоенного хозяйственного восстановления, экономические достижения мирного

⁶ См.: *Марней Л.П., Носов Б.В.* Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук (подготовка публикации, вступительная статья и комментарии) // *Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше)* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2011. С. 13–52.

послевоенного пятнадцатилетия, внушавший надежды на будущее, хотя и умеренный, рост благосостояния народов, кардинально изменившие к лучшему общественную атмосферу процессы «десталинизации», наконец, провозглашенные советским руководством политика «мирного сосуществования» и в 1959 г. – окончание «холодной войны» – все это укрепляло в общественном мнении СССР и стран Восточной Европы уверенность в лучшем будущем и в решительном движении вперед.

Действительность оказалась гораздо более суровой и противоречивой в плане проявления общественно-политических и идеологических тенденций. Уже в середине и во второй половине 1960-х гг. в СССР и в странах Восточной Европы, наряду с выдающимися достижениями и впечатляющими масштабами развития народного хозяйства, существенно замедляются темпы экономического роста, возникают новые диспропорции в экономике. Формируются и негативные тенденции в общественно-политической жизни, в частности, усиливается идеологическое и политическое давление со стороны властей и одновременно складывается новая антисоциалистическая оппозиция. Очевидным проявлением указанных процессов стали кризисы 1968 г. в Польше и в Чехословакии.

Приложения

№ 1

Докладная записка Госплана СССР, Министерства внешней торговли СССР и Министерства иностранных дел СССР в ЦК КПСС по вопросу экономической помощи Польше

29 сентября 1956 г.
Секретно.

В соответствии с поручением ЦК КПСС от 20 сентября с. г. по вопросам, поставленным т. Охабом в беседе с т. Микояном, докладываем:

1. О поставках угля из Польши в СССР по специальной договорной цене

Поставки угля из Польши в СССР в 1946–1953 гг. по специальной договорной цене – в среднем 1,13 доллара за тонну против 11,7 доллара по ценам торговых соглашений соответствующих лет – производились на основании Соглашения между СССР и Польшей от 16 августа 1945 года.

В Соглашении не совсем ясно изложен вопрос о том, с чем связана поставка угля Польшей по специальной договорной цене, что, по-видимому, послужило основанием для некоторых польских товарищей связывать эти поставки с репарациями, которые Польша получила из Германии в счет доли, уступленной ей Советским Союзом.

Однако из протоколов к этому Соглашению от 5 марта 1947 г. и 25 ноября 1953 года ясно следует, что эти поставки угля Польша производила «в порядке компенсации за уступленные Правительством Союза ССР германские активы на территории Польши».

Всего за период с 1946 года по 1953 год Советским Союзом было получено из Польши по Соглашению от 16 августа 1945 года 49,5 млн т угля на общую сумму 56,2 млн долларов. Стоимость этого угля по ценам торговых соглашений соответствующих лет составила бы 577,2 млн долларов. Таким образом, разница в стоимости поставленного Польшей угля по ценам торговых соглашений соответствующих лет и по специальной договорной цене составляет 521 млн долларов, или примерно 173 млн долларов в ценах 1938 года. Германские активы, переданные Польше, оцениваются приблизительно в 8,9 млрд долларов в довоенных ценах. В расчетах, переданных т. Охабом, количество угля, поставленного Польшей по специальной договорной цене, и его стоимость завышены (справка по данному вопросу прилагается)¹.

Из переданных т. Охабом материалов следует также, что стоимость репараций, полученных Польшей в счет доли СССР, по польским данным, занижена и составляет 295,2 млн долларов по внутренним германским ценам военного времени, которые, как указывается, значительно выше мировых цен.

По нашим подсчетам, стоимость судов, железнодорожного подвижного состава, оборудования и материалов, поставленных Польше в счет репараций, составляет 257,9 млн долларов в ценах 1938 года, что при пересчете по индексам цен, публикуемым ООН, соответствует 595 млн долларов в мировых ценах соответствующих лет (справка по данному вопросу прилагается)².

2. Об экономической помощи, оказанной Советским Союзом Польше за период 1944–1956 гг.

Советский Союз оказал Польше значительную помощь в восстановлении и развитии ее экономики и укреплении обороноспособности путем безвозмездной передачи продовольствия, восстановления за свой счет железных дорог, а также предоставления долгосрочных кредитов на благоприятных условиях.

Советским Союзом предоставлено Польше кредитов на оплату поставок оборудования для восстановления разрушенных и строительства новых промышленных предприятий, на оплату продо-

¹ Текст справки отсутствует.

² Текст справки отсутствует.

вольствия, товаров широкого потребления и сырья, а также вооружения и военного имущества на общую сумму 5,2 млрд рублей, из которых использовано до 1 июля 1956 года около 3,7 млрд рублей. Польше предоставлено почти столько же кредитов, сколько всем остальным европейским странам народной демократии, вместе взятым (6,9 млрд рублей). С помощью и на кредиты Советского Союза в Польше построены и строятся 69 промышленных предприятий, в том числе 8 металлургических заводов, 12 электростанций, 17 машиностроительных заводов и т.д.

Безвозмездная помощь, оказанная Польше в 1944–1946 годах, составила около 250 млн рублей во внутренних ценах Советского Союза. В частности, было поставлено 60 тыс. т зерна для населения г. Варшавы, восстановлено 3327 км главных путей и 5655 км станционных путей железных дорог, 63 железнодорожные станции, 8 депо, восстановлена Варшавская электростанция (справка по данному вопросу прилагается)³.

Считаем целесообразным передать т. Охабу прилагаемые памятную записку и справки о поставке угля из Польши в СССР по Соглашению от 16 августа 1945 года, о ремонтных поставках Польше и об экономической помощи, оказанной Советским Союзом Польше в 1944–1956 годах.

Проект постановления прилагается.

М. Сабуров, Н. Байбаков, И. Кабанов,

К. Коваль, А. Громыко

На первой странице записки помета: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС.

1.Х.56. В. Малин».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 46. Л. 104–106. Подлинник. Опубликовано: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958 / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 423–425.

³Текст справки отсутствует.

№ 2

**Протокол по вопросам, обсуждавшимся
в переговорах между делегацией ЦК КПСС
и Правительства Советского Союза и делегацией ЦК ПОРП
и Правительства Польской Народной Республики,
проходивших в Москве 15–18 ноября 1956 года**

18 ноября 1956 г.

В результате имевших место переговоров между делегацией ЦК КПСС и Правительства Советского Союза и делегацией ЦК ПОРП и Правительства Польской Народной Республики и в соответствии с Совместным Заявлением обеих делегаций от сего числа была достигнута договоренность по следующим вопросам:

Статья 1

Обе Стороны, исходя из взаимных интересов, согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 года по использованным суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом Польше (за исключением задолженности по кредиту по Соглашению от 3 ноября 1955 года), в оплату полной стоимости угля по соответствующим мировым ценам, поставленного из Польши в СССР в 1946–1956 годах в соответствии с Соглашением от 16 августа 1945 года и Протоколом к нему от 5 марта 1947 года.

Статья 2

Стороны условились считать окончательно урегулированными и погашенными все расчеты между советскими и польскими организациями по золотым, полученным до 1 ноября 1956 года на содержание советских воинских частей в Польше по соглашению от 5 марта 1947 года, а также расчеты по задолженности на 1 ноября 1956 года, касающиеся арендной платы за помещения, занимаемые советскими войсками в Польше, и по оплате прибылей Военторга советских войск в Польше.

Считается также исчерпанным поднятый Польской Стороной вопрос о ценах на вооружение, поставлявшееся из СССР в Польшу по Соглашению от 5 марта 1947 года.

Статья 3

Злотые, необходимые советским воинским частям в Польше для выплаты денежного довольствия личному составу, оплаты аренды за помещения и других услуг, а также на мелкие расходы, будут, начиная с 1 ноября 1956 года, предоставляться Польской Стороной по счету неторговых платежей с последующим пересчетом в цены Торгового Соглашения по коэффициенту, установленному для платежей по указанному счету.

Статья 4

Обе Стороны считают, что порядок расчетов по неторговым платежам, установленный Протоколом от 17 сентября 1956 года, обеспечивает взаимные интересы Сторон.

Советская Сторона возвратит Польской Народной Республике 66,5 млн рублей, уплаченных Польской Стороной Советскому Союзу в 1951–1955 годах в соответствии с Советско-Польскими Соглашениями от 14 февраля 1951 года, 12 февраля 1954 года и 21 июля 1952 года. Возврат этой суммы будет произведен путем зачисления ее на клиринговый счет. После уплаты указанной суммы все неторговые расчеты, произведенные до 1 января 1956 года, будут считаться окончательно урегулированными.

Статья 5

Министерство путей сообщения СССР и Министерство путей сообщения Польской Народной Республики произведут уточнение расчетов по транзитным коммерческим перевозкам из Германии в СССР и обратно за время с 1 января 1946 года по 1 июля 1954 года, учитывая при этом эксплуатационные расходы, которые несло Министерство путей сообщения СССР при пропуске по железным дорогам Польши поездов, сформированных из подвижного состава СССР.

При окончательном расчете будут также учтены 50% расходов, произведенных до 1946 года Министерством путей сообщения СССР на восстановительные работы и оплату материалов для железных дорог Польши.

Статья 6

Полномочные представители Сторон на основе имеющихся документов о ежегодных поставках в счет репараций подпишут заключительный Протокол о произведенных поставках Польской

Народной Республике в счет ее доли репараций с Германии, определенной Советско-Польским Соглашением от 16 августа 1945 года и Протоколом от 5 марта 1947 года к указанному Соглашению.

Статья 7

Условлено, что вопросы, касающиеся ответственности советских воинских частей, расположенных в Польше, за наносимый ими ущерб польским учреждениям и гражданам, будут разрешены на основании статуса советских войск, расположенных на территории Польской Народной Республики, Соглашение о котором будет заключено Сторонами в ближайшее время.

Статья 8

Обсудив вопрос о репатриации в Польшу лиц, не воспользовавшихся в свое время правом, предоставленным им Польско-Советским Соглашением от 6 июля 1945 г., Стороны договорились продлить на один год срок репатриации этих лиц в Польшу и уполномочили свои компетентные органы для осуществления этих решений. В ближайшее время состоится встреча представителей указанных органов для согласования срока и порядка репатриации.

Советская Делегация поставит перед Президиумом Верховного Совета СССР вопрос о досрочном освобождении и репатриации, либо о передаче польским органам лиц, находящихся в местах заключения.

Статья 9

Стороны признали необходимым в течение одного месяца заключить Соглашение, определяющее статус советских войск, расположенных в Польше, для чего Стороны поручат своим компетентным органам разработать в ближайшее время соответствующие предложения.

Статья 10

Обе Стороны заявляют, что вопросы количественного состава войск являются исключительно внутренней компетенцией каждой из стран.

Статья 11

В связи с предложениями Польской Стороны, относящимися к Варшавскому договору, обе Стороны после обмена мнениями пришли к заключению, что эти вопросы после изучения их Мини-

стерствами обороны будут рассмотрены Правительствами СССР и ПНР и представлены на рассмотрение Правительств стран – участниц Варшавского договора, важнейшее значение которого признается Сторонами.

Статья 12

Правительство СССР согласно поставить в Польскую Народную Республику в 1957 году 1400 тыс. т зерна. Поставки указанного зерна будут произведены в кредит, который будет предоставлен из 2% годовых с погашением его поставками в СССР польских товаров в 1961–1962 годах равными ежегодными долями. Списки таких товаров будут согласовываться сторонами.

Статья 13

Правительство СССР предоставит Правительству ПНР кредит в сумме 700 млн рублей из 2% годовых на оплату товаров, которые будут поставляться из СССР в ПНР по списку, подлежащему согласованию между Сторонами.

Указанный кредит будет использован в течение 1958, 1959 и 1960 годов и погашен поставками в СССР польских товаров в течение 1963, 1964 и 1965 годов равными ежегодными долями. Списки этих товаров будут также согласовываться Сторонами.

Статья 14

Стороны установили, что поставки зерна из СССР в ПНР, так же как и поставки угля из ПНР в СССР будут осуществляться на базе мировых цен, т. е. на базе, на которой осуществляется вся внешняя торговля между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, исходя из принципов взаимной выгоды.

Статья 15

По вопросу использования линий и средств связи советскими воинскими частями, находящимися в Польской Народной Республике, достигнута договоренность о том, что будет поручено соответствующим министерствам СССР и Польской Народной Республики рассмотреть и урегулировать расчеты за предыдущий период, начиная с 1946 года, и определить порядок этих расчетов в будущем.

Составлен в Москве 18 ноября 1956 года в двух подлинных экземплярах на русском языке.

Председатель Совета
Министров Союза Советских
Социалистических Республик
Н. Булганин

Председатель Совета Министров
Польской Народной Республики
Ю. Циранкевич

Верно: Начальник Договорно-правового отдела В. Тепляков

*РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 142. Л. 11–15. Заверенная копия. РГАЭ.
Ф. 365. Оп. 2. Д. 29. Л. 100–104. Ротапринтный экз., заверен стар-
шим экспертом Договорно-правового отдела В. Тереховым.*

№ 3

Записка министра внешней торговли СССР И.Г. Кабанова о переговорах с представителем правительства ПНР Э. Широм по вопросу подписания заключительного протокола о репарационных поставках Польше

10 мая 1957 г.
Секретно

ЦК КПСС

Минвнешторг считает необходимым информировать о переговорах с представителем Польского Правительства т. Широм по вопросу подписания заключительного Протокола о репарационных поставках Польше.

Статьей 6 Межправительственного Протокола от 18 ноября 1956 года предусмотрено, что «Полномочные представители Сторон на основе имеющихся документов о ежегодных поставках в счет репараций подпишут заключительный Протокол о произведенных поставках Польской Народной Республике в счет ее доли репараций с Германии, определенной Советско-Польским Соглашением от 16 августа 1945 года и Протоколом от 5 марта 1947 года к указанному Соглашению».

На основании этого Минвнешторг подготовил проект заключительного Протокола и вручил его польской стороне, а также ознакомил польских экспертов с имеющимися документами.

Однако польский представитель до сих пор не дал согласия на подписание нашего проекта Протокола и не представил своего проекта. В ходе переговоров им были выдвинуты следующие вопросы:

1. Об определении общей суммы репарационных поставок Советскому Союзу, с которой должна исчисляться доля репараций Польше.

Нами было заявлено польскому представителю, что всего Советский Союз, как это следует из письма т. Сталина на имя т. Гротевольфа от 15 мая 1950 г. и советско-германского Протокола от 22 августа 1953 г., получил с Германии репараций в сумме 4292,2 млн долларов. Чтобы опеределить объем репараций, от которого должна исчисляться доля Польши, из этой суммы необходимо вычесть:

746 млн долларов, составляющих стоимость предприятий советских акционерных обществ в Германии (включая стоимость патентов), возвращенных ГДР в 1952–1953 гг.;

463,9 млн долларов, составляющих стоимость заграничных немецких активов, принятых в счет репараций в третьих странах (Австрия, Финляндия, Румыния, Болгария, Венгрия).

Таким образом, сумма репараций, с которой должна исчисляться доля Польши, составляет 3081,9 млн долларов в ценах 1938 года.

Поставки Польше в счет репараций в 1948–1953 гг. составили 257,8 млн долларов, или 8,4% от указанного общего объема репараций, против 7,5%, предусмотренных Протоколом от 5 марта 1947 г.

Польский представитель на последней беседе перед своим отъездом в Варшаву просил ознакомить его с документами, подтверждающими правильность сообщенной нами первоначальной стоимости советских предприятий, поскольку у него возник вопрос – не является ли указанная выше сумма 746 млн долларов стоимостью этих предприятий на момент возвращения их в ГДР, то есть не включаются ли в указанную стоимость капиталовложения, сделанные Советским Союзом во время эксплуатации этих предприятий.

Двусторонних документов по вопросу оценки первоначальной стоимости в долларах полученных Советским Союзом в Германии предприятий не имеется. Приемка производилась двусторонними комиссиями, и каждое предприятие оценивалось в германских марках 1938 года с учетом его фактического состояния, о чем составлялись соответствующие акты. Стоимость полученных предприятий в германских марках отражена также в бухгалтерских отчетах бывшего ГУСИМЗа. Пересчет стоимости полученных нами

в Германии предприятий в ам[ериканские] доллары производился советской стороной на основе указанных документов по принятому курсу (3 гер[манские] марки = 1 доллару США). Минвнешторг имеет в виду ознакомить польского представителя с выписками из бухгалтерских отчетов ГУСИМЗа и некоторыми актами приемки предприятий в счет репараций, а также разъяснить, что в сумму 746 млн долларов входит стоимость немецких патентов на 200 млн долларов, определенная экспертным путем.

2. О зачислении в счет репарационных поставок Польше трофейного железнодорожного подвижного состава.

В соответствии с Соглашениями от 7 сентября 1945 года и 5 марта 1947 года в счет репараций Польше был передан подвижной состав, взятый в качестве трофеев Советской армией на территории Польши. Стоимость всего подвижного состава в соответствии с этими Соглашениями определена сторонами в 111,9 млн долларов в ценах 1938 года.

Польский представитель заявил, что железнодорожный подвижной состав не должен был засчитываться в счет репараций, а его необходимо было вернуть Польше в порядке реституции. Кроме того, он считает завышенной оценку паровозов, переданных Польше в числе указанного подвижного состава. Он обосновывает это тем, что средняя цена за тонну переданных Польше паровозов составила 486 долларов, в то время как средняя цена тонны демонтированного оборудования, вывезенного из Германии в счет репараций, составляет около 240 долларов. Эти цифры отвечают действительности. Однако необходимо иметь в виду, что при определении первоначальной цены оборудования и паровозов брались цены 1938 г., которые мало отличались друг от друга (на паровозы – 637 долларов, на оборудование – 617 долларов), но скидка на износ демонтированного оборудования составила в среднем 62%, а скидка на паровозы, установленная экспертами советско-польской комиссии для каждого паровоза в зависимости от износа, составила в среднем 24%. Этим и объясняется разница между средней стоимостью тонны сданных Польше паровозов и полученного из Германии демонтированного оборудования.

Минвнешторг разъяснил польскому представителю, что оценка паровозов производилась представителями советской и польской сторон по ценам 1938 года с учетом фактического состояния передаваемых паровозов, то есть по тем же принципам, по которым оценивались все репарационные изъятия, и что нет оснований ее пересматривать.

Польский посол в СССР т. Гедэ в беседе, состоявшейся по его инициативе с заместителем министра внешней торговли т. Семи-частновым, заявил, что польская сторона считает неправильным соглашение о зачислении в счет репарации переданного Польше железнодорожного подвижного состава, поскольку паровозы и вагоны принадлежали железным дорогам, расположенным на территории, отошедшей Польше, и являются их неотъемлемой частью и поэтому не могут считаться трофеями Советской армии.

Вместе с этим он отметил, что цена на паровозы была установлена более высокой, чем цена на демонтированное оборудование, полученное Советским Союзом в счет репараций из Германии.

Поскольку эти паровозы и вагоны взяты Советской армией в ходе войны и являлись немецкой собственностью, Минвнешторг отклоняет точку зрения польской стороны о том, что указанный железнодорожный подвижной состав не является трофейным. Пересматривать соглашения о зачислении трофейного подвижного состава в счет репараций нет никаких оснований, тем более что в статье 6 Межправительственного протокола от 18 ноября 1956 г., как указано выше, предусматривается лишь подписание заключительного Протокола о произведенных поставках Польше в счет ее доли репараций из Германии на основании имеющихся документов о ежегодных поставках.

Учитывая это, Минвнешторг по возвращении из Варшавы т. Шира продолжит с ним переговоры, исходя из изложенных выше позиций.

Министр внешней торговли

И. Кабанов

Пометы на отдельных страницах документа: «Товарищу Малину В.Н. По указанию т. Микояна А.И. записка т. Кабанова о переговорах с т. Широм будет рассматриваться на заседании Комиссии по внешнеэкономическим вопросам. Членам Комиссии эта записка разослана. Одновременно т. Микоян А.И. просит Вас разослать записку т. Кабанова членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК КПСС. Ромашов. 17.V/57 г.». «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК КПСС. 17.V/57. В. Малин».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 49. Л. 179–182. Подлинник. Опубликовано: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 655–658.

№ 4

**Записка по вопросу подписания окончательного протокола
о полученных Польшей репарационных поставках,
врученная советской стороне председателем
Совета министров ПНР Ю. Циранкевичем**

[Не позднее 16 мая 1957 г.]

Для подписания окончательного протокола о полученных Польшей репарационных поставках, по мнению Польской Стороны, необходимо принять следующий порядок подготовки материалов к окончательному протоколу:

а) на основе официальных советских и советско-германских документов определить общую стоимость репарационных поставок, полученных Советским Союзом из Германии (для Советского Союза и Польши);

б) на основе установленной в соответствующих Соглашениях процентной доли репараций для Польши определить стоимость репарационных поставок, причитающихся Польше, и сравнить ее со стоимостью действительно полученных Польшей репарационных поставок;

в) установить на основе документов метод определения стоимости (пересчета марок в доллары, норм износа демонтированных машин и оборудования и т.п.) отдельных видов репарационных поставок, полученных Советским Союзом. На этой основе проверить, соответствует ли предварительно определенная стоимость репарационных поставок для Польши в период 1945–1953 гг. принципам определения стоимости поставок для СССР, учитывая при этом положения Советско-Польского Протокола от 5 марта 1947 г., что «все репарационные поставки, полученные и получаемые Сторонами, увязываются в количественном и качественном отношениях» и что «качественная увязка должна обеспечивать одинаковую и в экономическом отношении равноценную номенклатуру поставок для обеих Сторон».

Такой порядок проведения работ является необходимым, если учесть, что в период 1945–1956 гг. Правительство Польской Народной Республики не получало от Советской Стороны каких-либо данных, касающихся структуры стоимости и методов оценки репарационных поставок, изъятых СССР из Германии для себя и для

Польши. В этих условиях подписание ряда протоколов, определяющих стоимость полученных Польшей авансовых репарационных поставок, могло носить только предварительный характер, так как Польская Сторона не могла сравнить способ оценки поставок и проверить их качественную и количественную увязку с поставками для Советского Союза.

Однако в ходе работы экспертов такой порядок работы нашел только частичное применение, так как представители МВТ СССР считали, что окончательное подписание протокола должно явиться только формальным актом и что они не имеют полномочий для рассмотрения вопросов метода определения стоимости поставок и правильности их зачисления.

1. По вопросу общей суммы репарационных поставок

До настоящего времени Правительство Польской Народной Республики и польская общественность могли судить о размерах репараций, полученных СССР из Германии, только из опубликованных в печати советских и советско-германских документов, а именно:

а) письма Председателя Совета Министров СССР Сталина от 15 мая 1950 г., указывающего, что «Германская Демократическая Республика добросовестно и регулярно выполняет свои репарационные обязательства, исчисленные в размере 10 млрд долларов, и что к концу 1950 года значительная часть этих обязательств в сумме 3658 млн долларов будет выполнена», а также что «Советское Правительство по согласованию с Правительством Польской Республики приняло решение сократить оставшуюся к выплате сумму репарационных платежей на 50%, т.е. до 3171 млн долларов». Из чего следует, что общая сумма причитающихся репарационных поставок из Германии уменьшена с 10 млрд до 6829 млн долларов;

б) советско-немецкого протокола от 22/VIII 1953 г., устанавливающего в разделе I, что «Германская Демократическая Республика освобождается от уплаты оставшейся после 1 января 1954 г. суммы репараций, которая составляет 2537 млн долларов в мировых ценах 1938 года».

Таким образом, на общую сумму причитающихся репараций из Германии 6829 млн долларов осталось к уплате к концу 1953 года

2537 млн долларов, из чего следует, что сумма произведенных репарационных поставок составляла всего 4292 млн долларов.

В записке, переданной т. Кабановым Польской партийно-правительственной делегации в ноябре 1956 года, на странице 4 указывается, что «СССР получил с 1945 до 31.XII 1953 г. репараций из Германии всего на сумму 3081,9 млн долларов.

Эту существенную разницу, составляющую 1210 млн долларов, представители МВТ СССР поясняют тем, что вытекающая из официальных документов сумма 4292 млн долларов была ими уменьшена на следующие суммы:

463,9 млн долларов, составляющих, по оценке МВТ СССР, стоимость немецких заграничных активов, принятых в счет репараций;

746,4 млн долларов составляющих, по оценке МВТ СССР, стоимость 99 промышленных предприятий (вместе с технической документацией и патентами), которые были приняты в собственность советских акционерных обществ в Германии в 1946 году и после 6–7-летней эксплуатации в 1952–1953 гг. переданы безвозмездно ГДР.

Что касается суммы 463,9 млн долларов, то советские эксперты объясняют уменьшение общей стоимости репараций на эту сумму тем, что статья 2 «а» и «б» Польско-Советского Соглашения от 16 августа 1945 г. предусматривает выделение репараций для Польши только из советской зоны оккупации Германии и соответствующих репараций СССР из Западных зон Германии.

Что касается уменьшения общей стоимости репараций на сумму 746,4 млн долларов, то предложения советских экспертов не вытекают из международных соглашений или других официальных документов.

Во-первых, общая стоимость произведенных репарационных поставок точно установлена в совместном советско-германском документе от 22/VIII-1953 г.

Если придерживаться формальной точки зрения, на которой стоят представители МВТ СССР, что ранее подписанные документы по вопросу репарационных поставок не подлежат какому-либо анализу или пересмотру, даже если они были составлены на неправильной основе, то нет также никакого основания для пересмотра общей стоимости репараций, установленной в ранее подписанных официальных документах.

Во-вторых, уменьшение репарационных поставок из Германии на 50% на сумму 3181 млн долларов и прекращение изъятия репа-

раций на сумму 2527 млн долларов было произведено Советским Союзом по согласованию с Правительством Польской Народной Республики. В то же время Советское правительство никогда не ставило перед Польским правительством вопроса о дополнительном уменьшении репараций из Германии на 746 млн долларов.

Независимо от принципиальной и формальной сторон этого вопроса, в итоге работ экспертов не удалось выяснить, каким образом МВТ СССР определяет на 746 млн долларов первоначальную стоимость основных фондов 99 промышленных предприятий, переданных в 1946 году в собственность советских акционерных обществ в Германии.

Что же касается конечной стоимости этих предприятий по состоянию на конец 1953 года, т. е. после их восстановления, реконструкции и производства крупных капиталовложений, то она определена в статье 2 Протокола от 22/VIII-1953 г. на сумму 3100 млн герм[анских] марок. Советские эксперты заявили, что по приемо-сдаточному акту в феврале 1954 года стоимость этих же предприятий была определена в 3600 млн герм[анских] марок. Необходимо, однако, учесть, что в эту сумму включены также оборотные средства, стоимость 7 проектных бюро, технической документации и т. п., тогда как для сравнения первоначальной стоимости следует, по нашему мнению, учитывать только основные фонды по состоянию на 1946 и 1953 гг.

Если для пересчета в ам[ериканские] доллары конечной стоимости, указанной в советско-германском протоколе от 22/VIII-1953 г., применить коэффициент, вытекающий из соответствующих расчетов МВТ СССР (4,15–5 марок за 1 доллар), тогда конечная стоимость этих предприятий не превысит 746 млн долларов.

Возникает, таким образом, несоответствие между данными, содержащимися в Протоколе от 22/VIII-1953 г., из которых следует, что конечная стоимость составляла примерно 746 млн долларов, и заявлением о том, что первоначальная стоимость их также равнялась 746 млн долларов.

Кроме того, советские эксперты сообщили, что в сумму 746 млн долларов включена стоимость германских патентов и другой технической документации, составляющая около 25–30% этой суммы. Возникает вопрос, каким образом стоимость германских патентов и технической документации, использованных в течение 6–7 лет, может быть учтена для уменьшения общей стоимости изъятых репараций.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на многократные обращения, польская сторона не получила возможности ознакомиться с официальными документами или приемо-сдаточными актами, которые могли бы устранить возникшие в ходе работ экспертов неясности.

II. По вопросу полученных Польшей репарационных поставок

В итоге работы экспертов согласована стоимость репарационных поставок для Польши товаров из текущего производства.

В то же время по вопросу доли Польши в поставках машин и оборудования, изъятых из советской зоны оккупации Германии, между точками зрения представителей МВТ СССР и польской стороны сохранились принципиальные расхождения. Как известно, Польша не получила репараций в виде машин и оборудования, изъятых из предприятий бывшей советской зоны оккупации Германии и оцениваемых на сумму 746 млн долларов.

Представители МВТ СССР утверждают, что для определения качественной и количественной сопоставимости полученных СССР и ПНР машин и оборудования следует для сравнения учесть зачисленный на репарации бывший немецкий железнодорожный подвижной состав в Польше.

При обсуждении этого вопроса польская сторона считает необходимым указать на следующие обстоятельства.

В связи с заявленным намерением эвакуировать бывший немецкий железнодорожный подвижной состав из Польши, что дезорганизовало бы железнодорожный транспорт и усложняло бы хозяйственное восстановление страны, Польское правительство вынуждено было в 1945 году согласиться на его выкуп, путем зачета его стоимости в счет польской доли репараций из Германии. Стоимость подвижного состава была в 1947 году определена на сумму 111,9 млн долларов в ценах 1938 года, что составляет свыше 43% подсчитанной МВТ СССР общей стоимости репарационных поставок для Польши.

Весь бывший немецкий железнодорожный подвижной состав, находящийся в Польше, рассматривался, таким образом, в 1945 году как военные трофеи, несмотря на то, что он был необходим мирному народному хозяйству участвующей в войне союзной Польше в ее новых границах и не мог никоим образом служить увеличению военного потенциала Германии.

Из статьи 1 Советско-Польского Соглашения от 16/VIII-1945 г. вытекает, что «в соответствии со своим заявлением на Берлинской конференции Советское правительство отказывается в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на всей территории Польши, включая и ту часть территории Германии, которая переходит к Польше».

Основываясь на вышеприведенном, был приостановлен демонтаж промышленных предприятий в Польше, а предприятия, ранее зачисленные в качестве военных трофеев, были переданы Польше безвозмездно.

По отношению к железнодорожному подвижному составу применялся совсем другой принцип, а именно: советская сторона вообще не признавала права польской стороны на бывший немецкий подвижной состав, хотя он составлял именно бывшие немецкие активы на территории Польши.

Статья 2 Соглашения от 16/VIII-1945 г. гласит, что «Советское правительство согласно уступить Польше из своей доли репараций, подлежащих поставкам Советскому Союзу, 15% всех репарационных поставок из советской зоны оккупации Германии, которые будут иметь место в период после Берлинской конференции».

Как вытекает из этого, зачет на репарации для Польши бывшего немецкого железнодорожного подвижного состава, находящегося в Польше, противоречит также и этой статье, так как этот подвижной состав находился на территории Польши, а не на территории советской зоны оккупации Германии.

Кроме того, само собой разумеется, что Польша, воссоединяя западные земли, должна была принять в собственность бывший германский подвижной состав, аналогично тому, как Советский Союз, воссоединяя территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вошел в собственность находящегося на этих территориях подвижного состава.

Независимо от вышеприведенных обоснований принципиального характера, следует указать также на неправильность определения стоимости вышеуказанного подвижного состава.

В то время как стоимость одной тонны демонтированного оборудования из бывшей советской зоны оккупации Германии, по сообщению советских экспертов, составляла около 240 долларов, то при оценке паровозов, с учетом их износа, средняя цена состав-

ляет 486 долларов, т. е. она в два раза выше, чем для указанного выше оборудования.

Цена паровозов была установлена вразрез с методом оценки, принятым для репарационных поставок оборудования в СССР. При установлении этой цены не были учтены немецкие и другие данные о стоимости такого рода паровозов в 1937–1940 гг., а также не применена инструкция Союзного Контрольного Совета (ДКДР/Р/46/28 от 19/II–1946 г.), предусматривающая, что срок амортизации паровозов в репарационных поставках устанавливается в 24 года, при скидке за 1 год эксплуатации паровозов – 4 1/17%.

Вместо этого была принята исходная завышенная цена 637 долларов за одну тонну новых паровозов и в качестве амортизационной скидки принята для паровозов, бывших 30–35 лет в эксплуатации, уценка в размере 30%, несмотря на то, что применение такой амортизационной скидки означает, что полная амортизация паровозов может произойти после 100-летней эксплуатации, когда, например, в СССР в мирное время применяется норма 100% амортизации паровоза после 35-летнего срока.

Следует также упомянуть, что в числе бывших германских паровозов, которые были засчитаны Польше на репарации, находилось 119 паровозов польского производства, которые, бесспорно, являлись собственностью Польши.

Стоимость зачисленных в репарации паровозов была установлена в сумме около 89 млн долларов. Таким образом, стоимость старых, изношенных паровозов должна составлять около 12% стоимости демонтированного оборудования многих сотен крупных промышленных предприятий, а также подвижного состава и речных судов, изъятых из советской зоны оккупации Германии и оцененных на 746 млн долларов. Проверенные расчеты польской стороны показывают, что стоимость паровозов была завышена на около 63 млн долларов.

Следует добавить, что оценка паровозов была подписана 13 июня 1947 г. только экспертами обеих сторон, что дополнительно подтверждает предварительный характер этой оценки.

* * *

Резюмируя, Польская Сторона не может подписать окончательного Протокола, не имея согласованной суммы стоимости репарационных поставок из Германии, а также без согласования стоимости репарационных поставок для Польши, основанной на одинаковых для обеих Сторон принципах определения стоимости этих поставок.

Резолюция: «Разослать членам и кандидатам в члены Презид[иума] и секретарям ЦК. Микоян. 27.V.»

Помета на первой странице записки: «Вручена т. Циранкевичем 25 мая во время переговоров».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 49. Л. 131–140. Подлинник. Опубликовано: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 667–672.

№ 5

Записка А.И. Микояна в ЦК КПСС по вопросам подготовки к советско-польским переговорам в Москве

22 мая 1957 г.

Сов[ершенно] секретно

Комиссия Президиума Совета Министров СССР по внешнеэкономическим вопросам на ряде своих заседаний с участием заинтересованных министерств рассмотрела отдельные вопросы к переговорам с делегацией ЦК ПОРП.

После доработки этих вопросов Комиссия представляет на рассмотрение предложения как проект директив делегации ЦК КПСС для переговоров с делегацией ЦК ПОРП касательно:

военной техники;

атомной энергетики;

расчетов за железнодорожные коммерческие перевозки через Польшу транзитными поездами СССР с 1 января 1946 г. по 30 июня 1954 г.

Комиссия также рассмотрела предложение Минвнешторга по вопросу переговоров относительно подписания заключительного протокола о произведенных поставках Польше в счет ее доли репараций с Германии и считает целесообразным это предложение принять. Прилагается по этому вопросу справка, представленная тт. Кабановым, Никитиным и Захаровым. При необходимости эта справка может быть вручена Польской делегации.

По вопросу передачи военных кораблей в аренду Министерство обороны считает нецелесообразным передавать Польше в аренду подводные лодки и эсминцы, а большие охотники предлагает передать Польше в порядке поставок с оплатой полной стоимости.

Комиссия просит особо рассмотреть вопрос о возобновлении передачи Польше технической документации на пушку Д-10 ТГ со стабилизатором к танку Т-54 А. Опасность передачи этой документации с точки зрения сохранения секретности очевидна. Однако положение осложняется тем, что наше правительство уже обещало передать эту документацию, и более того, одна пушка с таким стабилизатором уже передана полякам в качестве образца и находится у них.

В предложениях тт. Сабурова и Жукова, внесенных 8 мая с. г. и одобренных ЦК КПСС⁴, предусматривается продолжение производства в Чехословакии и Польше средних танков Т-54 А.

Комиссия просит также особо рассмотреть вопрос о поставке в Польшу для оснащения противовоздушных частей польской армии двух радиолокаторов «Хрусталь», двух радиолокаторов «Тропа» и одного радиовысотомера «Вершина» (на общую сумму около 4 млн руб.).

В свое время эти радиолокационные средства были рекомендованы полякам нашим Министерством обороны с целью обеспечения единой системы противовоздушной обороны СССР и стран народной демократии, в связи с чем они были предусмотрены народнохозяйственным планом СССР на текущий год к поставке в Польшу. Однако поставки эти были временно задержаны.

Упомянутые выше предложения тт. Сабурова и Жукова предусматривают обеспечение армий стран народной демократии указанными радиолокационными средствами за счет поставок из Советского Союза по мере обеспечения Советской армии. Министерство обороны возражает против поставки этих средств в 1957 году ввиду недостатка их для удовлетворения нужд нашей армии.

Проектом директив предусматривается сообщить Польской делегации о нашем согласии на поставку в Польшу в 1957 году вооружения и военно-технического имущества по номенклатуре и в количествах в соответствии со списком, согласованным между представителями Польской и Советской Сторон, на общую сумму около 168 млн рублей, в том числе 12 самолетов МиГ-19 П и 100 стабилизаторов «Горизонт» к пушке танка Т-54 А для комплектации производимых в Польше танков. Это согласовано с Министерством обороны.

А. Микоян

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 49. Л. 163–164. Подлинник. Опубликовано: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 658–659.

⁴ В РГАНИ указанный документ не найден.

№ 6

**Письмо председателя Совета министров СССР
Н.А. Булганина
премьер-министру ПНР Ю. Циранкевичу**

Проект
[Не ранее 5 июня 1957 г.]

Уважаемый товарищ Циранкевич!

В соответствии с имевшими место в Москве 24 и 25 мая 1957 года переговорами между Советской и Польской Правительственными делегациями имею честь подтвердить взаимную договоренность по нижеследующим вопросам:

1. О плане поставок военного имущества в Польшу на 1957 год. Согласованные поставки военной техники для Войска Польского, а также комплектующих изделий для польской оборонной промышленности в объеме около 168 млн рублей будут оформлены в ближайшие дни Сторонами соответствующим Соглашением.

2. О номенклатуре вооружения и военной техники, изготавливаемой по советской технической документации, которую Польская Народная Республика может экспортировать в капиталистические страны.

Согласованный перечень по авиационной и бронетанковой технике, артиллерийскому и военно-морскому вооружению, средствам связи, радиолокации и инженерному имуществу, которое Польская Народная Республика может экспортировать в капиталистические страны, прилагается к настоящему письму.

3. О поставках из СССР в Польшу наземных радиолокационных запросчиков НРЗ-1 и средних артиллерийских тягачей АТ-С для укомплектования радиолокаторов «Ныса», изготавливаемых польской промышленностью, и возможного их экспорта в Сирию.

Польской Народной Республике будут поставлены 8 комплектов наземных радиолокационных запросчиков НРЗ-1 (из системы опознавания «Кремний»-1) и 8 тягачей.

Исходя из целесообразности экспорта в капиталистические страны артиллерийских тягачей АТ-С, Стороны определяют тип тягачей, которые можно экспортировать в капиталистические страны.

4. Об увязке мобилизационных планов народного хозяйства стран народной демократии и Советского Союза.

Подтверждаем целесообразность проведения увязки мобилизационных планов народного хозяйства стран народной демократии и Советского Союза.

В связи с этим предлагается следующий порядок проведения этой работы:

- в июле 1957 года провести организационное совещание плановых органов стран с привлечением министерств национальной обороны, на котором разработать и согласовать организационные мероприятия по этим вопросам;

- в конце 1957 года осуществить увязку разработанных мобилизационных планов в пределах взаимных поставок военной техники, экспортно-импортных операций по взаимным поставкам сырья, материалов и разных услуг на первый период военного времени.

5. О загрузке авиационной промышленности Польской Народной Республики и организации производства нового типа самолета вместо самолета МиГ-19 ф.

В связи с тем, что Польская Сторона считает целесообразным организовать в Польше производство реактивного истребителя МиГ-19, будет рассмотрен вопрос о производстве в польской авиационной промышленности транспортно-десантного самолета конструкции Антонова с турбовинтовыми двигателями. Этот самолет будет иметь перспективу сбыта и даст возможность загрузить польскую авиационную промышленность на длительный период.

Сроки подачи технической документации на этот самолет будут согласованы уполномоченными советских и польских организаций.

В организации производства самолета будет оказана необходимая техническая помощь.

Для ознакомления с самолетом конструкции Антонова в СССР приедет группа польских специалистов, а в Польшу будет направлена группа специалистов авиационной промышленности СССР с целью рассмотрения с польскими специалистами технических и производственных вопросов, связанных с организацией его производства.

Кроме того, Советский Союз может выдать заказ на изготовление авиационных мишеней Бакшеева.

6. Об аренде военных кораблей.

Советская Сторона выражает согласие на передачу Польской Народной Республике в аренду двух эсминцев и четырех больших охотников.

Для решения Польской Стороной вопроса об их аренде Советская Сторона согласна на приезд в СССР группы польских экспертов, которые совместно с советскими специалистами произведут осмотр этих кораблей с целью определения их состояния.

После этого Польская Сторона примет соответствующее решение по данному вопросу.

7. О подготовке польских военных кадров в области атомной и ракетной техники.

Советская Сторона выражает согласие на ознакомление высшего командного состава Войска Польского с принципами применения атомного и ракетного оружия путем командирования в Польшу советских специалистов для прочтения лекций и докладов на эти темы.

Примите, товарищ Циранкевич, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 229. Л. 155–157. Проект письма. Подлинник.

Согласованный перечень к пункту 2 письма не публикуется. Текст перечня см.: Л. 158–160.

Источники и литература

Российские архивы

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)

АП РФ – Архив Президента Российской Федерации (Москва)

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории (Москва)

РГАЭ – Российский государственный архив экономики (Москва)

Польские архивы

AAN – Archiwum Akt Nowych (Warszawa)

ADH PRL – Archiwum Dokumentacji Historycznej PRL (Warszawa)

AMSZ – Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (Warszawa)

Публикации

Барковский А.Н. и др. Проблемы координации народнохозяйственных планов стран СЭВ / Под ред. Б.Н. Мирошниченко. М., 1968.

Баутина Н.В. Роль хозяйственного расчета в совместной плановой деятельности стран – членов СЭВ. М., 1978.

Баутина Н.В. Теоретические вопросы взаимоотношений социалистических стран. Дисс. ... д-ра эконом. наук. М., 1968.

Ботян М. Хлеб для Польши в голодный год // Рабочая трибуна. 1991. 21 августа.

Бухарин Н.И., Пачковский А. Оттепель // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010. С. 450–479.

Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007.

Вардомский Л.Б., Калинский Я. Экономические отношения между Польшей и СССР // Белые пятна. Черные пятна... С. 586–621.

Вильк М. Помощь СССР в восстановлении экономики и социалистической индустриализации Польши // Очерки истории советско-польских отношений 1917–1974 гг. М., 1979. С. 397–418.

Вильк М. Экономическая помощь СССР польскому народу на заключительном этапе войны (1944–1945 гг.) // Новая и новейшая история. 1968. № 2. С. 53–59.

- Виноградов И.Т.* Экономическое сотрудничество социалистических стран крепнет и расширяется (К десятилетию Совета Экономической Взаимопомощи) // *Коммунист*. 1959. № 6. С. 80–81.
- Внешнеэкономические связи социалистических стран. М., 1974.
- Внешняя торговля СССР с социалистическими странами / Под ред. В.П. Горюнова и др. М., 1957.
- Внешняя торговля стран народной демократии / Под ред. М.Ф. Коврижных и С.М. Степанова. М., 1961.
- Волков И.М.* Засуха и голод 1946–1947 гг. // *История СССР*. 1991. № 4. С. 3–19.
- Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова. А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948 гг. М., 1993.
- Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова. А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. Очерки истории. М., 2002.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1: 1944–1948 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2: 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998.
- Вялікі А.* Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя 1955–1959 гг. Мінск, 2007.
- Галенко П.В.* Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике. М., 1955.
- Гибянский Л.Я.* Форсирование советской блоковой политики // *Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива* / Отв. редакторы Н.И. Егорова и А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 137–186.
- Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8: январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М., 1974.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 9: январь 1946 г. – декабрь 1949 г. М., 1976.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 10: январь 1950 г. – декабрь 1955 г. М., 1980.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 11: январь 1956 г. – декабрь 1960 г. М., 1983.
- Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р.* Осуществление Советским Союзом репарационных положений Потсдамского договора в отношении

- Польша // Европа. Журнал Польского института международных дел. Т. 5. 2005. № 2 (15). С. 113–144.
- Зорин Р.М.* Польская Народная Республика. (Факты и цифры). М., 1956.
- Зорин Р.М.* Торговля Советского Союза с Польшей за 1945–1956 гг. М., 1957.
- Иванов Н.И.* Развитие экономических связей европейских стран народной демократии. М., 1959.
- Ивлиев И.В.* Финансы и финансирование железнодорожного транспорта. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1970.
- Ивлиев И.В., Кузьмин А.Г.* Финансирование капитального строительства железных дорог. М., 1946.
- Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
- Коваль К.И.* Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997.
- Козик А.К.* Мировая система социалистического хозяйства. М., 1975.
- Козик А.К.* Развитие промышленности Польши. М., 1959.
- Конституция и основные законодательные акты Польской Народной Республики. М., 1953.
- Костюшко И.И.* К вопросу об экономическом сотрудничестве Советского Союза и народной Польши в период борьбы с фашистскими захватчиками (июль 1944– май 1945 г.) // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 21–28.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956–1960. М., 1986.
- Кузак Б.* Развитие экономического сотрудничества между ПНР и СССР в период 1944–1955 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / АОН при ЦК КПСС. Кафедра истории СССР. М., 1974.
- Кузак Б.* Советская помощь Польше на заключительном этапе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 74–85.
- Кузинский С., Сецомский К., Шир Е.* Основные проблемы экономического развития народной Польши (Статья из Польши) // Коммунист. 1962. № 18. С. 96–102.
- Лобанов Н.А.* Эволюция внешней политики ФРГ (1949–1968 гг.) // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / Под ред. Б.Н. Флори. М. 2009. С. 349–361.
- Лощаков А.И.* Новый этап в развитии мировой системы социализма // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 3–12.
- Лукин Л.И.* Первое десятилетие Совета Экономической Взаимопомощи // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 39–57.

- Маркс Б.П.* Польско-советское научно-техническое сотрудничество в рамках Совета Экономической Взаимопомощи в 1949–1971 годах // Российско-польский исторический альманах. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Птицын. Ставрополь; Волгоград, 2007. С. 162–183.
- Марней Л.П., Носов Б.В.* Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук (подготовка публикации, вступительная статья и комментарии) // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше) / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2011. С. 13–52.
- Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств (Сборник документов). М., 1972.
- Морозов В.И.* Совет Экономической Взаимопомощи – союз равных. М., 1964. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научный редактор А.А. Чернобаев. Авторы-составители А.В. Коротков, А.Д. Чернов, А.А. Чернобаев. М., 2008.
- Носкова А.Ф.* Римско-католическая церковь и кризис 1956 г. в Польше // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 160–188.
- Носов Б.В.* [Рецензия] *Polski Październik 1956 w polityce światowej* / Pod red. J. Rowińskiego Warszawa, 2006. 351 S. Польский октябрь 1956 г. в мировой политике // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 171–175.
- Овчаренко А.И.* Советско-польское сотрудничество в развитии тяжелой индустрии Польши в 1945–1955 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. М., 1984.
- Орехов А.М.* Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.) // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 460–509.
- Орехов А.М.* Из истории экономических отношений СССР и ПНР («Угольная проблема» 1946–1957 гг.) // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / Сост. Б.В. Носов. М., 2009. С. 336–348.
- Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений / Отв. ред. Б.В. Носов. М., 2005.
- Орехов А.М.* XX съезд КПСС и положение в Польше. Советские и польские руководители на Старой площади // Славянский альманах. 2011. М., 2012. С. 510–535.

- Павлов М.Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М., 2010.
- Парсаданова В.С. Советско-польские отношения. 1945–1949 гг. М., 1990.
- Парсаданова В.С., Матерский В. Военное время. 1941–1945 // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010. С. 338–393.
- Писарец И.Г. Внешнеэкономические связи Польской Народной Республики. М., 1962.
- Писарец И.Г., Козик А.К., Мишина В.В. Польша. Экономика и внешняя торговля. М., 1954.
- Планирование на железнодорожном транспорте. Справочник / Под ред. И.В. Ивлиева. М., 1961.
- Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 года в Германии. М., 2004.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.
- Полян П. Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением / Под ред. О. Глезер и П. Поляна // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. С. 536–544.
- Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 24–33.
- Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2003.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958 / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2006.
- Развитие мировой социалистической системы хозяйства и экономическое сотрудничество европейских социалистических стран – участниц СЭВ: Библиография. (Книги и статьи 1957–1962 гг.) / Под ред. Е.М. Кан. М., 1964.
- Развитие экономических отношений между европейскими странами народной демократии и Советским Союзом // Коммунист. 1957. № 1. С. 102–108.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952: сборник документов за 50 лет / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М., 1968.
- Сближение уровней развития социалистических государств / Под ред. Ю.С. Ширяева. М., 1961.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960.
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938–1967. Т. 1. М., 1968.

- Силуянов Н.М.* Братское сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран (К 10-летию Совета Экономической Взаимопомощи) // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 22–40.
- Слободян М.Д.* Развитие и укрепление военно-политического сотрудничества СССР и ПНР (1948–1955 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Военно-политическая академия им. В.И. Ленина. М., 1979.
- Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. Документы / Сост. и отв. редактор Я. Фойтцик. М., 2011.
- Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., 1998.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. (Сборник документов в шести томах) / Под ред. А.А. Громыко. М., 1978–1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.); Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.).
- Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. МИД СССР. МИД ПНР. М., 1974.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1–2: Документы / Под ред. Т.В. Волокитиной М., 1999–2002.
- Сотникова И.А., Полина В.И.* Обзор экономического развития Польской Народной Республики (1945–1956 гг.). М., 1957.
- Социалистическая экономическая интеграция и международные экономические связи. М., 1980.
- Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
- Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории / Под ред. Г.П. Мурашко. М., 1989.
- Стыкалин А.С.* Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.
- Транспортные тарифы. Сб. статей / Под ред. И.В. Ивлиева и В.П. Потапова. М., 1960.
- III съезд Польской объединенной рабочей партии (Варшава, 10–19 марта 1959 г.). М., 1959.
- Фадеев Н.В.* Совет Экономической Взаимопомощи. 1949–1969. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1969.
- Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999.
- Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965: В 2-х кн. Изд. 2-е, доп. Т. 1: 1917–1950. М., 1967.

- Экономическая интеграция и совершенствование механизма сотрудничества стран – членов СЭВ. М., 1975.
- Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии / Под ред. А.К. Козика. М., 1958.
- Basiński E.* Polska – ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń 1944–1971 / Pod red. naukową T. Cieślaka. Warszawa, 1973.
- Bez serwilizmu. Notatka z rozmów delegacji polskiej z kierownictwem ZSRR w listopadzie 1956 r. / Opracował i przedmową poprowadził E. Szyr // *Dziś. Przegląd społeczny*. 2006. № 11.
- Bobrowski Cz.* Wspomnienia ze stulecia. Lublin, 1985.
- Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Oprac. A. Dudek, A. Kocharński, K. Persak. Warszawa, 2000.
- Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-bułgarskich. T. 2. Wrocław, 1985.
- Dolega J., Kulesa Ł., Tarnogórski R.* Wykonanie przez ZSRR postanowień reparacyjnych Umowy Poczdamskiej wobec Polski // Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004. T. I. Studia / Pod red. naukową W. Góralskiego. Warszawa, 2004.
- Dyskusja o polskim modelu gospodarczym. Warszawa, 1957.
- Działalność RWPG w latach 1949–1956 / Oprac. A. Kocharński, A. Kupich // *Sprawy Międzynarodowe. Kwartalnik*. 1994. № 3. S. 127–141.
- Działalność Władysława Gomułki. Fakty. Wspomnienia. Opinie / Wybór i oprac. W. Namiołkiewicz. Warszawa, 1985.
- Historia Polski w liczbach. T. 2. Gospodarka / Red. F. Kubiczek. Warszawa, 2006.
- Historia Polski w liczbach. T. 3. Polska w Europie / Red. C. Kukło, J. Łukasiewicz, C. Leszczyńska. Warszawa, 2014.
- Jędrychowski S.* Przedstawicielstwo PKWN w Moskwie // MSZ. Departament Informatyki i Dokumentacji. Materiały i studia historyczne. T. 1. Warszawa. 1987. S. 103–109.
- Kaczyński A.* Działacz resortowy // *Rzeczpospolita*. 21 stycznia 2000.
- Kaliński J.* Polityka gospodarcza Polski w latach 1948–1956. Warszawa, 1987.
- Kaliński J.* System decyzyjny w sferze gospodarczej // Centrum władzy w Polsce 1948–1970 / Pod red. A. Paczkowskiego. Warszawa, 2003. S. 81–94.
- Kampania wyborcza i wybory do Sejmu 20 stycznia 1957 / Wybór, wstęp i opracowanie P. Machcewicz. Warszawa, 2000.
- Kocharński A.* Polska 1944–1991. Informator historyczny. T. 1: Podział administracyjny. Ważniejsze akty prawne, decyzje i enuncjacje państwowe (1944–1956). Warszawa, 1996.

- Kochański A.* Polska 1944–1991. Informator historyczny. T. 2: Ważniejsze akty prawne, decyzje i enuncjacje państwowe (1957–1970). Warszawa, 2000.
- Korzon A.* Rozmowa Cyrankiewicza z Chruszczowem w kwietniu 1957 r. // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowowschodniej*. T. 29. Warszawa, 1994. S. 110–116.
- Kowalski W.T.* Polska w świecie 1945–1956. Warszawa, 1980.
- Kryzysy systemu komunistycznego 1953–1981. Międzynarodowa konferencja naukowa. Warszawa, 20–21 października 2006 r. Program. Warszawa, 2006.
- Lukeš I., Sieber K.* Pies, który nie szczekał: Czechosłowacja a wydarzenia w Polsce w 1956 roku // *Polski Październik 1956 w polityce światowej / Pod red. naukową J. Rowińskiego przy współpracy T. Jaskułowskiego*. Warszawa, 2006.
- Łoś R.* Łupy wojenne. Polskie reparacje z Niemiec w latach 1945–1956 // *Dziś. Przegląd społeczny*. 1997. № 9. S. 44–49.
- Łoś R.* Radziecka eksploatacja polskich urządzeń kolejowych. Regulacje 1954–1957 // *Dzieje najnowsze*. 1998. № 1. S. 53–63.
- Łoś R.* Radzieckie reparacji z Niemiec // *Dziś. Przegląd społeczny*. 1998. № 12. S. 101–105.
- Mołdawa T.* Ludzie władzy 1944–1991. Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28 II 1991. Warszawa, 1991.
- Pióro T.* Armia ze skazą. Warszawa, 2002.
- Polski Październik 1956 w polityce światowej / Pod red. naukową J. Rowińskiego przy współpracy T. Jaskułowskiego*. Warszawa, 2006.
- Polskie dokumenty dyplomatyczne 1918–1989 / Polski Instytut spraw międzynarodowych*. Warszawa, 2005 etc.
- Polskie Dokumenty Dyplomatyczne. 1957 / Redaktorzy K. Ruchniewicz, T. Szumowski. Współpraca P. Długołęcki*. Warszawa, 2006.
- Polsko-radziecka współpraca wojskowa w latach 1950–1957 / Teksty przygotowali do druku, opatrzyli wstępem i przypisami A. Kochański i A. Kupich // Sprawy Międzynarodowe*. 1993. № 3.
- Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1945–1956 / Opracowali A. Kupich, A. Kochański // Sprawy międzynarodowe*. 1993. № 2.
- PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego, VIII 1944 – XII 1945. W XV rocznicę Polski Ludowej / Opracowali W. Góra, R. Halaba, N. Kołomejczyk. Warszawa, 1959.
- Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004. T. II. Dokumenty / Pod red. S. Dębskiego i W.M. Góralskiego. Warszawa, 2004.
- Ptaszek J.* PRL – RWPG: na drodze do integracji. Warszawa, 1980.

- Ptaszek J.* Polska – ZSRR. Gospodarka, współpraca. Warszawa, 1972.
- Rowiński J.* ChRL a wydarzenia październikowe 1956 r. w Polsce // Polska – Chiny. Wczoraj, dziś, jutro. Toruń, 2009. S. 239–289.
- Rozmowy polsko-radzieckie w maju 1957 roku / Przedmowa i opracowanie A. Korzon // Dzieje najnowsze. 1993. № 1.
- Różański H.* Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia, dokumenty, refleksje. 1949–1988. Warszawa, 1990.
- Różański H.* Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). Warszawa, 1987.
17. Juni 1953 im Spiegel sowjetischer Geheimdienst Dokumente / Hsg. Von K-D. Müller, J. Scherrible, M. Scheitzner. Leipzig, 2008.
- Skobelski R.* PRL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956–1970 // Kwartalnik Historyczny. R. CXIV. 2007. Z. 3.
- Skrzypek A.* Mechanizmy autonomii. Stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Pułtusk; Warszawa, 2005.
- Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002.
- Sobór-Świdarska A.* Jakub Berman. Biografia komunisty. Warszawa, 2009.
- Tajne dokumenty Biura Politycznego. PRL – ZSRR 1956–1970 / Wstęp A. Paczkowskiego. Londyn, 1998. S. 31–84.
- III Zjazd Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej. Warszawa 10.III.–19.III. 1959 r. Stenogram. Warszawa, 1959.
- Torańska T.* Oni. Warszawa, 2000.
- Weltgeschehen 1945–1966: Internationale Zeitgeschichte. Berlin, 1967.
- Wilk M.* Pomoc i współpraca. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1944–1945. Warszawa, 1976.
- Zamkowska S.* Odbudowa i funkcjonowanie kolei polskich 1944–1949. Warszawa, 1984.
- Zrozumieć PRL / Pod red. W. Żółtkowskiego. Warszawa, 2012. S. 181–194.

Указатель имен
(с краткими биограммами)*

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) – советский партийный и государственный деятель. В 1951 г. работал в аппарате ЦК ВКП(б). В 1954–1957 гг. посол СССР в Венгрии. С 1957 г. заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

– 110, 111, 138.

Антонов Алексей Иннокентиевич (1896–1962) – советский военачальник, генерал армии. В 1946–1948, 1954–1955 гг. первый заместитель начальника Генерального штаба Советской Армии. С 1955 г. начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского договора.

– 142.

Антонов Олег Константинович (1906–1984) – советский авиаконструктор.

– 190, 234.

Аристов Аверкий Борисович (1903–1973) – советский партийный деятель, дипломат. В 1952–1953, 1955–1960 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1952–1953 гг., 1957–1961 гг. член Президиума ЦК КПСС.

– 188.

Бабарин Евгений Иванович (1907– ?) – советский дипломат. В 1939 г. заместитель торгового представителя СССР в Германии. В 1950-е гг. представитель Главного управления по экономическим связям со странами народной демократии в Польше, советник посольства СССР в ПНР.

– 106, 164

* Приведенные в биограммах сведения относятся к периоду 1944–1960 гг.

Байбаков Николай Константинович (1911–2008) – советский государственный деятель. В 1948–1955 гг. министр нефтяной промышленности СССР. В 1955–1957 гг. председатель Государственной комиссии Совета министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан). В 1957–1958 гг. первый заместитель председателя Совета министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР.

– 106, 121, 122, 134, 170, 215.

Бакшеев – разработчик авиационных мишеней.

– 235.

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский партийный и государственный деятель. В 1938–1945 гг. нарком внутренних дел СССР. В 1941–1953 гг. заместитель председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР. В 1953 г. первый заместитель председателя Совета министров СССР, министр внутренних дел СССР.

– 53, 70, 71.

Берман Якуб (1901–1984) – участник польского коммунистического движения, партийный и государственный деятель ПНР, член Политбюро ЦК ПОРП (1948–1956), заместитель председателя Совета министров ПНР (1954–1956). В 1956 г. отстранен от власти как представитель просталинского политического курса, в дальнейшем в политической и общественной жизни страны не участвовал.

– 34, 39, 73.

Берут Болеслав (1892–1953) – польский партийный и государственный деятель. В ноябре 1943 – июле 1944 гг. член Секретариата ЦК ППР. В январе–декабре 1944 г. председатель, в декабре 1944 – феврале 1947 гг. президент Крайовой Рады Народовой, в феврале 1947 – ноябре 1952 гг. президент Польской Республики и председатель Государственного совета. В сентябре–декабре 1948 г. генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии. В ноябре 1952 – марте 1954 гг. председатель Совета министров ПНР. В марте 1954 – марте 1956 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

– 23, 24, 29, 31, 32, 34, 36, 53, 66, 73, 79, 82, 93, 96, 109, 114, 157.

Бещев Борис Павлович (1903–1981) – советский государственный деятель. В 1948–1976 гг. министр путей сообщения СССР.
– 142, 192.

Бойко Всеволод Ефимович (1914–1970) – советский государственный деятель. В 1954–1956 гг. начальник управления Министерства черной металлургии УССР. В 1956–1957 гг. заместитель министра черной металлургии УССР. В 1957–1960 гг. член коллегии, начальник отдела Госплана СССР.
– 106.

Борисов Сергей Александрович (1905–1964)– советский государственный деятель. В 1943–1951 гг. заместитель наркома (министра), в 1951–1964 гг. первый заместитель министра внешней торговли СССР. В марте – ноябре 1953 г. заместитель министра внешней и внутренней торговли СССР.
– 202.

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – советский партийный деятель. В 1946 г. первый секретарь Запорожского, затем Днепропетровского обкомов Украины, в 1950–1952 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии. В 1952–1953 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1954–1955 гг. второй секретарь, затем первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. В 1956–1960 гг. секретарь ЦК КПСС.
– 114, 188.

Булганин Николай Александрович (1895–1975) – советский государственный и военный деятель. В 1944–1946 гг. заместитель наркома обороны СССР, в 1946–1947 гг. первый заместитель министра Вооруженных сил СССР, в 1947–1950 гг. заместитель председателя Совета министров СССР, в 1947–1949 гг. министр Вооруженных сил СССР. В 1950–1955 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР, в 1953–1955 гг. министр обороны СССР, в 1955–1958 гг. председатель Совета министров СССР.
– 22, 29, 34, 53, 96, 102, 114, 122, 126, 127, 139, 142, 165, 169, 176, 177, 182, 184, 188, 189, 191, 193, 202, 220, 233.

Бырлэдяну Александру (1911–1997) – румынский партийный и государственный деятель. В 1946–1948 гг. заместитель ми-

нистра национальной экономики Румынии, одновременно в 1946–1951 гг. заведующий кафедрой в бухарестском Институте экономических наук. В 1948–1954 гг. министр внешней торговли. Во второй половине 1957 г. заместитель председателя Совета министров РНР.

– 52.

Быстрова Нина Евгеньевна – российский историк, специалист по истории внешней политики и международных отношений в XX в.

– 54.

Валуховский Марьян (1917–1968) – польский государственный деятель. В 1957–1968 гг. первый заместитель председателя Комиссии планирования при Совете министров ПНР.

– 185.

Верна Марья (1914–2004) – польский дипломат. В 1956–1958 гг. полномочный министр, генеральный директор МИД Польши. С 1968 г. в отставке.

– 142.

Виноградов Иван Тихонович (1905–1979) – советский партийный работник. В 1953–1959 гг. заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными коммунистическими и рабочими партиями.

– 12.

Вольский Александр – польский государственный деятель. В 1956 г. заместитель министра строительства ПНР.

– 118.

Воров Н.Н. – советский дипломат. В 1956 г. первый секретарь советского посольства в Варшаве.

– 100.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский государственный и военный деятель. В 1946–1953 гг. заместитель председателя Совета министров СССР, в 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

– 142, 175.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – советский государственный деятель, юрист, дипломат. С 1931 г. заместитель наркома юстиции РСФСР, прокурор СССР (1935–1939 гг.) – один из организаторов показательных судебных процессов 1936–1938 гг. В 1940–1946 гг. первый заместитель наркома иностранных дел, в 1949–1953 гг. министр иностранных дел СССР. С 1953 г. постоянный представитель СССР при ООН.
– 38–40.

Вышиньский Стефан (1901–1981) – кардинал (с 1948 г.), архиепископ-митрополит Варшавско-Гнезненский, примас Польши.
– 171.

Гай /Гаст Ласло (1891–1975) – венгерский политический и государственный деятель. В 1946–1947 гг. председатель Венгерского национального банка. В 1948–1949 гг. государственный секретарь Министерства торговли. В 1949–1951 гг. государственный секретарь Министерства внешней торговли. В 1951–1953 гг. первый заместитель министра внешней торговли. В 1953–1954 гг. первый заместитель внутренней и внешней торговли. В 1954–1956 гг. министр внешней торговли Венгрии.
– 52.

Гачев – болгарский политический деятель, член болгарской делегации на I сессии Совета экономической взаимопомощи.
– 52.

Гедэ Тадеуш (1911–1982) – польский государственный деятель, дипломат. В 1946–1949 гг. сотрудник Министерства промышленности и торговли. В марте 1949 – ноябре 1952 гг. министр внешней торговли. В июне 1952 – октябре 1956 гг. заместитель председателя Совета министров Польши. В 1957–1959 гг. посол ПНР в СССР.
– 66, 166, 174–176, 194, 223.

Георгиу-Деж Георге (1901–1965) – румынский партийный и государственный деятель. В 1945–1954 гг. генеральный секретарь, с 1955 г. первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии. В 1952–1955 гг. председатель Совета министров Румынской Народной Республики.
– 51.

Герё Эрнё (1898–1980) – венгерский государственный и партийный деятель. В 1945–1949 гг. министр транспорта Венгерской Народной Республики, в 1949 г. министр финансов, в 1953–1954 гг. министр внутренних дел, в 1952–1956 гг. заместитель председателя Совета министров ВНР. В 1948–1951 гг. заместитель секретаря, в 1951–1953 гг. секретарь, в июле–октябре 1956 г. первый секретарь Центрального руководства Венгерской партии труда.
– 51, 110, 111, 117, 138.

Гомулка Владыслав (1905–1982) – польский политический и государственный деятель. В ноябре 1943 – декабре 1945 гг. секретарь ЦК Польской рабочей партии, в декабре 1944 – январе 1949 гг. первый заместитель председателя Совета министров Польши, в ноябре 1945 – январе 1949 гг. министр Возвращенных Земель, в марте 1949 – сентябре 1950 гг. заместитель председателя Высшей контрольной палаты, в декабре 1945 – сентябре 1948 гг. генеральный секретарь ЦК ППР. В сентябре 1950 – августе 1951 гг. директор Отдела социального обеспечения в Варшаве. Со 2 августа 1951 г. по 13 декабря 1954 г. находился в строгой изоляции, будучи обвинен в правонационалистическом уклоне. 2 августа 1956 г. восстановлен в ПОРП. 20 октября 1956 г. избран на VIII пленуме ЦК ПОРП первым секретарем ЦК партии.
– 6, 31, 34, 38, 46, 47, 92, 125, 131–133, 136, 137, 141, 142, 146, 153–156, 158, 160, 163–165, 168, 170, 171, 177, 178, 182, 184, 186, 194, 209.

Горчаков Андрей Иванович (1914– ?) – советский дипломат. В 1956–1959 гг. заведующий 4-м Европейским отделом МИД СССР. В дальнейшем сотрудник аппарата Совета экономической взаимопомощи.
– 111.

Граневский Марьян (1918–2007) – польский военный деятель. С ноября 1956 г. заместитель начальника Генерального штаба Войска Польского.
– 185.

Грегор Антонин (1908–1986) – чешский политический и государственный деятель, дипломат. С 1946 г. депутат Законодательного народного собрания. В 1948–1952 гг. министр внешней торговли. С 1955 г. на дипломатической работе.
– 51, 52.

Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – советский государственный деятель, дипломат. В 1946–1948 гг. постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, одновременно заместитель министра иностранных дел СССР, в 1949–1952 гг. первый заместитель министра иностранных дел СССР. В 1952–1953 гг. посол СССР в Великобритании. В 1953–1957 гг. первый заместитель министра СССР.

– 95, 130, 134, 176, 215.

Гротеволь Отто (1894–1964) – германский политический и государственный деятель. Социал-демократ, депутат Рейхстага в 1928–1933 гг., антифашист, участник Движения Сопротивления в Германии. В 1945 г. один из инициаторов восстановления Социал-демократической партии Германии, занял пост председателя ЦК СДПГ. В апреле 1946 г. поддержал объединение коммунистов и социал-демократов и образование Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). В 1949–1964 гг. премьер-министр ГДР и член Политбюро ЦК СЕПГ.

– 63–65, 168, 221.

Гундобин Николай Алексеевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1948–1978 гг. заместитель министра путей сообщения СССР.

– 184.

Дитрих Тадеуш (1905–1960) – польский государственный деятель. В 1948–1949 гг. председатель Центрального управления планирования. В 1949–1952 гг. министр внутренней торговли Польши. В 1952–1960 гг. министр финансов Польской Народной Республики.

– 127.

Додзюк Бернард (1905–1989) – торговый советник польского посольства в Москве, затем директор департамента экономического сотрудничества Министерства внешней торговли ПНР.

– 69, 104, 119, 140.

Домбровский Константы (1906–1975) – польский государственный и партийный деятель. В 1945–1948 гг. занимал руководящие посты в Польской социалистической партии, с 1948 г. в ПОРП.

В 1952–1956 гг. министр внешней торговли Польской Народной Республики. В 1957 г. заместитель министра, министр государственного контроля, в 1957–1969 гг. председатель Высшей торговой палаты.

– 22, 67, 69, 73.

Домбровский Ярослав (1836–1871) – польский и французский революционный деятель.

– 51.

Ендрыховский Стефан (1910–1996) – польский государственный и партийный деятель. В годы Второй мировой войны находился в СССР, принадлежал к сторонникам патриотического движения, один из организаторов дивизии им. Тадеуша Костюшко. В ППР с 1944 г., в 1948–1971 гг. – член ЦК ПОРП, в 1956–1971 гг. – председатель Комиссии планирования при Совете министров ПНР.

– 41, 42, 123, 126, 128, 130, 132, 142, 160, 185, 186, 209.

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – советский партийный деятель. В 1939–1940 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934–1948 гг. секретарь ЦК партии. Ведал вопросами идеологической работы.

– 46, 47.

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – советский военачальник, маршал СССР. В 1953–1955 гг. первый заместитель министра, в 1955–1957 гг. министр обороны СССР.

– 95, 96, 126, 142, 184, 232.

Завадский Александр (1899–1964) – польский политический и государственный деятель. В 1948–1964 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1952–1964 гг. председатель Государственного совета ПНР.

– 66, 114, 115, 142.

Захаров Алексей Васильевич (1913–1995) – советский государственный деятель, дипломат. В 1951–1953 гг. заместитель министра внешней торговли СССР. В 1953–1954 гг. представитель СССР в СЭВ. В 1956–1959 гг. заместитель министра иностранных дел СССР.

– 78, 106, 231.

Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969) – советский государственный деятель. В 1948–1960 гг. министр финансов СССР.
– 38, 39, 142.

Зорин Валентин Александрович (1902–1986) – советский дипломат. В 1947–1955 гг. заместитель министра иностранных дел СССР. В 1955–1956 гг. посол СССР в ФРГ. В 1956–1965 гг. вновь назначен заместителем министра иностранных дел СССР.
– 175, 176.

Ивлиев Иван Васильевич – советский специалист по вопросам экономики железнодорожного транспорта. Автор ряда справочников и учебных пособий. В 1950-е гг. начальник отдела экономики Министерства путей сообщения СССР. Эксперт советской делегации на советско-польских переговорах в Москве в мае 1957 г.
– 184, 186.

Кабанов Иван Григорьевич (1898–1972) – советский государственный деятель. В 1941–1951 гг. нарком (министр) электропромышленности СССР, в 1951–1952 гг. первый заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по материально-техническому снабжению. В 1953 г. первый заместитель министра внутренней и внешней торговли СССР, в 1953–1958 гг. министр внешней торговли СССР.
– 73, 74, 78, 106, 127, 128, 130, 134, 142, 178, 215, 220, 223, 226, 231.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – советский партийный и государственный деятель. В 1930–1957 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) / Президиума ЦК КПСС. В 1953–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР, одновременно председатель Государственного комитета Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы.
– 53, 102, 136, 188, 202.

Казюков Дмитрий Георгиевич – советский государственный деятель. Представитель СССР в Совете экономической взаимопомощи.
– 69.

Касман Леон (1905–1984) – первый заместитель председателя Комиссии экономического планирования и член ЦК ПОРП.

– 126.

Ковалев Иван Владимирович (1901–1993) – советский государственный деятель. В 1944–1948 гг. нарком путей сообщения СССР. В 1951–1957 гг. заместитель министра угольной промышленности СССР.

– 27.

Коваль Константин Иванович (1908–2001) – советский государственный деятель. В 1950–1955 гг. заместитель министра внешней торговли СССР, одновременно в 1953–1955 гг. начальник 2-го экспортного управления Министерства внешней и внутренней торговли СССР. В 1955 – январе 1957 гг. начальник Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии. С 1957 г. заместитель представителя СССР в Совете экономической взаимопомощи.

– 14, 40, 96, 106, 121, 122, 124, 130, 134, 142, 215.

Ковальский Владыслав (1894–1958) – польский политический деятель, писатель. В 1945–1949 гг. занимал руководящие посты в Крестьянской партии, в 1949–1958 гг. председатель Президиума Главного исполнительного комитета Объединенной крестьянской партии. В 1947–1952 гг. маршал Законодательного Сейма, в 1947–1956 гг. член Государственного совета Польши.

– 36.

Коларов Васил Петров (1877–1950) – болгарский политический и государственный деятель. В 1946 г. председатель Великого народного собрания Болгарии, в 1947–1949 гг. заместитель председателя, председатель Совета министров Народной Республики Болгарии, одновременно министр иностранных дел.

– 51.

Корзон Анджей – польский историк, специалист по истории ПНР.

– 15, 176.

Котлицкий Генрык (1904–1985) – польский государственный деятель, генеральный директор Министерства финансов ПНР.

– 142.

Коханьский Александр – польский историк, специалист по истории ПНР.
– 14.

Кузьмин Иосиф Иосифович (1910–1996) – советский государственный деятель. В 1947–1952 гг. заместитель председателя Бюро Совета министров СССР по сельскому хозяйству и заготовкам. В 1952–1956 гг. заведующий промышленно-транспортным отделом, с 1956 г. заведующий отделом машиностроения ЦК КПСС. В 1957–1959 гг. председатель Государственного планового комитета Совета министров СССР, одновременно в 1957–1958 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР.
– 202.

Куних Анджей – польский историк, специалист по истории стран Центрально-Восточной Европы социалистического и современного периодов.
– 14.

Лаштовичка Богуслав (1905–1981) – чехословацкий политик, дипломат и публицист. В 1948–1950 гг. посол Чехословацкой Республики в СССР. С 1952 г. заместитель министра национальной обороны. С 1957 г. редактор журнала «Новая мысль» (Прага).
– 51.

Лебедев Виктор Захарович (1900–1968) – советский дипломат. В 1943–1945 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР при Союзных правительствах и при правительствах Югославии, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов и Норвегии в Лондоне. В 1945–1951 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР в Польше.
– 23, 24, 36.

Левиковский Вацлав (1907–1994) – польский партийный и государственный деятель, дипломат. В 1948–1949 гг. председатель Центральной комиссии партийного контроля ПОРП. В 1949–1952 гг. заместитель министра общественной безопасности ПНР. В 1954–1957 гг. посол Польши в СССР.
– 97.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – российский революционер, советский политический и государственный деятель,

создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большеви́ков), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России, первый председатель Совета народных комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

– 74, 87, 123.

Лось Роберт – польский историк, специалист по истории стран Центрально-Восточной Европы социалистического и современного периодов.

– 15.

Лукеш Игор – американский историк, специалист по истории социалистической Чехословакии.

– 111, 113.

Луку Василе (1898–1963) – румынский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК и секретарь Румынской рабочей партии. В 1952 г. в связи с обвинением в оппортунизме выведен из состава ЦК партии. Будучи министром финансов, в Совете министров Румынии курировал министерства нефти и шахт, культов и национальностей, а также Государственную плановую комиссию.

– 51.

Лю Шаоци (1898–1969) – китайский государственный деятель. Один из руководителей Коммунистической партии Китая, в 1959–1968 гг. председатель КНР.

– 158.

Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988) – советский партийный и государственный деятель. В 1939–1946, 1948–1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) / КПСС. В 1946–1953, 1955–1957 гг. заместитель председателя, в 1955–1957 гг. председатель Совета министров СССР.

– 34, 38, 47, 51, 70, 102, 122, 185, 188, 202.

Малетин Павел Андреевич (1905–1969) – советский государственный деятель. В 1939–1945 гг. заместитель министра финансов. В 1946–1949 гг. начальник финансового управления Советской военной администрации в Германии. В 1954–1957 гг. заместитель

начальника Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии. В 1957 г. заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по внешним экономическим связям.

– 184.

Малин Владимир Никифорович (1906–1982) – советский партийный работник. В 1954–1965 гг. заведующий Общим отделом ЦК КПСС.

– 102, 103, 122, 134, 215, 223.

Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский государственный и политический деятель. В 1943–1976 гг. председатель Коммунистической партии Китая. В 1954–1959 гг. председатель Китайской Народной Республики.

– 158.

Маршалл Джордж Кэтлетт (1880–1959) – американский государственный и военный деятель. В 1947–1949 гг. государственный секретарь США. В 1947 г. обосновал идею программы восстановления и развития европейских стран после окончания Второй мировой войны. В 1950–1951 гг. министр обороны США.

– 45, 51, 54, 55.

Матвеев Геннадий Филиппович – советский и российский историк, специалист по истории Польши межвоенного периода и советско-польских отношений.

– 10.

Меньшиков Михаил Алексеевич (1902–1976) – советский государственный деятель, дипломат. В 1946–1951 гг. заместитель министра внешней торговли СССР, затем министр внешней торговли. В 1953–1957 гг. посол СССР в Индии, в 1957–1962 гг. посол СССР в США.

– 52.

Миколайчик Станислав (1901–1966) – польский государственный и политический деятель, председатель Польской крестьянской партии (1937), премьер-министр правительства Польши в изгнании (преемник В. Сикорского) в 1943–1944 гг.

– 28.

Микоян Анастас Иванович (1885–1978) – советский партийный и государственный деятель. В 1935–1966 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) / Президиума ЦК КПСС. В апреле 1954 – феврале 1955 гг. заместитель председателя Совета министров СССР. В августе 1953 – январе 1955 гг. министр торговли СССР. В феврале 1955 – июле 1965 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР.

– 25, 29, 38–41, 50, 51, 53, 60, 69, 72, 73, 95, 96, 102, 129, 130, 134, 136, 137, 140, 142, 165, 169, 170, 176, 177, 184, 186–189, 191, 202, 213, 223, 231, 232.

Миц Гиларый (1905–1974) – польский политический и государственный деятель. В 1944–1956 гг. член Политбюро ЦК ППР и ЦК ПОРП. В 1944–1947 гг. министр промышленности и торговли Польши, в 1945–1950 гг. председатель Экономического комитета Совета министров, в 1947–1949 гг. министр промышленности и торговли, в 1949–1954 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР и председатель Государственной комиссии хозяйственного планирования. В 1954–1956 гг. полномочный представитель ПНР в СЭВ.

– 25, 29, 36, 38, 40, 47, 51–53, 66, 78, 96, 102, 126, 130.

Митренга Ян (1917–2007) – польский государственный деятель. В 1957 г. первый заместитель министра, в 1959–1974 гг. министр угольной промышленности и энергетики ПНР.

– 182, 184.

Михайлов Николай Александрович (1906–1982) – советский партийный и государственный деятель. В 1938–1952 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1939–1952 гг. член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1952–1953 гг. член Президиума ЦК, секретарь ЦК КПСС и заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. В 1953–1954 гг. первый секретарь МК КПСС. В 1954–1955 гг. посол СССР в ПНР. В 1955–1960 гг. министр культуры СССР.

– 72.

Мицкевич Адам (1798–1855) – великий польский поэт-романтик, публицист, философ, переводчик, политический деятель.

– 120.

Модзелевский Зыгмунт (1900–1954) – польский государственный деятель, дипломат. В 1945 г. посол Польской Республики в СССР. В июне 1945 – феврале 1947 гг. заместитель министра иностранных дел, в феврале 1947 – марте 1951 гг. министр иностранных дел Польши.
– 29.

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский партийный и государственный деятель, дипломат. В 1926–1957 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) / Президиума ЦК КПСС. В 1946–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1953–1956 гг. министр иностранных дел СССР.
– 21, 23, 24, 29, 34, 36, 38, 47, 50–52, 65, 95, 102, 103, 122, 136, 188, 202.

Надь Имре (1896–1958) – венгерский партийный и государственный деятель. В 1945–1949 и 1951–1955 гг. член Политбюро ЦК Венгерской коммунистической партии (Венгерской партии труда). В 1951–1953 гг. заместитель председателя, в 1953–1955 гг. и октябре–ноябре 1956 г. председатель Совета министров ВНР, член Политбюро Центрального руководства ВПТ. В 1958 г. репрессирован режимом Я. Кадара.
– 138, 185.

Нашковский Марьян (1912–1997) – польский государственный деятель, дипломат. В октябре 1950 – сентябре 1952 гг. заместитель министра национальной обороны, в сентябре 1952 – июне 1968 гг. заместитель министра иностранных дел Польши.
– 47, 176.

Никитин Петр Васильевич (1909–1959) – советский государственный деятель. В 1948–1955 гг. заместитель председателя, первый заместитель председателя Госплана СССР. В 1955–1957 гг. первый заместитель председателя Госэкономкомиссии СССР. В 1957–1959 гг. начальник Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии, одновременно заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям.
– 78, 121, 124, 184, 193, 201, 231.

Новак Зенон (1905–1980) – польский партийный и государственный деятель. В 1950–1954 гг. кандидат, в 1954–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1952–1954 гг. заместитель председателя, в 1954–1956 гг. первый заместитель председателя, в 1956–1968 гг. вновь заместитель председателя Совета министров ПНР.
– 66, 114, 115.

Новотный Антонин (1904–1975) – чехословацкий партийный и государственный деятель. В 1953–1968 гг. первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии. В 1957–1968 гг. президент страны.
– 117, 168.

Носкова Альбина Федоровна – советский и российский историк, специалист по новейшей истории Польши и государств Восточной Европы 40–50-х гг. XX в.
– 9, 10.

Оника Дмитрий Григорьевич (1910–1968) – советский государственный деятель. В 1939–1946 гг. заместитель наркома угольной промышленности СССР. В 1946–1947 гг. нарком (министр) угольной промышленности западных районов СССР. В 1947–1948 гг. министр угольной промышленности восточных районов СССР. В 1953–1955 гг. начальник комбината «Москвауголь». В 1955–1957 гг. первый заместитель министра угольной промышленности СССР. В 1957–1959 гг. председатель Совета народного хозяйства Карагандинского экономического административного района.
– 79, 106, 170, 182.

Орехов Александр Михайлович (1933–2013) – советский и российский историк, специалист в области истории Польши и российско-польских отношений XIX–XX вв.
– 7–10.

Осубка-Моравский Эдвард (1909–1997) – польский государственный и партийный деятель. Член высших руководящих органов Польской социалистической партии (ППС). В январе 1944 – мае 1945 гг. заместитель председателя Крайовой Рады Народовой, в июле–декабре 1944 г. председатель Польского комитета национального освобождения и руководитель ведомства иностранных

дел Комитета. В декабре 1944 – феврале 1947 гг. председатель Совета министров Республики Польша.

– 21–25, 29, 36.

Охаб Эдвард (1906–1989) – польский партийный и государственный деятель. В 1948–1954 гг. кандидат, в 1954–1968 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1950–1957 гг. секретарь ЦК ПОРП. В марте–октябре 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП. В 1957–1959 гг. министр сельского хозяйства ПНР.

– 93, 114–116, 121–123, 125, 128–131, 164, 213–215.

Парсаданова Валентина Сергеевна – советский и российский историк, специалист по новейшей истории Польши.

– 15, 31, 35.

Паутин Николай Александрович (1906–1975) – советский государственный деятель. С 1955 г. заместитель председателя Госплана СССР.

– 79, 80, 98.

Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978) – советский политический и государственный деятель. В 1953–1954 гг. министр электростанций и электропромышленности СССР. В 1950–1955 гг. заместитель председателя, в 1955–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1957 г. министр среднего машиностроения СССР. В 1957–1958 гг. председатель Государственного комитета Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям. В 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС.

– 122, 169, 170.

Пономарев Борис Николаевич (1905–1995) – советский партийный деятель. В 1948–1955 гг. первый заместитель заведующего, в 1955–1956 гг. заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, с 1957 г. заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

– 95, 114.

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) – советский партийный и государственный деятель, дипломат. В

1938–1947 гг. первый секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии. В 1944–1948 гг. председатель Совета народных комиссаров / Совета министров Белорусской ССР. В 1948–1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) / ЦК КПСС, одновременно в 1950–1953 гг. министр заготовок СССР. В 1953–1954 гг. министр культуры СССР. В 1954–1955 гг. первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. В 1955–1957 гг. посол СССР в Польше.

– 49, 111, 114, 121, 132, 136, 170, 184.

Попов Георгий Михайлович (1906–1968) – советский партийный и государственный деятель. В 1945–1949 гг. первый секретарь Московского горкома и обкома ВКП(б). В 1946–1952 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1952–1956 гг. кандидат в члены ЦК КПСС. В 1949–1951 гг. министр городского строительства СССР. В 1951 г. министр сельскохозяйственного машиностроения СССР. В 1951–1953 гг. директор завода в городе Куйбышеве. В 1953–1954 гг. посол СССР в Польше.

– 66.

Пюро Тадеуш (1920–2010) – польский военный деятель. Представитель Министерства национальной обороны ПНР в Москве.

– 142, 185.

Рабановский Ян (1907–1958) – польский партийный и государственный деятель. В 1944–1956 гг. занимал руководящие посты в Демократической партии. В 1944–1951 гг. министр путей сообщения, министр железнодорожного транспорта, в 1951–1952 гг. председатель Главного геодезического управления, в 1952–1956 гг. председатель Центрального управления геодезии и картографии. В 1956–1958 гг. министр связи ПНР.

– 27.

Рапацкий Адам (1909–1970) – польский партийный и государственный деятель. В 1947–1950 гг. министр судоходства, в 1950–1956 гг. министр высшей школы. В 1956–1968 гг. министр иностранных дел ПНР.

– 49.

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – советский и польский военный деятель, маршал СССР и ПНР. В 1945–

1949 гг. главнокомандующий Северной группой войск на территории Польши. В 1949–1956 гг. министр национальной обороны ПНР. Также был заместителем председателя Совета министров Польши и членом Политбюро ЦК ПОРП. В 1956–1957 гг. заместитель министра обороны СССР.

– 21, 97.

Роля-Жимерский Михал (1890–1989) – польский военный деятель, маршал Польши. В 1944–1949 гг. министр национальной обороны Польской Республики. В 1949–1952 гг. член Государственного совета. В 1952–1955 гг. находился под арестом. С декабря 1956 г. заместитель председателя Национального польского банка.

– 24, 36, 47.

Рубинштейн Г.И. – эксперт Министерства внешней торговли СССР (1947 г.).

– 42.

Ружаньский Генрык (1913–1989) – польский государственный деятель. В 1949–1954 гг. представитель Польши в Бюро Совета экономической взаимопомощи, заместитель секретаря СЭВ, в 1962–1969 гг. заместитель постоянного представителя правительства ПНР в СЭВ.

– 14, 15, 20, 22, 77–80.

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – президент США, избран в 1932 г., вступил в должность в марте 1933 г. Рузвельт четырежды избирался президентом США, оставаясь на этом посту до своей кончины 12 апреля 1945 г. Он вошел в историю как автор «Нового курса», способствовавшего преодолению Великой депрессии 1929–1932 гг., и как один из членов «Большой тройки» – руководителей антигитлеровской коалиции ввремя Второй мировой войны.

– 19, 23, 25.

Сабуров Максим Захарович (1900–1977) – советский государственный деятель. В 1953 г. министр машиностроения СССР. В 1953–1955 гг. председатель Госплана СССР, одновременно заместитель, в 1955–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1955–1956 гг. председатель Госэкономко-

миссии СССР по текущему планированию народного хозяйства. В 1957–1958 гг. заместитель председателя Комитета Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям. В 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС.

– 78, 96, 102, 106, 130, 134, 142, 165, 169, 170, 181, 184, 188, 189, 191, 215, 232.

Семичастнов Иван Федорович (1905–1994) – советский государственный деятель. С 1930 г. на службе в Красной армии, уволен в запас в 1957 г. в звании генерал-майора, помощник члена Государственного комитета обороны по снабжению армии (1942–1943 гг.). С 1943 г. заместитель наркома (министра) внешней торговли СССР.

– 223.

Сибер Карел – чешский историк, специалист по истории социалистической Чехословакии и Польши.

– 111, 113.

Сикорский Владыслав (1881–1943) – польский политический и военный деятель, генерал брони (генерал-полковник). С декабря 1922 по май 1923 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел. В 1928 г. из-за конфликта с Ю. Пилсудским покинул Польшу и жил во Франции. В 1939–1943 гг. премьер-министр правительства Польши в изгнании. Погиб 4 июля 1943 г. в авиакатастрофе близ Гибралтара.

– 37.

Скобельский Роберт – польский историк, специалист по истории ПНР.

– 15, 54.

Скшешевский Станислав (1901–1978) – польский государственный деятель, дипломат. В 1951–1956 гг. министр иностранных дел Польши. В 1956–1957 гг. секретарь Государственного Совета ПНР, в 1957–1969 гг. начальник канцелярии Сейма.

– 72.

Скшипек Анджей – польский историк, специалист по истории ПНР и польско-советских отношений.

– 15, 126.

Сланский Рудольф (1901–1952) – чешский политический деятель. В 1945–1951 гг. генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии. Центральная фигура фальсифицированного судебного процесса «заговор сионистов и буржуазных националистов». В 1960-х гг. реабилитирован в политическом отношении.
– 51.

Смелов Н.А. – советский государственный деятель. В 1956 г. заместитель начальника Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии.
– 118, 119.

Соболев Аркадий Александрович (1903–1964) – советский дипломат. В 1951–1953 гг. посол СССР в Польше. В 1953–1954 гг. работал в центральном аппарате МИД СССР. В 1954–1955 гг. заместитель постоянного представителя СССР при Организации Объединенных Наций, в 1955–1960 гг. постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН.
– 47.

Спыхальский Марьян (1906–1980) – польский государственный и военный деятель. В 1945–1949 гг. заместитель министра обороны Польши. В 1949 г. министр строительства. В 1950–1956 гг. находился в тюремном заключении по обвинению в правонационалистическом уклоне. В октябре–ноябре 1956 г. заместитель министра национальной обороны и начальник Главного политического управления Войска Польского. В ноябре 1956 г. – апреле 1968 гг. министр национальной обороны ПНР.
– 178, 184.

Ставинский Эугениуш (1905–1989) – польский партийный и государственный деятель. В июле–октябре 1956 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП. В 1949–1968 гг. министр легкой промышленности ПНР.
– 176.

Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953) – советский партийный, государственный и военный деятель. Генералиссимус СССР. В 1934–1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС). В 1941–1945 гг. председатель Государственного комитета обороны.

В 1941–1953 гг. председатель Совета народных комиссаров / Совета министров СССР.

– 5, 19–21, 23–25, 29, 34, 36, 47, 53, 60, 63–65, 91, 92, 221, 225.

Стшелецкий Рышард (1907–1988) – партийный и государственный деятель. В 1945–1948 гг. секретарь воеводских комитетов ППР в Катовице и Кракове, в 1948 г. член Организационного бюро ЦК ППР. В 1951–1957 гг. министр путей сообщения ПНР.

– 192.

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – советский партийный деятель. В 1944–1946 гг. председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. В 1947–1982 гг. секретарь ЦК ВКП(б) / КПСС. В 1952–1953, 1955–1982 гг. член Президиума / Политбюро ЦК КПСС.

– 95.

Теодоси Кочу (1910–1975) – албанский партийный и государственный деятель. В конце 1940-х и начале 1950-х гг. заместитель председателя Государственной плановой комиссии, представитель Албании в Совете экономической взаимопомощи.

– 52.

Терпешев Добри (1884–1967) – болгарский политический и военный деятель. В 1944–1950 гг. председатель Государственной плановой комиссии. В 1949–1950 гг. заместитель председателя Совета министров Народной Республики Болгарии. В 1950 г. выведен из состава Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии по подозрению в связях с Р. Сланским, в действительности не подтвердившихся.

– 51.

Тито Броз Иосип (1892–1986) – югославский политический, государственный и военный деятель, руководитель антифашистского Сопротивления и партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны. В 1940–1966 гг. генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии. В 1953–1986 гг. президент Югославии.

– 103, 185.

Тромпчиньский Витольд (1909–1982) – польский государственный деятель. В 1946–1950 гг. генеральный директор Польского наци-

онального банка, с сентября 1950 по декабрь 1956 гг. заместитель министра финансов, председатель Польского национального банка, с декабря 1956 по декабрь 1968 гг. министр внешней торговли Польской Народной Республики.

– 142, 164, 173, 181.

Трумэн Гарри (1884–1972) – американский государственный и политический деятель. В 1945–1953 гг. президент США.

– 20.

Ульбрихт Вальтер (1893–1973) – германский политический и государственный деятель. Один из основателей Коммунистической партии Германии, депутат Рейхстага в 1928–1933 гг. С 1933 г. в эмиграции, представитель КПГ в Исполкоме Коминтерна, во время Второй мировой войны находился на советско-германском фронте в составе политорганов Красной армии. В 1943 г. один из основателей Комитета «Свободная Германия». В 1946–1949 гг. заместитель председателя Социалистической единой партии Германии. В 1950–1953 гг. генеральный секретарь, в 1953–1971 гг. первый секретарь ЦК СЕПГ.

– 117.

Устюгов Николай Владимирович (1896–1963) – советский историк, специалист по истории феодальной России.

– 7.

Фаркаш Михай (1904–1965) – венгерский партийный и государственный деятель. В 1948–1953 гг. министр обороны Венгерской Народной Республики. В 1946–1955 гг. заместитель генерального секретаря Венгерской коммунистической партии, секретарь Центрального руководства Венгерской партии трудящихся.

– 51.

Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974) – советский партийный и государственный деятель. В 1954–1957 гг. первый секретарь Московского горкома КПСС, в 1956–1960 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1957–1961 гг. член Президиума ЦК КПСС. С мая 1960 г. министр культуры СССР.

– 188.

Ходжа Энвер (1908–1985) – албанский партийный и государственный деятель. В 1948–1954 гг. генеральный секретарь, в 1954–1985 гг. первый секретарь Албанской партии труда. В 1946–1985 гг. председатель Совета министров Албании.

– 51.

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель. В 1938–1949 гг. первый секретарь ЦК КП (б) Украины, в 1944–1947 гг. председатель Совета народных комиссаров Украинской ССР. В 1949–1953 гг. первый секретарь Московского горкома и обкома ВКП(б). В 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС, в 1958–1964 гг. председатель Совета министров СССР.

– 60, 71, 79, 82, 91, 95–97, 102, 103, 114–116, 121, 122, 136, 140, 142, 158, 176, 177, 182, 184–188, 202.

Циранкевич Юзеф (1911–1989) – польский партийный и государственный деятель. В 1945–1948 гг. занимал руководящие посты в Польской социалистической партии, в 1948–1971 гг. в Польской объединенной рабочей партии. В ноябре 1946 – феврале 1947 гг. министр без портфеля в польском правительстве. В феврале 1947–ноябре 1952 гг. и марте 1954 – декабре 1970 гг. председатель Совета министров ПНР.

– 38–40, 47, 60, 93, 96, 111, 114, 122, 126, 127, 131, 132, 139, 142, 145, 146, 160, 164, 165, 171, 175–177, 182, 184, 187, 189, 191, 193, 220, 224, 231, 233, 235.

Черчилль Уинстон (1874–1965) – государственный деятель Великобритании. Один из лидеров Консервативной партии. В 1940–1945, 1951–1955 гг. премьер-министр, совместно с Ф.Д. Рузвельтом и И.В. Сталиным возглавлял антигитлеровскую коалицию.

– 19, 20, 23, 25.

Шатилов Сергей Савельевич (1901–?) – советский военный деятель. С 1944 г. начальник политуправления 1-го Украинского фронта, начальник Советской военной миссии в Польше, генерал-лейтенант.

– 25.

Швальбе Станислав (1898–1996) – польский партийный и государственный деятель. Председатель Главного совета Польской со-

циалистической партии, заместитель президента Крайовой Рады Народовой.

– 36, 38.

Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – советский политический и государственный деятель. В 1952–1953, 1957–1966 гг. член Президиума ЦК КПСС. В 1946–1953 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1956–1962 гг. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

– 188.

Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) – советский партийный и государственный деятель. В 1955–1957 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1956–1957 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. В 1956–1957 гг. министр иностранных дел СССР.

– 122, 188, 202.

Шир Эугениуш (1915–2000) – польский государственный деятель. В 1945–1946 гг. сотрудник польского Министерства промышленности, в июле 1946 – марте 1947 гг. заместитель министра того же министерства, в марте 1947 – апреле 1949 гг. заместитель министра в Министерстве промышленности и торговли. В апреле 1949 – марте 1954 гг. заместитель председателя, в марте 1954 – июле 1956 гг. председатель Государственной комиссии экономического планирования, в июле–ноябре 1956 г. министр строительства, в 1957–1959 гг. секретарь Экономического комитета Совета министров ПНР.

– 51, 52, 74, 75, 77, 79, 80, 96, 98, 117, 123–125, 135, 142, 143, 160–163, 171, 173, 174, 178–180, 184, 186, 193, 220–223.

Широкий Вильям (1902–1971) – чехословацкий государственный и политический деятель. В 1945–1954 гг. председатель Коммунистической партии Словакии. В 1950–1953 гг. министр иностранных дел ЧССР, в 1953–1963 гг. премьер-министр ЧССР.

– 111.

Шуман Робер (1886–1963) – французский политический деятель, участник антифашистского сопротивления, премьер-министр Франции (1947–1948). В 1940–1950-е гг. занимал также посты министра финансов, иностранных дел и юстиции.

– 45.

Щедрин М.А. (? – 1980) – советский государственный деятель. С 1949 г. заместитель председателя Госплана СССР. В 1956 г. член Комиссии Совета экономической взаимопомощи по вопросам развития угольной промышленности.

– 106.

Этли Клемент (1883–1967) – государственный деятель Великобритании. В 1935–1955 гг. лидер Лейбористской партии.

– 20.

Югов Антон (1904–1991) – болгарский политический и государственный деятель. Член Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии. В 1949–1950, 1952–1956 гг. заместитель председателя, с апреля 1956 г. председатель Совета министров Народной Республики Болгарии.

– 51.

Ярошевич Пётр (1909–1992) – польский государственный и военный деятель. В 1946–1950 гг. заместитель министра национальной обороны, главный квартирмейстер Войска Польского. В 1952–1970 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР. В 1954–1955 гг. министр горнодобывающей промышленности, в 1955–1956 гг. министр угольной промышленности, одновременно в 1955–1970 гг. постоянный представитель Польши в Совете экономической взаимопомощи.

– 66, 101, 116, 181.

Научное издание

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ОРЕХОВ

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ СССР И ПНР
(1944–1957 гг.)

Издательство «Индрик»

Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю.Е. Малева*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»

обращайтесь по тел.:

(495) 938-01-00

market@indrik.ru

www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by

www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

17,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

